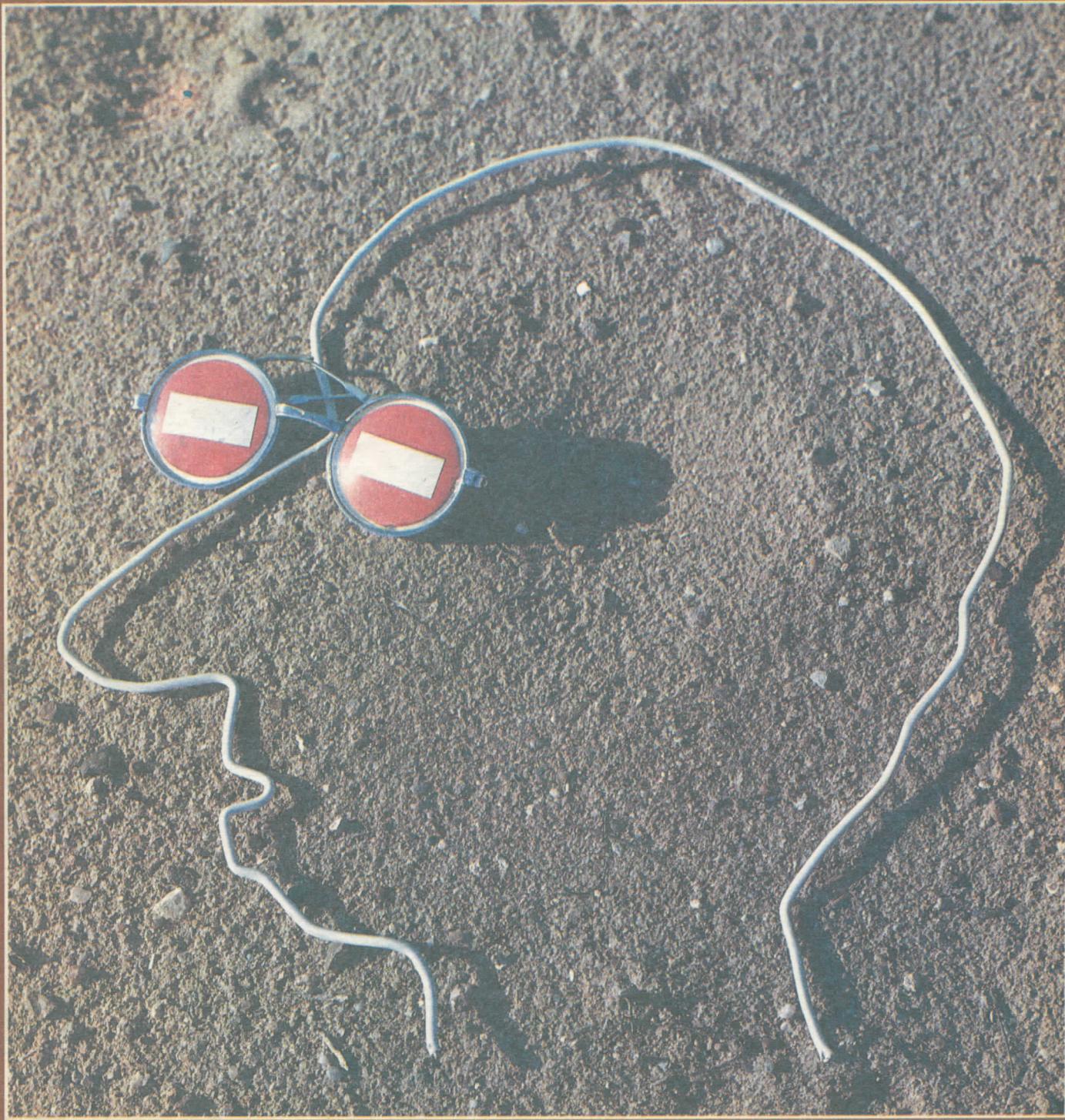

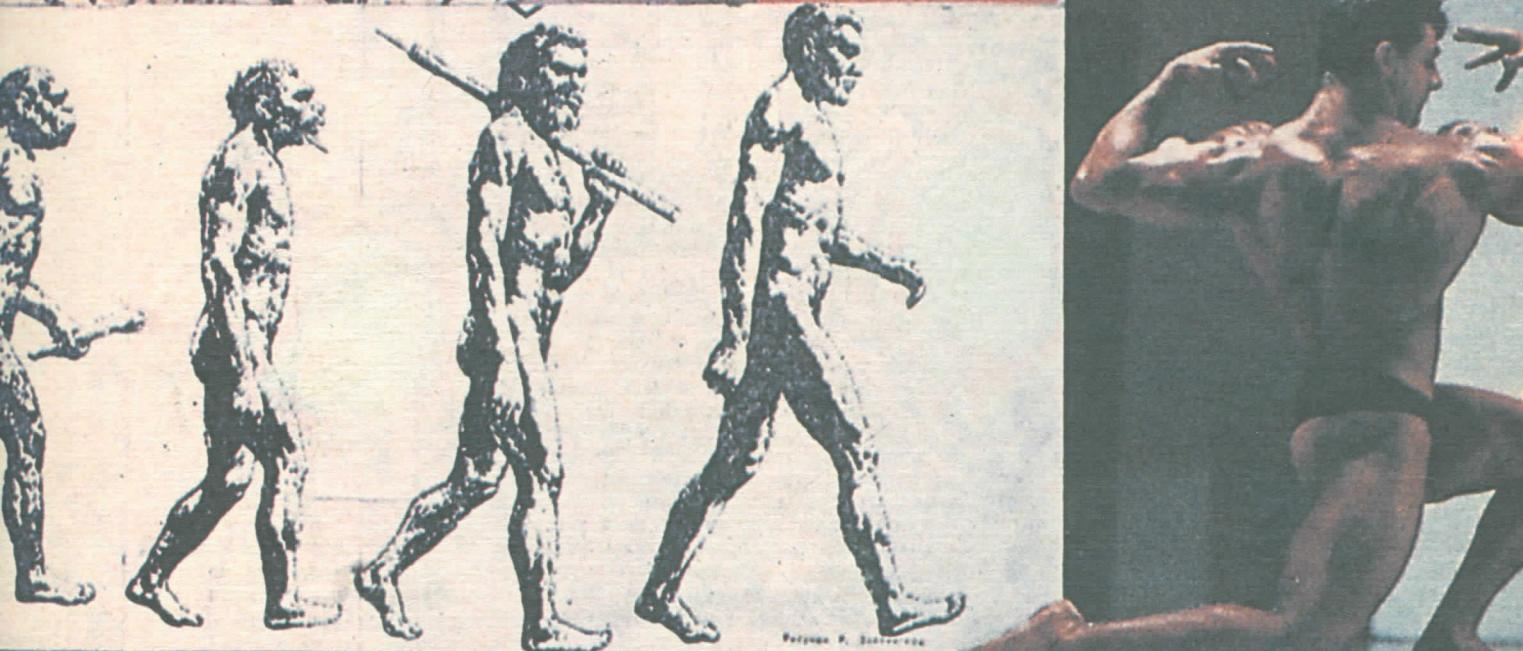
СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

МАРТ N 10(16)
1991г. 1 руб.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Валерия НОВОДВОРСКАЯ:

«ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА – ЭТО ДЛЯ НАС СЛИШКОМ ХОРОШО»

Валерия Новодворская – известный лидер Демократического союза.

Ее выступления в комментариях не нуждаются. Позиция Новодворской может показаться многим, даже демократически мыслящим людям, слишком нетерпимой и потому неприемлемой. Однако будем учиться слушать друг друга.

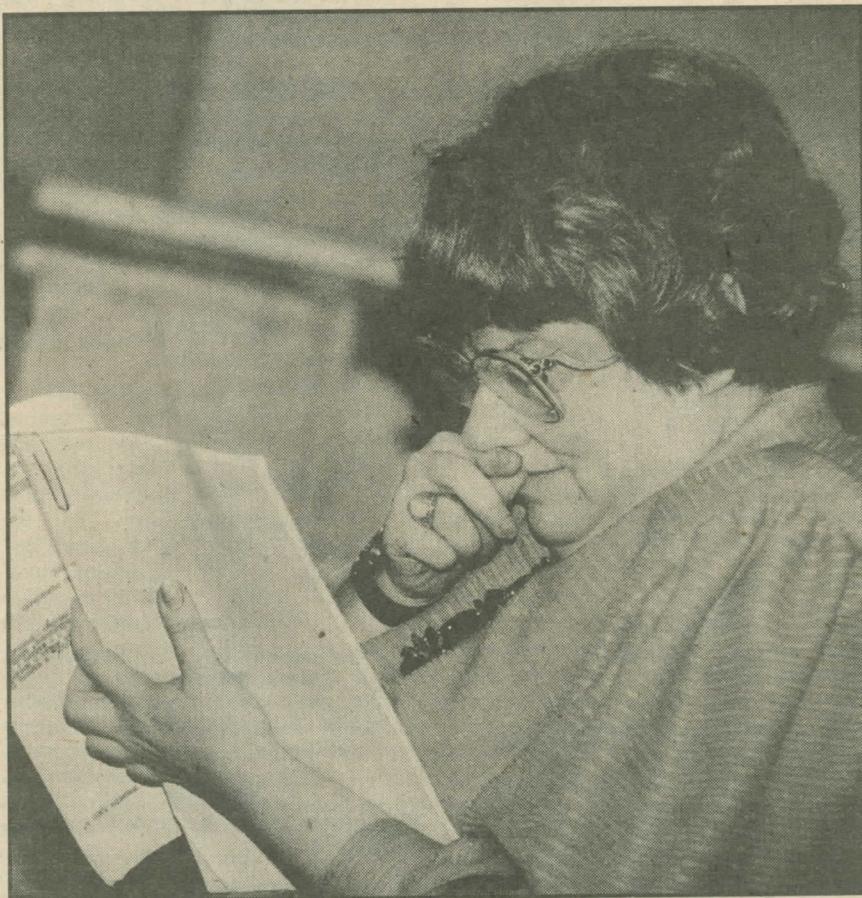

Фото Э.Кудрявицкого

— Валерия Ильинична! Ваш радикализм кое-кто пытается представить как экстремизм, который ведет к гражданской войне. Как вы к этому относитесь?

— Гражданская война нам не угрожает, потому что страна ниже уровня гражданской позиции. Гражданская война предполагает, что для кого-то что-то в этом мире еще имеет значение, что есть некая позиция, за которую люди готовы отдавать жизнь. А если люди проявляют такую холопскую преданность то Горбачеву, то Ельцину — это как раз не свидетельствует о том, что в стране возможна гражданская война. В стране возможна бойня, возможен новый террор. Гражданская война — это для нас слишком хорошо! Мы ее недостойны.

— У вас необычная философия...

— Философия для нас сейчас так же не актуальна, как и гражданская война. Люди, желающие всерьез заниматься философией, должны иметь свободное миросощущение, должны уметь мыслить, отвлекаясь от «властей зем-

ных», от государственных, исторических и прочих «рамок». Короче, это должны быть в самом широком смысле свободные люди — рабы не создают философию! И вот, поскольку наша страна пребывает в беспрогнозном рабстве, то я очень сомневаюсь, чтобы здесь могла возникнуть оригинальная философия, во всяком случае, в ближайшем будущем.

Человеческая цивилизация вообще находится сейчас не в состоянии кризиса, а в состоянии пошлости и растления. Западная цивилизация идет к утопии Хаксли: «О, этот дивный, новый мир!», где все титанические усилия запада будут увеличены «восемью краниками с духами» и «шоколадными пирожными». Дать Нобелевскую премию Горбачеву... Дальше «ехать» некуда.

А что касается советской «цивилизации», то она весьма близка к оруэлловской утопии. Конечно, наш Демократический союз, слава Богу, еще пока не «любит» Большого Брата. Но ведь ДС можно «убрать»: он очень маленький;

«СТОЛИЦА»

март, № 10, 1991
Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 921-29-85

Общественно-политический
илюстрированный
еженедельник Моссовета

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.
С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000» фирмы Аутоплан (ФРГ)

На первой странице обложки фото Виктора Беля.

На второй странице обложки фотоколлаж Михаила Чикалина.

Номер подписан в печать 7.03.1991

Тираж 200000. Цена 1 р.
© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 430

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

3 «Гражданская война — это для нас слишком хорошо»
(В.Новодворская)

ВЛАСТЬ

5 Новый кремлевский мечтатель, или Почему нас дурят?
(В.Янкулин)

ПЕРЕСТРОЙКА / ПЕРЕСТРОЙКИ

11 Три источника и три составные части Гостелерадиокомпании СССР
(К.Рыбак)

ПОЗИЦИЯ

13 Без лебединых песен и прогулок с собаками
(А.Ефимова)

ПОДОПЛЕКА

20 Мина в центре Европы
(А.Моссов)

МЫ

24 Старость — не в радость
(В.Переведенцев)

КАЗЕННЫЙ ДОМ

30 Психиатр за решеткой
(Е.Салина)

ИНТИМ

36 «Скоропалительные и непродуманные указы только ухудшают ситуацию. Во всяком случае, в области борьбы с порнографией»
(В.Гульдан)

ВЗГЛЯД

39 «Сделать вид, что диктатуры нет?»
(А.Кабаков)

МИФЫ

42 Дворянский синдром
(А.Тимофеевский)

АРХИВ

44 «Я вспомню — Россия, Свобода, Керенский на белом коне...»
(Г.Иванов)

ОТГУДА

51 Беженец
(З.Зиник)

АРТ-САЛОН

64 «Хомо советикус» без перестроек и гласностей
(В.Цыбульский)

5 «И сегодня, каждый раз видя по телевизору лицо нового премьера, я поражаюсь не убожеству его утверждений, а тому, за каких дураков нас всех держат».

30 До 80 процентов подследственных, содержащихся под стражей в следственных изоляторах, проходят психиатрическую экспертизу. Что мы знаем об этом? Да ничего.

49 «Это мы — сукины дети, привыкшие жить в постоянном унижении, — снова молчим, матерясь сквозь зубы...»

и Большого Брата — в любой ипостаси: Ельцина, Горбачева, Собчака, Попова — будут любить все.

Поэтому человеческая цивилизация не в кризисе. Цивилизация утопает в пошлости, цивилизация пребывает в состоянии тлены. Цивилизация утратила свой жизненный стержень — революционный либерализм. Только на основе революционного либерализма, который был свойствен Соединенным Штатам времен Патрика Генри и Томаса Джефферсона, можно достойно существовать. У нас же революционный либерализм ограничивается крохотной группой людей, которые «в поле не воины», потому что они одни. Ну и, как видите, в результате всех этих подсчетов выясняется, что кризис — это для нас тоже слишком хорошо! Дело обстоит гораздо хуже!

— В отношении западной цивилизации мы придерживаемся иной точки зрения. Но, как говорится, о вкусах не спорят. В то же время я вполне разделяю вашу оценку нынешнего состояния советской цивилизации: хуже чем кризис. Но, простили за прямоту, я лично этому не удивляюсь. Разве вся история России — это не сплошная череда развалов и потрясений? Иногда мне даже кажется, что правы сторонники «норманской теории», утверждающие, что Россия изначально и в принципе не способна к самостоятельному государственному развитию.

— Что ж, доля истины в названной вами теории, видимо, есть. С самого начала историческая ущербность присутствовала в этой стране. Потому, что менталитет «муравейника» нам был всегда и весьма свойствен. У нас недоразвилась индивидуальность. У нас не было концепции индивидуализма как базиса мировоззрения.

Ошибочное сознание, коллективистское сознание, знаменитая соловьевская «соборность» (наиболее «рафинированное» воплощение этого коллективистского сознания) и отлично гармонирующая со всем этим «социалистическая идея» (которую лучше всех выразил Карась-идеалист — «если бы все рабы согласились...») Да — это историческое проклятье России.

— В последнее время в прессе, контролируемой КПСС, все чаще встречаются примерно такие рассуждения: Ленин не застал процветающего капитализма, Ленин до Рузвельта не дожил, Владимир Ильич абсолютно искренне верил, что капитализм обречен, а коммунизм — спасение человечества. Более того, Ленин первым выступил против притязаний Сталина на власть, следовательно, говорят эти люди, Ленин субъективно не виноват; и не трогайте товарища Ленина!. Как бы вы могли оценить эту «логику»?

— Это типично совдеповская логика; логика самозащиты и самообмана. Хочется одну «святыню» оставить «на развод», иначе придется признать, что жизнь-то прошла зря, что жизнь прошла мимо. А это неприятно; хочется все же ухватиться за какой-нибудь «краешек», а «краешка» — нет!

Что же касается «соотношения» между Лениным и Сталиным, то все рассуждения на этот счет — смехотворны! Ленин гораздо более опасный тиран, чем Сталин. Ленин в общем-то в седеял, Сталин же всего-навсего — довершил. Сталин, конечно же, щенок и «приготовишка» по сравнению с Владимиром Ильичем. Ибо заложить такой фундамент, так грамотно все это построить, причем — на века, мог только человек, который (вопреки Пушкину) великолепно совместил в себе гения и — злодея!

Вы посмотрите: все слова, все действия, все замыслы этого «гениального вождя» сводятся только к одному: загнать людей в рай дубиной! Налицо совершенно искренний (хотя и безумный, хотя и чудовищный по своим пос-

ледствиям). фанатизм! Вообще же, социально-нравственное «кредо» ленинизма сформулировать можно так: отрубим людям ноги, и пусть у них вырастут — крылья! Но... не получилось. Ноги отрубили, крылья не выросли. И в итоге ковыляют по Земле искалеченные обрубки, причем каждый искалеченный обрубок такого рода — это и есть «гомо советикус»...

— Сейчас, в период всеобщей нравственной катастрофы, постигшей «советское общество, многие ищут путь к моральному возрождению через религию. Ваша партия, как мне известно, тоже разделяет этот подход. Как же сочетается ваше тотальное неприятие авторитетов с религиозностью?

— Религия — это не то, что нам обычно представляется, и совсем не то «спасение», которое действительно спасет. Ведь «советский человек» — он во всем советский человек: как был он язычником, так и остался! У нас было и (значительной мере) сохраняется до сих пор очень грубое, нерассуждающее христианство; до бердяевского православия мало кто поднялся.

На самом же деле, христианство — это отнюдь не обряды и не молитвы: это — нравственная человеческая позиция. И непременно антигосударственная позиция. Христос проходил сквозь государство как сквозь стену, он был вне государства. Вся жизнь Иисуса — это борьба, это бунт Индивидуальности против Государства. Так вот тот, кто способен так к веровать (а христианство есть прежде всего Голгофа!), тот, безусловно, догматизма избегнет; потому что Крест — главнейший символ христианства — это духовно-нравственный феномен колossalной сложности, феномен, побуждающий к мысли, а не только к «усвоению постулатов».

При таком понимании христианства автоматически отпадает и проблема «религиозного фанатизма»: фанатизм и активное, самостоятельное, пребывающее в вечном поиске истины мышление — несовместимы!

— Следующий вопрос будет посвящен национальной проблематике. Как мне представляется, демократические силы СССР, в отличие от «правых» («правые» сделали себе на этом «конек»), недостаточное внимание уделяют национальным проблемам. Наряду с «надуманными» проблемами в этой области существуют ведь и реальные. Возьмем, в частности, Прибалтику. Конечно, отвергать независимость Прибалтики — античеловечно. Но, с другой стороны, где гарантии, что, получив эту независимость, Прибалтика не использует ее в ущерб своему русскоязычному населению? «Взрыв» местного патриотизма, начавшийся в прибалтийских республиках и направленный пока что против Москвы, не обернется ли в самостоятельной Прибалтике жесточайшей дискриминацией «некоренного» населения? Как тут быть?

— Вас беспокоит судьба «русскоязычных» в Прибалтике? Существуют ли гарантии, что их жизнь будет по-прежнему нормальной и благополучной? Да гарантий таких — полно! И главная гарантия заключается в том, что практически все сюжеты, вами названные, — иллюзорны.

Во-первых, что это за «демократические силы», о которых вы изволили упомянуть? В стране нет демократических сил. В стране есть демократическое бессилие. Наши «демократы»? Да это несчастные кролики, которые просят, чтобы удавы их освободили; а удавы их в это время кушают. (Разумеется, в стране есть ДС и еще пятьдесят приличных, «неангажированных» организаций; но это не в счет, это — капля в море.) Так не все ли равно, какую позицию занимают наши бессильные «демократы»

по любому вопросу, в том числе — по национальному. Недооценивают, переоценивают... Какая разница?

А, во-вторых (и это главное), на данном этапе истории никуда Прибалтика «от нас» не уйдет, никакой свободы она — не получит. Потому что она... Советская Прибалтика. Они слишком долго с нами жили и слишком многим заразились от нас. Это уже не та Прибалтика, которая в 40-е годы пошла в леса! Это совершенно новая, советскофашизированная Прибалтика, в которой недостаток мужества восполняется лихорадочными, паническими действиями; где объявляют мораторий на собственную свободу, где поздравляют Горбачева с нобелевским лауреатством, где принимают совершенно недоступное здравому смыслу законодательство о смертной казни и т.д.

Так что никто никуда не уйдет, мы не разлучны.

— Лидер «Памяти» Д. Васильев называл ДС «чисто сионистской организацией». Действительно, интересно было бы знать, как относитесь вы и ваша партия к сионизму?

— Никак не относимся. Это «не наша» проблема. Да на здоровье! Почему бы и нет? Какое мы имеем ко всему этому отношение? Что же касается Дмитрия Васильева и ему подобных, то о них я бы так сказала: «Родиться русским слишком мало, чтоб русские иметь права!»

Я удивляюсь, что эти отъявленные патриоты до сих пор еще с властями не поссорились. Ведь в наше время быть истинно русским — это значит не быть советским! И как же это они ухитрились до сих пор уклоняться от конфронтации с властью имущими? Просто они совершенно и е м е ш а ю т коммунистической системе, так как корень зла они «усматривают» не в существующем режиме, а в мифических «сионистах», которых нет и сто лет еще не будет.

Мне кажется, что патриотизм — это не вопли и не биение себя в грудь. Я думаю, что когда мы, Демсоюз, внесли в свои политические принципы пункт об отказе от эмиграции из морально-этических соображений, то тем самым

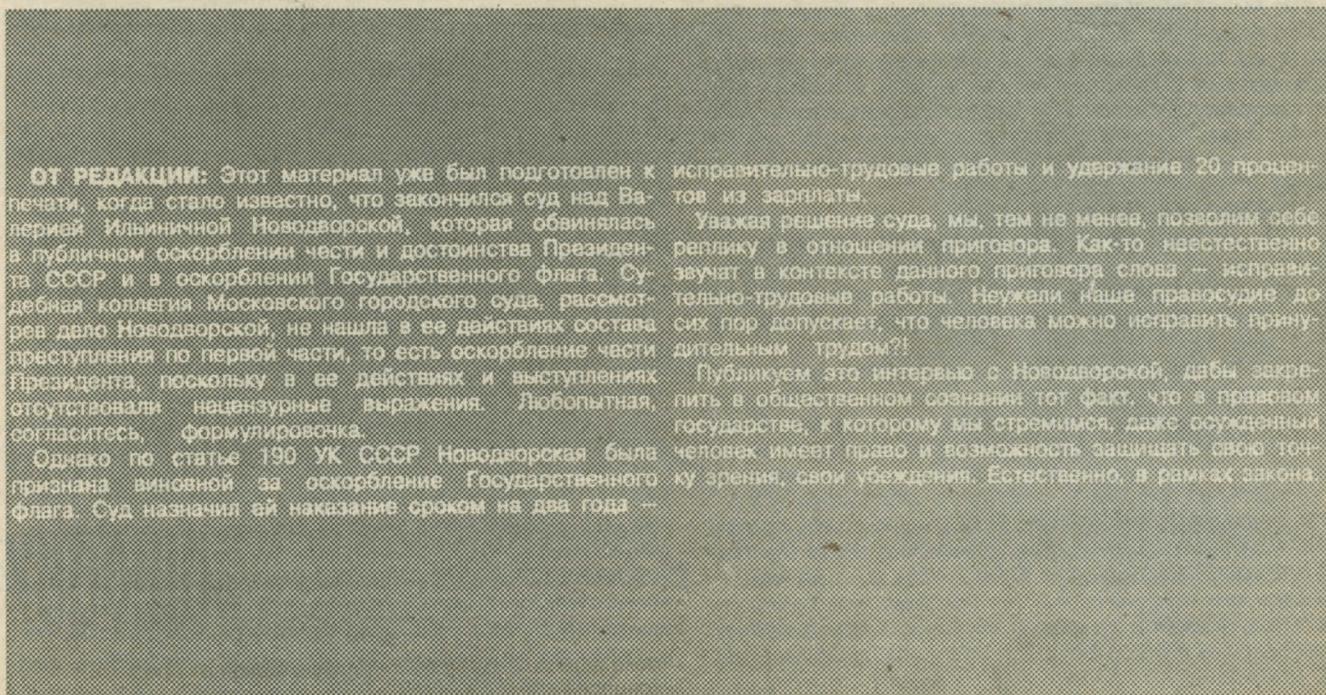
мы достаточно четко доказали все, что полагается на эту тему доказывать.

— ДС отличается от других левых партий четко выраженной нетерпимостью ко всем, чья позиция хоть на «миллиметр» не совпадает с позицией Демсоюза. Не знаю, можно ли назвать такой подход рациональным. Я не собираюсь отставать «честь и достоинство» Горбачева. Но нападки на Ельцина, Попова, Травкина... Стоит ли из-за второстепенных, несущественных разногласий «раскачивать» демократический лагерь?

— Понимаете, у нас демократического лагеря пока еще нет, у нас есть концентрационный лагерь. А его раскачивать стоит. И Горбачев, и совдепы, и КГБ, и Калугин, будущий наш либеральный кумир, который заранее на очередь записался. И Ельцин, плохо полнивший большевик, который вовремя бросил партбилет в набежавшую волну, и Попов, который вводит изл на уровне «военного коммунизма», и (самый умный из них) наместник коммунистической власти Собчак, который достаточно хорошо скрывает свои намерения, — это не демократический лагерь. Помилуйте, это все атрибуты нашего вечного советского концлагеря, нашей несвободы.

Демократический лагерь, если бы он был, — это был бы... военный лагерь. Я не имею в виду оружие. Я имею в виду настроение этого лагеря по отношению к советскому социуму. Теперь — о нетерпимости. Нетерпимость не является недостатком, если это нетерпимость ко лжи, к злу, к предательству. Нетерпимость становится недостатком, если она проводится в «материальные отношения», в насилие. Но при чем же здесь ДС? Наша нетерпимость имеет лишь одну форму внешнего выражения: презрение. А презрение, вернее, способность к нему, есть прерогатива Свободного Человека. Это оружие мы использовать — вправе!

Беседовал Владимир КРАСНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ: Этот материал уже был подготовлен к печати, когда стало известно, что закончился суд над Валерией Ильиничной Новодворской, которая обвинялась в публичном оскорблении чести и достоинства Президента СССР и в оскорблении Государственного флага. Судебная коллегия Московского городского суда, рассмотрев дело Новодворской, не нашла в ее действиях состава преступления по первой части, то есть оскорблении чести Президента, поскольку в ее действиях и выступлениях отсутствовали нецензурные выражения. Любопытная, согласитесь, формулировочка.

Однако по статье 190 УК СССР Новодворская была признана виновной за оскорбление Государственного флага. Суд назначил ей наказание сроком на два года —

исправительно-трудовые работы и удержание 20 процентов из зарплаты.

Уважая решение суда, мы, тем не менее, позволим себе реплику в отношении приговора. Как-то невестственно звучат в контексте данного приговора слова — исправительно-трудовые работы. Неужели наше правосудие до сих пор допускает, что человека можно исправить принудительным трудом?

Публикуем это интервью с Новодворской, дабы закрепить в общественном сознании тот факт, что в правовом государстве, к которому мы стремимся, даже осужденный человек имеет право и возможность защищать свою точку зрения, свои убеждения. Естественно, в рамках закона.

Владислав ЯНКУЛИН НОВЫЙ КРЕМЛЕВСКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ, ИЛИ ПОЧЕМУ НАС ДУРЯТ?

Нельзя залезть в шар и найти угол.

Э тот софизм, только в несколько более грубой форме, я услышал много лет назад от одного одесского. Тогда меня поразила в нем не столько безупречность логики, сколько ее безысходность. И сегодня, каждый раз видя по телевизору лицо нового премьера, я поражаюсь не убожеству его утверждений, а тому, за каких же дураков нас всех держат.

Пока Валентин Павлов не обнародовал своей экономической программы. Зато у него есть программа действий. Начиная с акции денежного обмена, которая, по оценке академика С.Шаталина, обошлась нашей экономике как минимум в 10 миллиардов потерь, он ведет себя весьма активно и достаточно последовательно. Например, едва все вздохнули в связи с окончанием действий «абалкинского налога», как 8 февраля Госбанк СССР разослал телеграмму, требующую ограничений на зарплату еще более жес-

Пока верстался номер: В.Павлов отрекся от президенства в концерне «Деловой мир».

тих. Все готовы к указу Президента СССР, по которому вся валюта советских граждан и организаций в иностранных банках должна быть переведена во Внешэкономбанк СССР, и, скорее всего, на новых счетах ее заморозят. Ну а наши с вами счета, дорогие сограждане, заморожены как раз в тот момент, когда большинству жить на зарплату становится просто невозможным.

Сценарий Павлова до примитивности прост. Во-первых, отнять все, что как-то скопилось у людей и предприятий за последние годы попытка нормального свободного труда. Во-вторых, поставить жесткие тюремные решетки на образующуюся где бы то ни было прибыль — валютную и рублевую. В-третьих, совершить еще один долгожданный обман и под маркой рынка создать жесткую структуру собственности центрального правительства и КПСС, пронизывающую буквально всю хозяйственную деятельность — от частных и акционерных до государственных компаний и концернов. (Кстати, ежедневная газета «Деловой мир» напоминает нам в каждом номере о том, что Павлов — президент одноименного концерна). И если раньше говорилось, что мы — свободные труженики на государственных предприятиях, которые принадлежат народу, то теперь будем работать на собственных акционерных предприятиях, 49 процентов акций которых почему-то станут принадлежать государству.

Сейчас очень забавно наблюдать, как люди играют в фантики, совершенно не заботясь о вкусе и содержании конфеты. Недавно по Центральному телевидению была показана передача о Столыпине. Ведущий изо всех сил пытался вызвать у зрителей ассоциации между Горбачевым и Столыпиным. И в реформаторстве, и в любви к России. И, напирая на трагичность судьбы всех реформаторов, со вздохом обрывал фразу, боясь будто бы накаркать и быть неправильно понятым. Но главного он все-таки не сказал. А между Столыпиным и Горбачевым — принципиальная разница: Горбачев однозначно высказался против частной собственности на землю, Столыпин за эту идею отдал жизнь.

Повторяя слова о рынке, о перестройке, о демократии, Павлов на деле к каждому из этих понятий приклеивает ярлык «анти». Он так спешит вернуть все на круги своя, что порой забывает всякие приличия. Чего, например, стоят его утверждения о намерениях западных банков вызвать гиперинфляцию скопкой советских купюр? И размер-то скопки — оцененной самим Павловым и оказавшейся полным блефом — исчислялся всего одной пятой тех бумажек, которые напечатал сам Павлов. Так кто же стремился вызвать гиперинфляцию в нашей стране?

Вот и во всех последних акциях против российского правительства угадывается чисто павловский почерк: все они преследуют якобы финансовые нарушения. КГБ и Прокуратура не посмели бы столь категорично судить, можно или нельзя заключать сделку на 140 миллиардов рублей. Они — даже формально не специалисты. А Павлов — специалист (заметим, формальный). И он — очевидно — такую санкцию дал.

— Ну уж хватили через край, — слышу слова моего оппонента, — не может же финансист выдвигать столь смехотворные обвинения, какие вешают прокуроры с телевизора. Их основная аргументация: 140 миллиардов — это же сколько вагонов с деньгами! Финансист ведь знает, что в подобных операциях деньги «живьем» никогда не возникают. Да и речь шла о длительном — на годы — инвестировании в народное (прежде всего — сельское) хозяйство нищей России.

Все правильно, дорогой оппонент. Но вы забываете, что

Павлов только что самолично оказался, ну как бы это помягче сказать, на неудобном месте со своими 8 миллиардами в западных банках. Просто миллиарды не обнаружились, и ему надо было как-то компенсировать свою несостоятельность 140 миллиардами — еще более мифическими. К сожалению, правила идеологической игры (вспомним: ложь должна быть чудовищна, чтобы в нее поверили) он усвоил лучше, нежели азы кредитного права.

О каком вообще профессионализме можно говорить, когда все действия правительства направлены на снижение деловой активности, которая, естественно, снизит поступление налоговых сумм и ударит прежде всего по республиканским бюджетам? О каком профессионализме можно говорить, когда премьер делает все, чтобы отпугнуть иностранный капитал, без которого сегодня невозможно технологическое и материальное обновление промышленности? О каком профессионализме можно говорить, когда почти каждое утверждение премьера либо безграмотно, либо — неправда?

Не будем повторяться с уже известными примерами обмена денег и прочего, возьмем некоторые из его последних высказываний. Отвечая на вопросы в Верховном Совете СССР после доклада о ценовой политике, он, в частности, утверждал:

«Ажиотажный спрос и перемещение товаров из магазинов в квартиры будет остановлен. Поэтому на какой-то период времени спрос упадет даже ниже нормального уровня в связи с тем, что люди начнут использовать накопленные запасы».

И это он прогнозирует в самом ближайшем будущем, как только на прилавках поменяются ценники. Прогноз нелеп. На создание ситуации, которую описывает Павлов, Польше потребовалось больше десяти лет, введение полной и всеобщей приватизации, смена политического режима, гигантские валютные займы.

Обще, как известно, Павлов не первый мечтатель, поселившийся в Кремле за последние 70 лет. Но его заключения вроде: «Дело не в том, что кто-то допустил ошибку, изменив без достаточных оснований оптовые и закупочные цены. Если бы это было так, то в принципе положение можно было бы давно и легко исправить. Достаточно было отменить такое решение или сместить людей, которые допустили ошибку» — отдают экономической наивностью, не свойственной даже его предшественникам.

А вот он вещает с трибуны, модулируя голос и изображая искреннее негодование по адресу правительства России и других республик, которые хотят обмануть народ и не дать им соответствующей компенсации. А он, Павлов, без этого не мыслит своей жизни. Его волнует, сколько будет получать каждый ребенок, каждый студент, каждый пенсионер, но при этом он не объясняет, почему все эти дети, студенты и пENSIONеры должны получать благодеяние из рук товарища Павлова, а не от своего республиканского правительства?

Или, давая очередное интервью по кравченковскому телевидению, он, как бы в порыве откровенности — ладно, давайте начистоту, — заявляет, что Ельцин не говорит правду. А правда состоит в том, что, следя Ельцину, мы придем к безработице и «немцам-командирам».

Ну, о безработице лучше бы промолчать, ибо именно по вине союзного правительства сейчас по всей стране встают предприятия легкой и пищевой промышленности. Именно союзное правительство «забыло» скординировать поставки сырья внутри страны или закупить его за рубежом.

Мне очень хотелось задать вопрос Павлову, какого

«немца-командира» он имел в виду? Всех этих буржуев, которые лезут со своими деньгами и советами? Но ведь решать, кого приглашать и как обустраивать свою жизнь, должен народ, а не тов. Павлов. Это, видимо, расходится с его представлениями. Вот один из его подчиненных, начальник Управления миграции Госкомтруда СССР П. Рудев, проводит пресс-конференцию, на которой открыто призывает ВС СССР не принимать Закона о въезде и выезде советских граждан, так как это подтолкнет многих к необдуманному решению покинуть страну, а за рубежом, мол, их никто не ждет. Как будто кто-то ждал миллионы индусов, турок, югославов, поляков и людей других национальностей, которые подолгу работают за пределами своих стран. Опять за нас какой-то дядя пытается решить, что нам делать и чего не делать. Опять у нас пытаются отнять те минимальные права, которые даны всему живому и разумному: выбирать, где жить и работать. Я уж не говорю, что общизвестно: в зависимости от принятия данного закона находится решение о предоставлении Советскому Союзу режима благоприятствования в торговле с западным миром. Закон нужен не только тем, кто желает уехать, но и тем, кто хочет остаться.

И уж если Павлов призывает Ельцина, Собчака, Попова и других говорить «правду», то почему бы ему самому не сказать действительно правду о своих намерениях. О том, что начался откат к прошлому, что, как сказал С. Шаталин, рыночная экономика объявлена вне закона и правительство ненавидит ее. И тогда все мы сделаем соответствующие выводы, как Артем Тарасов, который заявил, что, если об этом будет объявлено открыто, он бросит предпринимательство и уйдет на завод инженером.

Можно бесконечно цитировать Павлова, демонстрируя несоответствие его слов и поступков. Чего стоит такая фраза:

«Работающим надо дать не только компенсацию, но и возможность зарабатывать».

Ну сказал, прямо как Г. Попов, только через два года после него. А сделал с точностью наоборот: по новому положению реальная зарплата с компенсацией (!) ограничивается суммой 460 рублей.

И так, своей экономической программы Павлов не представил и даже замалчивает факт ее существования (это, кстати, не исключает неожиданного ее обнародования, хотя чего-то подлинно неожиданного нас не ожидает). Однако он сделал концептуальный доклад «О структуре и основных направлениях деятельности Кабинета министров СССР» на проходящей сессии ВС СССР. Постараемся прочесть его внимательно.

Вначале идет констатация общизвестных фактов, заканчивающихся сакримальной фразой: «Сегодня страна живет хуже, чем может». (После фильма «Так жить нельзя» один из тех, по милости кого мы **ТАК ЖИВЕМ**, уверяет, что жить все-таки можно.) И далее:

«Поэтому при выработке подходов к формированию идеологии новой организаций управления (речь идет о Кабинете министров. — **В.Я.**) мы опирались прежде всего на выводы и решения, консолидирующие и мобилизующие общественные силы для конструктивных действий».

Слова вроде бы разумные. Только за ними ничего нет. Говоря о консенсусе, Павлов подразумевает одно: согласие с ним, Павловым. А если демократы не понимают, что с ним надо соглашаться, так как именно он олицетворяет все чаяния народа, то вот вам — телеграммы отовсюду! Не будем ему уподобляться, хотя я видел, сколько возмущенных, действительно разных, а не написанных под ко-

пирку телеграмм пришло в ВС РСФСР после обструкционистской вакханалии, которую попытались устроить Ельцину.

В качестве простого объективного примера напомним результаты референдума в Литве, несмотря на беззастенчивую пропагандистскую кампанию Центра: 90 процентов высказались за одно и только 6 — за другое. И уверять накануне этого, что народ распался надвое, что 6 процентов (в число которых вошли военнослужащие и члены их семей, расквартированные в республике) — это половина (!), могут только очень уверенные в своей безнаказанности люди.

В своем докладе Павлов даже дает процедуру достижения консенсуса, если возникнут противоречия при заключении Союзного договора:

«В качестве первого шага еще до подписания Союзного договора важно условиться о двух возможных подходах. Первый — по договоренности сторон оформляется взаимное делегирование полномочий и передача функций. И тогда, естественно, решение принимает тот, за кем они закреплены. Второй — в тех областях, где договоренность пока не достигнута, решения принимаются только совместно».

И опять, дорогие сограждане, нас считают за дураков. Ведь все вопросы здесь комплексные. Их решают, как принято говорить, общей корзиной. Нельзя в части из них решения сделать детерминированными, а в части — оставить открытыми. Вот, скажем, договорились, что сфера армии делегируется Центру, а не договорились по применению армии на территории республик, которые требуют, чтобы у них было право ратификации подобных решений Центра. И получается просто: Центр отдает приказ о применении силы на законных основаниях и на них же не дает его блокировать — ведь не договорились же!

Идем дальше:

«Принципиальное значение в формировании подходов имеют цели и задачи президентского правления... Теперь Президент СССР наделен широкими полномочиями и функциями исполнительной власти. Ему подчинен Кабинет министров СССР. Это в корне меняет традиционные формы и методы управления, и мы это учитывали. Поворотным моментом является принятый курс на ускорение перехода к социально ориентированному рыночному хозяйству».

Итак, Кабинет министров подчинен Президенту, почему же не Президент докладывает ВС о его структуре и предполагаемой деятельности? Ведь высшая исполнительная власть у Президента, а каковы права и обязанности Павлова — мы еще не знаем и хотели бы услышать из уст Президента. Кстати, где-то между ними затерялся вице-президент. Как они делят между собой все функции власти, пока неизвестно. И заверения Павлова, что он при определении своих прав «учитывает существование Президента, меня лично не устраивают». И наконец: что это за «социально ориентированное рыночное хозяйство»? Наверное, что-то бордо развитого социализма...

Вообще цитировать Павлова одно удовольствие: почти каждая фраза, что-то утверждающая, на 90 процентов далека от действительности. Специально не ишу — беру следующий абзац:

«Нашей постоянной заботой должны стать активное регулирование и синхронизация основных процессов перехода страны к рынку, создание экономических и правовых условий для функционирования свободных товаропроизводителей на едином общесоюзном рынке, содействие в становлении рыночной инфраструктуры».

А на деле: «активное регулирование» — это подмена рынка все теми же государственными структурами, «создание условий» — рекордное по беззаконности решение о проверке финансовой и другой документации, материальных средств, об остановке производства, «инфраструктура» павловского рынка — его эмиссары, диктующие на нем свою волю и производителю, и потребителю.

Экономика — наука не менее жесткая, чем физика. И когда Павлов говорит, что ему надо «нащупать» границу между административными и экономическими формами управления, сразу хочется заметить, что «щупать» — это из несколько другой области. Если бы он всерьез говорил, что речь идет о «методе тыка», то это было бы понятней, хотя мы им пользовались 70 лет и уже натыкались. На самом деле Валентин Сергеевич лукавит. Он априори знает, что будет делать, но эту свою деятельность камуфлирует в ничего не значащие заверения и обещания (если у вас сомнения, вспомните все тот же обмен денег и заверения Павлова о его невозможности).

А вообще говоря, Павлов бывает и откровенным:

«В крупном плане, я бы сказал, что нам сообща предстоит заново создать систему государственного территориального регулирования».

И какими бы оговорками он это ни обставлял — суть одна: возвращение к сталинской командно-административной системе. Поверив Павлову, мы вступим в эпоху реставрации неосталинизма.

Чего стоит такое, например, заявление:

«Вмешательство любых государственных органов, общественных организаций, должностных и иных лиц в препараторию кабинета недопустимо. Если этого не будет, нам вновь и вновь придется возвращаться к проблеме парализма власти и управления».

Это уже пахнет ультиматумом. Значит, и Президент, как должностное лицо, и Прокуратура, как государственный орган, надзирающий за законностью, и Комитет конституционного надзора, и, наконец, Верховный суд страны не могут оспаривать решения тов. Павлова. И надо сказать, он поступает в соответствии с прецедентом: он сидит на месте Владимира Ульянова, Иосифа Сталина и даже Никиты Хрущева. В их бытность все совершалось по той же схеме, и почему бы ее не реставрировать. Павлову, видимо, не дают покоя лавры Президента, который наделен высшей и законодательной, и исполнительной властью, этого же требует себе и он:

«Окончательного разделения законодательной и исполнительной власти у нас еще не произошло. Народно-хозяйственные проблемы сейчас очень динамичны, и в период парламентских каникул возможны различные ситуации. Гарантией того, что кабинет не будет злоупотреблять таким правом, служит сам Верховный Совет, незамедлительно уведомляемый (а как же каникулы? — В.Я.) о принятом решении и способный отменить его, считая неправильным. Такие же полномочия имеет Президент СССР (а если и он в отпуске или отъезде? — В.Я.)...»

О том, что эти оговорки лишь ширма, свидетельствует перечень вопросов, в которых Павлов требует себе особых полномочий:

«...особо следует оговорить предложение о наделении Кабинета министров правом принимать постановления временного характера по отнесенным к компетенции Верховного Совета СССР вопросам руководства народным хозяйством... В частности, о полномочиях Верховного Совета, предусмотренных пунктами 7 и 10 статьи 113 Конституции СССР (об осуществлении регулирования организаций управления народным хозяйством и социально-

культурным строительством, бюджетно-финансовой системы, оплаты труда и ценообразования, охраны окружающей среды и использования природных ресурсов, а также о внесении в случае необходимости изменений в план и бюджет). Вряд ли оправданно, если по каждому из этих вопросов мы будем прибегать к указам Президента. Это будет только мешать делу».

Итак, даже если мы сегодня не очень довольны указами Президента, завтра то же самое, только худшее, будет происходить даже без этих указов. (Я уж не говорю о логике премьера: что за срочность может быть для изменения зарплаты или выпуска новых денег?)

Последний пассаж, раскрывающий диктаторские амбиции, звучит так:

«Совершенно очевидно, что полномочия Кабинета министров СССР этим не ограничиваются. Вряд ли можно вообще составить их закрытый перечень».

Вот так-то. Если нельзя составить «закрытый» перечень, то тем более нельзя и открытый — не секретный. В общем, премьер явно размечтался. И, завершая чтение концептуального доклада, приведем еще одну цитату:

«Можем ли мы при этом повторять пути других стран, постоянно заглядывать «через забор», копируя их опыт? Ведь такой подход все время будет ставить нас в невыгодную позицию догоняющего».

Нас уже держат не только за недоумков, но и беспамятливых. Дорогой тов. Павлов, мы ведь уже кого-то догоняли и перегоняли, мы уже должны были жить при коммунизме, и те, кто нам это обещал, были, поверьте, не глупее вас.

К моменту сдачи этого номера «Столицы» в печать Президентом, очевидно, по согласованию с премьером, было предложено 23 кандидатуры членов кабинета — примерно половина от запланированного. Для всех уже ясно, что кабинет сильно похудел даже по сравнению с предыдущим. Вместо яркого Шеварднадзе пришел безликий Бессмертных, вместо колеблющегося Ненашева — решительный Кравченко, вместо совестливого Бакатина — «латышский стрелок» Пуго, удивительно сохранивший «революционную мораль». И мы должны быть довольны, что пока сохранены Крючков и Язов: логика перемен, увы, такова, что все изменения в правительстве — к худшему. Как тут не вспомнить Николая Ивановича, который говорил, что мы еще не раз вспомним добрым словом его правительство.

Я не знаю, каков Павлов в обыденной жизни, я не знаю, как он учился, имел ли несчастье кончить школу с медалью и институт с отличием или же был банальным троекщиком, каких в номенклатуре хоть отбавляй. Я этого не знаю и не хочу знать, ибо не пишу биографии тов. Павлова. Я сужу только о его делах и его словах. И суждение здесь однозначное.

Очевидно, что он неплохо обучен в известных структурах правилам игры на партийно-государственном эскалаторе: не беги, не обгоняй, смотри в спину впереди-и выше-стоящему. И потому я не буду наивно, как Станислав Шаталин, призывать Павлова подать в отставку. Он ведь из тех, про кого поэт сказал: «Гвозди бы делать из этих людей...» Кстати, сам Павлов собирается быть премьером долго: предлагаемая им структура власти кабинета, по его словам, может сохраняться «за пределами» 1992 года. И искать, как милый Станислав Сергеевич, какую-то этику в экономике Павлова, все равно что угол внутри сферы... Какая этика, какая экономика? Главное — несгибаемость гвоздей.

В Москве инициативной группой защиты политических заключенных издан первый выпуск «Приговора по политическим делам в СССР».
Цель издания — предупреждение служителям современной Фемиды, историческое свидетельство о создании условий для торжества человеческой подлости, призыв к консолидации противников режима.

Фото В. Ермолаева

ЗА НАМИ УЖЕ ПРИХОДИЛИ...

Особого результата достигли издатели, придав гласности политические приговоры 80-х годов. Ведь только что было дело. Февраль 83-го — осуждение Бориса Сендерова в Москве, март 83-го — осуждение поэтессы Ирины Ратушинской в Киеве, август 83-го — осуждение на применение «принудительных мер медицинского характера» к Юрию Ханжину в Калуге... За два года до начала коммунистической перестройки. Во времена правления Юрия Андропова, популярного и по сей день в народе, как взявшегося навести «порядок» в стране.

Осуждали по 70-й УК РСФСР и соответствующим статьям республиканских кодексов за хранение и распространение «Архипелага ГУЛАГ», за изготовление более чем в 8 экземплярах «рукописного текста в

стихотворной форме, в котором утверждалось, что в СССР будто бы отсутствует свобода слова, право на труд и народовластие». Осуждали общей сложностью с учетом ссылки минимум на 12 лет. Осуждали за неправильные суждения о деятельности В.И. Ленина. И это в 1983 году.

Дети, родившиеся в том году, еще только пошли в школу, но уже заучивают тексты с «правильными суждениями» о В.И. Ленине, революции и Советском государстве. Они и не подозревают, что завтра могут начать исчезать их отцы за неправильные суждения обо всем этом. Или все-таки не могут? И отчего это зависит?

Что, собственно, сегодня поражает в тех политических процессах, кроме недавних их дат? Не только то, за что, но и как судили. Нужно было доказать, что человек в самом деле выс-

казывал «неправильные суждения» или хранил литературу с таковыми. Доказывать «неправильность» самих суждений не было никакой нужды. Этого не требовалось ни следователям, ни судьям. Ни, что самое страшное и благодаря чему все это и было возможно, — обществу, огромному числу мирных и интеллигентных обычайтелей, которые прекрасно понимали, что происходит. И не только не сочувствовали тем, кто бился в стену, но часто и сами осуждали их.

Вспомним, вспомним, как это было в начале восьмидесятых. Дома, на кухнях, на работе, при своих можно было говорить что угодно, судачить о большевиках, смеяться над Брежневым, читать, что достал. Но распространять эту самую литературу? Печатать листовки? Создавать организацию? Писать воззвания? Нары-

ваться на первый отдел? Это не воспринималось как конфликт с их законом. Это воспринималось как безумие.

Понятно, что общественного мнения о диссидентах и «антисоветчиках» никто тогда не спрашивал. Но и неспрошенное общественное мнение, определяющее человека, раздающего у входа в метро листовки, как сумасшедшего, благословляет изоляцию его от общества.

Диктатура побеждает не тогда, когда по улицам идут танки; вводится комендантский час, разгоняются митинги и арестовываются политические деятели. Диктатура побеждает, когда сопротивляющийся ей человек воспринимается большинством как сумасшедший, когда на говорящего всем известную правду начинают пальцем показывать, как на чумного. Сейчас нам это кажется уже невозможным. Надолго ли?

Только не надо иллюзий. Не надо думать, что им потребуется много времени, чтобы решить, что при новом режиме считать правильным, а что нет. За какие возражения признавать душевнобольным, а за какие — подрывающим государственную безопасность. Поспешность, с какой они будут придумывать эти новые свои определения, и бессилие их выдумать что-то хоть сколько-нибудь правдоподобное и разумное лишь чуть повышают наши шансы на организацию пусть и пассивного, но массового сопротивления. Остальное зависит от нас. От того, чему мы научились за время их перестройки.

В конце концов главное, что произошло с нами за последние годы, это то, что мы, наконец, увидели и осознали, сколько нас, не приемлющих коммунистический режим. Что бы они там ни врали по своему ТВ, или в своей прессе, или на ондатровых своих митингах, приправленных переодетыми военными, или после того, как собрали цифры своего референдума с единственным иезуитским вопросом.

Этим они занимались и перед выборами Ельцина в Москве, и перед опросом населения Литвы. И даже если нам больше не дадут возможности публично осознать, сколько нас, думающих иначе, в этом уже особой нужды нет. Убедить себя в том, что нас мало и мы бессильны, можем только мы сами. И это уже будет наша вина.

Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ

ЧТО ДУМАЕТ ГОРКОМ ОБ ОМОНЕ

Народному депутату
МОССОВЕТА
первому секретарю МГК КПСС
ПРОКОФЬЕВУ Ю.А.

ДЕПУТАТСКИЙ ЗАПРОС

Уважаемый Юрий Анатольевич!

Просьба дать разъяснение: в связи с тем лицо в штатском, охраняющее здание издательства МГК КПСС «Московская правда», прекратил доступ в здание депутатов Моссовета о чем я был поставлен в известность 7 февраля с.г. в 16.00 при попытке войти в здание. Означает ли это, что охрана здания сознательно нарушает Закон СССР о статусе народного депутата и не будет ли следующим шагом горкома партии привлечение к охране здания ОМОН МВД СССР.

А.В. МАЛЬГИН,
народный депутат Моссовета,
главный редактор
женедельника
«Столица»

Ю.Прокофьев

От редакции:
Спасибо Юрию Анатольевичу за оперативный ответ. Из него, правда, следует, что ОМОН будет вызван непосредственно руководством издательства. Разделит ли тогда т.Прокофьев наше «негодование»?

Уважаемый Андрей Викторович!

Разделяю Ваше недовольство и связи с тем, что работники охраны издательства «Московская правда» 7 февраля т.г. — о чем Вы и сообщили мне в своем депутатском запросе — допустили неуважение к Вашему статусу народного депутата Моссовета. По моему поручению директор издательства т.Перель В.А. обсудил этот факт с руководством организации, занимающейся по трудовому соглашению охраной издательства, обратил их внимание на соответствующие статьи Закона Союза ССР «О статусе народных депутатов СССР». Надеюсь, в будущем у Вас не будет большие потребности делать депутатские запросы по подобным поводам.

Что касается Ваших предположений относительно планов горкома партии по привлечению сил ОМОН МВД СССР к охране зданий издательства, замечу, что у нас не возникает необходимости в изменять в этом деле руководителей издательства. Они, согласитесь, сами должны принимать решения по всем вопросам жизнеобеспечения своего предприятия. Впрочем, Андрей Викторович, вполне понимаю подонику Вашего вопроса и то, что Вам вовсе и не нужно было услышать на него ответ

Пропаганда с детства учила нас жить в мире цифр: две тактики социал-демократии в русской революции, три этапа русского освободительного движения, пять признаков партии нового типа, десять сталинских ударов, двенадцать принципов развитого социализма... Просто не получается писать на эту тему как-то иначе.

Итак:

ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ГОСТЕЛЕРАДИОКОМПАНИИ СССР

*Ненаучное исследование
с использованием материалов
пресс-конференций Л.П.Кравченко*

Источники

ВО-ПЕРВЫХ. Пока депутаты ломали копья вокруг прямого президентского правления, Горбачев уже начал его вводить. Прежде всего — на телевидении. Леонид Петрович Кравченко, назначенный председателем Всесоюзной Государственной телерадиовещательной компании, — первый в стране генерал-губернатор, наделенный поистине генерал-губернаторскими полномочиями, никому, кроме президента, не подчиняющийся. «От этой должности меня может освободить только президент», — говорит Леонид Петрович.

ВО-ВТОРЫХ. Президент — он ведь по совместительству кто? Генеральный секретарь ЦК КПСС. Нынешний председатель всего телевидения и радио — член ЦК все той же правящей политической партии. Выполняя «волю президента», он выполняет волю и недавней «руководящей и направляющей силы».

В-ТРЕТЬИХ. Времена для коммунистов сейчас настали трудные. Даже кино ушло из-под родного идеологического крыльышка. Теперь «из всех искусств для нас важнейшим являе-

тся»... ТВ. Это — последний островорок монополизма в сфере духовной и информационной, так что КПСС будет биться за него, как Англия за Фолкленды, — до победного конца.

Пока это получается. Председатель телерадиокомпании хранит в своем архиве более двухсот пятидесяти ругательных статей о себе (и это лишь за два первых месяца после его «второго пришествия») — и ничего, продолжает «гнуть» известную линию.

Составные части

1. ДЕПАРТИЗАЦИЯ И ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ.

Это сейчас главный «конек» телевидения. «Департизация, на мой взгляд, это высказывание различных точек зрения в рамках одной программы», — говорит Кравченко. — Поэтому мне очень нравились взглядовские «контрвы» и очень не нравилось, когда ребята приводили в студию своего политического единомышленника Аркадия Мурашева, начинали в прямом эфире агитировать за его избрание в народные депутаты РСФСР...

«Различные точки зрения» относи-

тельно литовской бойни — это видеоклип с А.Невзоровым в главной роли, комментарий усталого Д.Бирюкова «по горячим следам»: «Нашлись и такие, которые в знак протesta вышли на московские улицы...», да еще затяжной парламентский репортаж в программе «Время» в тот самый момент, когда «оттуда» шли вести одна страшнее другой.

Ельцин в течение месяца добивался выступления по первой программе ЦТ. Наконец выступил. В течение одного только следующего дня та же первая программа уделила шельмованию российского лидера второе больше времени, чем длилось само опальное интервью. И член ЦК РКП, и премьер-министр СССР получили эфир «с колес». Еще через день и так же волшебно получили эфир шестеро коммунистов — депутатов ВС РСФСР, продолживших «разоблачения». Вот это — политический плюрализм по-кравченковски.

«Взгляд» в подполье, выпуски ТСН все больше напоминают «Время», Авторское телевидение ссылается на «не зависящие от них причины» и выходит в урезанном виде.

Говорят: Кравченко всех комментаторов заменил дикторами. Это неверно. Леонид Петрович планирует создать команду политических комментаторов иного масштаба: «Это будут своеобразные «голоса президента». Что и как они будут комментировать — более или менее ясно. Президенту-генсеку, потерявшему Яковлева, Шеварднадзе, Шаталина, Петракова, нужно новое идеологическое прикрытие. За желающими дело не станет.

2. РЫБКИ-ПРИЛИПАЛЫ НА ТЕЛЕАКУЛЫ.

Кравченко очень гордится своей либеральностью: «Первая программа должна быть правительственной... но ведь у нас есть альтернативное телевидение: московское, ленинградское, наконец... А ведь это все тоже наше ведомство... Я специально после назначения еще ни разу не звонил в Ленинград...»

Кланяйтесь, ленинградские коллеги, в ножки своему председателю! Беспокоить он действительно никого не стал. Когда уже совсем неприлично было продолжать вранье о январском путче в Прибалтике, запустили в эфир на всю страну запись знаменитого выпуска «Пятого колеса», не спросив разрешения ни у кого из авторов. При этом искромсали и пере-

монтировали так, что Бэлла Куркова стала чуть ли не лучшим другом Язова.

Зачем кому-то звонить, отрывать от работы? И московским, и ленинградским телевидением заведуют единомышленники Леонида Петровича. Они тоже что-то не пускают, что-то запрещают. Просто получается не так круто, как в «центре». Да и вообще, для поддержания имиджа демократичности такие маленькие рыбки-прилипалы на брюхе очень даже нужны всесоюзной телерадиоакуле.

Иное дело — когда возникает угроза реальной конкуренции. Например, со стороны российской телерадиокомпании. Тут уж коммунист Кравченко будет стоять непоколебимым утесом: «О России, для России, на российском материале у нас сейчас и так делается более семидесяти процентов от общего объема вещания. Не выделена лишь структура Российского телевидения... Не надо разрушать ничего созданного... Мы не можем принять претензий о разделе собственности, все имущество Гостелерадио создано на базе союзного бюджета. За последнюю пятилетку 69% выделенных правительством средств направлено на строительство новых телевидиоцентров в РСФСР...»

Неблагодарные россияне! Мы им — и «Сельский час», и частушки в исполнении народного хора, и даже программу «Телестудии городов РСФСР» (69% вбухивается ведомством монополистом, оказывается, в глубокомысленные рассуждения о прорванной водопроводной трубе в городе Красноурюпинске) — а они... Не понимают отеческой заботы, все в люди выйти хотят...

3. ПАЛОЧКА-РАЗВЛЕКАЛОЧКА.

«Люди устали от политики и должны по вечерам отдыхать... Творчество начинается там, где кончается политика», — считает председатель всесоюзной телерадиокомпании.

Словно спохватившись, нас начали развлекать на всю катушку. К «120 минутам» прибавили еще 30, к вечернему ТВ — ночное. По воскресеньям — Дисней, по пятницам — ЭмТиВи. Свое шоу — у Листева, свое — у Маслякова. Наши идеологи поняли-таки, что ни «Ласковый май», ни «Рабыня Изaura» вовсе не противоречат марксистско-ленинскому учению, а даже наоборот. Политика на экране кончается, не успев начаться, а на

смену ей рвется «творчество» в виде жень белоусовых, ром жуковых и прочих маш распутных. И все кувыркаются, поют, пляшут. Снова железный Каттани, снова Глеб Жеглов, и даже целая неделя китайских рыцарских боевиков, где герои, к восторгу панков, метелят друг друга чем ни попадя...

Пятьдесят семь виднейших деятелей культуры в открытом письме отказались сотрудничать с ЦТ. Что же Кравченко? «Подпись Эльдара Рязанова меня возмутила. Он ведь еще три года назад заявил в «Огоньке», что с телевидением сотрудничать не будет. Зачем опять-то? Ведь не зовут же назад...» Пардон, если Леонид Петрович так печется о развлечении зрителя, отчего не звал назад всеми любимого и почитаемого Рязанова? Что тут — творчество или все-таки политика?

Во имя чего?

Леонид Петрович — патриот: «Я за-видую американцам — они так заботятся о своем национальном достоинстве. А мы... Руки опускаются, когда слышишь, что было плохо, что будет еще хуже... Как же можно жить и работать... Как только президент начинает делать шаги к управляемости страной, его тут же обвиняют бог знает в чем. У нас, видимо, есть мощные силы, не заинтересованные в установлении порядка». Ах, какие нехорошие «мощные

силы»! Не иначе, врагам выгодно, чтобы шаги к управляемости в виде танков на улице мы воспринимали неверно. Не иначе. ЦРУ отвлекает нас от главного, ради чего родились и живем на этой земле, — от РАБОТЫ.

No passaran! — Они не пройдут! У них на пути — Леонид Кравченко. Уж он-то сделает все возможное, чтоб поднять производительность труда. Пришел ты домой, скушал тарелку макарон (если есть), скушал порцию духовной пищи из «ящика» — и баиньки. Завтра с новыми силами — к станку.

Неокоммунистическая пропаганда на ЦТ — это уже совсем не то, о чем мы читали в книжке «Что делать?» Пропагандисты постперестроенной эпохи стали хитрее. «Ленин в башке» остался, наган спрятали во внутренний карман — чтоб глаза не мозолил. Не умея ни накормить, ни увлечь массы дельной идеей, эмиссары партии отвлекают и развлекают нашего не слишком избалованного теледеликатесами соотечественника. Только бы работал, только бы не вспоминал, на кого работает, только бы не слушал «деструктивных» с улицы.

Цвет нынешней пропаганды на телевидении — не красный, как в семидесятые, не розовый, как во времена «разгула гласности», не краснокоричневый, как того хотели бы необольшевики. Ее цвет — серый. Ее мысль — безмыслие. Ее потенциальный потребитель — толпа.

Кирилл РЫБАК

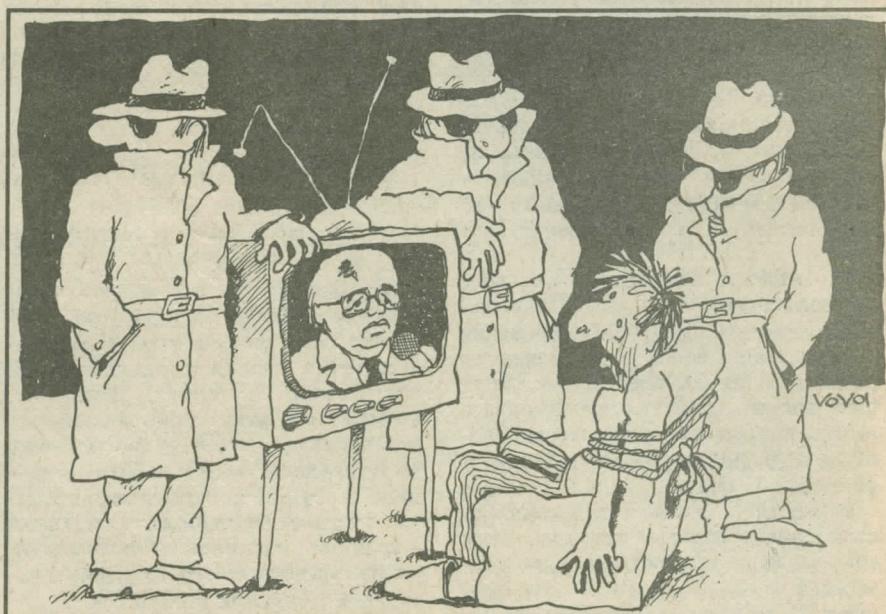

Рис. В.Иванова

БЕЗ ЛЕБЕДИНЫХ ПЕСЕН И ПРОГУЛОК С СОБАЧКАМИ

В воздухе над Москвой витает вирус, которого заждались здоровые люди, — вирус свободы. Разносится эфиром. Передатчики вируса есть в каждом доме — обыкновенные приемники. Источник же его гнездится у самых стен древнего Кремля, на Никольской, бывшей улице 25-летия Октября. Называется — радиостанция «Эхо Москвы». Или «Радио-М», в разговоре — «Радио-«Мы». Единственная независимая политическая радиостанция советского происхождения. Две с четвертинкой комнаташки. Из одной (которая и есть студия) — ежедневный выход в прямой эфир.

Ископаемое оборудование. Кассеты-колеса, на которых пишутся живые голоса из Литвы, Грузии, Цхинвали, из зарубежных посольств и Верховных Советов, из московских квартир. Вспоминаются огромные магнитофоны конца 60-х, накрутившие мотив эпохи про дым костра, наркоз тумана да запахи тайги...

Сегодня на такой технике пишет мотив своего времени новое поколение. И оно вовсе не из детей какого-либо сезода. Слишком далеки они от любой политической «групповухи». В штате «Радио-М» нет ни единого члена какой-либо партии — полозковской ли, травкинской ли, зеленой, тарасовской ли свободного труда — неважно. Здесь другие дела. Дела свободных людей.

На свободу, конечно, еще надо было решиться. Трем ведущим программы, профессионалам, было что терять. Стабильность, крепкий потолок и надежные стены. Главный редактор «Эха» С. Корзун и ведущий С. Бунтман служили во французской редакции Московского радио. У третьего ведущего С. Фантона — 10-летний стаж на «Маяке». Но они сошлись на том, что монополия Гостелерадио на эфир — уродство, в котором стыдно жить. И вот — свободный эфир «Эха» — затея рисковая, хрупкая в условиях сурового отечества-

венного климата. Эфир без блокадных зон и тюремных рамок — нестерпимо заманчивая мечта для журналиста, который еще жив.

Стартовую площадку независимой радиостанции дала Ассоциация «Радио» при Министерстве связи СССР. Будучи предприятием коммерческим, «Эхо» существует пока с совершенно некоммерческими окладами, держится на штатных рабочих лошадках, с нагрузкой в 3-4 раза большей, чем на государственном радиовещании, с перспективами если не призрачными, то, по крайней мере, недолговечными. Если они и появятся, то лишь когда, наконец, придет цивилизованный рынок, когда благодаря высокоразвитой рекламе повысятся ставки и гонорары. Когда перестанет быть голым тот энтузиазм, который так хорошо себя скомпрометировал за 70 с лишним лет.

Пока они вещают лишь с 19 до 23 в будни, в выходные — на час больше. Так мало вовсе не потому, что нечего сказать. Не на чем. В тот, второй для них (после официального открытия) день рождения, когда обросли они тысячами новых слушателей, когда народ в столице и области, наткнувшись на «Эхо», думал, что поймал «Свободу», 13 января, за 13-часовое непрерывное вещание среди общесоюзного телерадиовещания, — их аппаратура перегрелась до невозможности. Чтобы так наполнять вещательный день, нужна соответствующая техника. Остальное есть — профессионализм и совесть. (Когда закончился «литовский марафон» и главный редактор собрал всю команду для «разбора полетов», он предложил повесить в студии листок — пусть каждый сам напишет, что делал в эфире, поскольку в суматохе никто о гонорарах не подумал... Листок остался чистым.)

Вокруг «Эха» долго ходили кругами со спонсорским кошельком наготове всякого рода политические, общественные и религиозные органи-

зации. За свои деньги предлагали размещать на волне «Эха» свои программы и проповеди Российское христианско-демократическое движение, и адвентисты седьмого дня из США, и организация распространения Библии, и даже некая коммерческая фирма с религиозным уклоном из Монако. Однако продавать СВОЙ эфир под некую единственную точку зрения, под определенную ориентацию — это значит прощай, свобода. Незачем было огород городить.

Из-за технических неполадок «эховцы» порой производят впечатление новичков в эфире. Однажды, читая хронику культуры, журналистка Настя Рубинская заходила в эфир, когда под ее соседом по студии с грохотом развалился престарелый стул. Надо сказать, что непосредственность, присущая «Эху», — штука для советского уха весьма полезная. Она помогает слушателю полюбить звучащего «живьем» человека таким, каков он есть: крикшего, картавого, смешливого или с грустинкой — натурального, без «левитановщины». Ведет ли свою музыкальную программу авангардного направления (игру на водосточных трубах, по определению сотоварищей) Игорь Лабунец, у которого чисто фонетически половина алфавита выпадает из речи, или отсутствующим голосом читает свою ежедневную реплику на злобу дня независимый журналист А. Черкизов — обаяние личности берет верх над звуковой посредственностью...

Между прочим, «независимый журналист», как заявлен в «Эхе» А. Черкизов, — не маска. Этот комментатор «Радио-М», который основному рабочему составу редакции в отцы годится, никогда и нигде не работал штатным сотрудником. Не зависел ни от распорядителей кредитов, ни от партии, ни от «мнения большинства коллектива». Последнее рестроеное время сотрудничал со «Свободой». Поймав волну «Эха» 13 января, по собственным его словам, «влюбился в эту тусовку».

— Я бы сказал, что наша радиостанция — для журналистов — так кощунственно, позабыв об общественном благе и долге перед народом, выразился главный редактор «Радио-М» С. Корзун. — Общий идеал я, пожалуй, назвал бы либеральным демократизмом. Не просто демократия, ее у нас на сегодня достаточно, а именно либеральная. Если мы оказываемся к кому-то в оппозиции — ничего не поделаешь. Пока буду жур-

Фото Э.Кудрявницкого

налистом, ни в одну партию не вступлю. Разве только в профессиональную, если вдруг появится парламент Союза журналистов. А большой, «генеральной» идеи никакой нет. Работать нормально, в удовольствие — и только. А это значит — свободно.

Раз нет «партийцев» внутри самой радиостанции, нет и запрета на партии для эфира. И это не беспринципность, а убежденность: никто не должен иметь преимуществ в выражении своей позиции. К примеру, выступивший по «Эху» Н.Прищепенко, один из руководителей московского отделения никандровского общества «Единство за ленинизм и коммунистические идеалы». Себя этот товарищ именовал беспартийным большевиком, а собеседников в прямом эфире — наймитами мирового империализма и т.п. Почему бы его не послушать, раз он такой есть?

Правда, не все, кого зовет «Эхо» выступить, приходят. Вскоре после литовских событий С.Корзун обратился в Московский горком КПСС с просьбой дать свой комментарий. Ему пообещали посовещаться и «принять решение», стоит ли пойти на интервью для «вашей радиостанции». Совещание, видно, затянулось.

Прямой эфир, как это ни странно, дисциплинирует. Журналист сам, а не главный редактор или еще более главный начальник несет полную ответственность за свои слова.

Они знают, что их пристально слушают на самом высоком уровне Гостелерадио, что там они как кость в горле. И считают это нормой. Чем-то вроде конкуренции. «Эхо Москвы» создавалось не во уничтожение Го-

стелерадио, ибо государственная структура вещания существует в каждом государстве. Идея такая — составляя конкуренцию в эфире, заставить Гостелерадио меняться изнутри. И в том, чтобы у журналиста был выбор возможных площадок для выступления. Кто-то будет сотрудничать с Кравченко, кто-то — с Корзуном. Дико, если останется только Кравченко или только Корзун. Увы, в нашем Отечестве «и невозможное возможно»...

У них все спрашивают: не боитесь, что прикроют? Черкизов на это отвечает словами драматурга Якова Костюковского: «Я столько лет боялся, что сегодня мне уже не страшно». А «эховская» молодежь и испугаться по-настоящему не успела. Ощущение такое, будто им не до того, никогда бояться.

Был, правда, на радио опасный мо-

мент, когда по просьбе Моссовета собирались ставить вооруженную охрану у входа. Через неделю после литовских событий. Ситуация, по мнению главного редактора, нагнеталась самим страхом демократических сил. Ожидание, что на днях демократию танками будут давить, витало в воздухе. На станцию был тогда звонок из проверенного источника: ребята, завтра вас будут закрывать, сделайте сообщение по радио. Корзун рассудил: если заявить об этом даже в шутку, слушателей у «Эха»хватает, наутро все равно соберется полторы—две тысячи человек у ворот с целью защищать свой домашний «голосок свободы». Несанкционированная демонстрация, нарушение общественного порядка, ОМОН разгоняет толпу и прескокино закрывает «Радио-М»... Охрана — это смешно. Когда придет ОМОН, посланный государственными органами, не защищать же, действительно, свой узкий коридор с автоматами в руках...

«Она может закончиться», эта жизнь, — говорит А.Черкизов, — но она уже никогда не станет прежней. Если все перекроют, значит, найдем другую возможность альтернативного вещания, уйдем в подполье, опять вернемся к самиздату. Значит, будет, как у поляков во времена польского чрезвычайного положения, такая форма протеста — «я гуляю с собачкой». Будем все гулять с собачками, пойдем работать дворниками».

На «Радио-М» нет чувства последнего дня. «Радио-М» — это не полет с десятого этажа вниз головой. Здесь строят планы на большую перспективу. И прогулки с собачками на самом деле пока в эти планы не входят...

Аэлита ЕФИМОВА

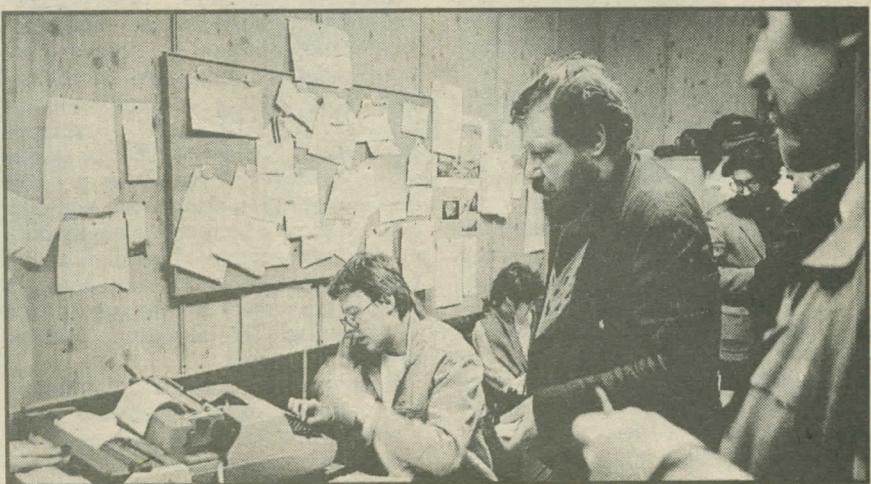

Фото Э.Кудрявницкого

АЗЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

В период кампаний против свободы слова и войны органов КПСС с демократией нельзя забывать азы коммунистической пропаганды, иначе вы, не заметив того, можете просто оболваниться.

Каким образом борется и при помощи чего побеждает коммунистическая пропаганда? В арсенале ее великое множество приемов и методов. Вспомним некоторые из них.

СОЗДАНИЕ МИФОВ — важнейший прием всей коммунистической идеологии. Главный миф — возможность построения коммунизма. В силу «объективных обстоятельств» эта возможность постоянно отодвигалась, от 10-летнего обещания Ленина в 1921 году и 20-летнего обещания Хрущева в 1961 году до «коммунистической перспективы» Горбачева.

Коммунистические мифотворцы проделали огромную работу по созданию мифологизированной истории СССР. Фактически реальную историю СССР пишут только на «загнивающем» Западе, а советские историки лишь переписывают, слегка подновляя в угоду живущему генсеку, концепцию истории СССР, разработанную Лениным и Сталиным и их придворными историографами еще в 20—30-х годах. По сути, история СССР — это абстрактно-теоретические рассуждения о ведущей роли рабочего класса и его «авангарда». КПСС плюс мифологизированные действия больших и малых начальников от КПСС. Ореол «верных ленинцев» и незаменимых государственных мужей коммунистическая пропаганда создавала всем генсекам, включая Брежнева, Андропова и Черненко, благодаря которым страна дошла до ручки в прямом и переносном смысле. Сейчас все положительные эпитеты и всю «народную любовь и уважение» коммунистическая пропаганда приклеила очеред-

ному незаменимому «выдающемуся государственному деятелю», которому приходится «перестраивать» все содеянное его предшественниками. Можно быть уверенным, что восьмой генсек и вся его пропагандистская рать будут с неменьшим рвением отмежевываться и разоблачать седьмого, перестроичного, несмотря на то, что он и генсек, и президент.

НАКЛЕИВАНИЕ ЯРЛЫКОВ — излюбленный прием коммунистической пропаганды. Ярлыки используются как положительные, так и отрицательные. Все положительные ярлыки употребляются для создания мифов, отрицательные — для всего некоммунистического. Например, из недавнего прошлого — капитализм обязательно «загнивающий» и с «грибами». Либерализм и интеллигенция обязательно «гнилые». Из новояза времен перестройки — «лжедемократы», «сепаратисты», «экстремисты». Ярлыки вешаются и на собственных «уклонистов», и на зарубежных политических деятелей.

ВОСПИТАНИЕ НЕНАВИСТИ ко всему некоммунистическому проходит красной нитью через всю историю коммунистического тоталитаризма. Людей с детства приучают ненавидеть врагов «социалистического отечества», куда относят (в зависимости от текущей политической обстановки) кого угодно — от кулаков до американских шпионов. Газеты, радио, телевидение, безраздельно находившиеся под контролем КПСС,

сумели воспитать миллионы людей в духе ненависти или, по крайней мере, неприязни к помещикам и капиталистам, банкирам, купцам и кооператорам, богатству, деньгам, автомобилям, дачам, дорогим вещам... Ныне эту работу продолжают как традиционные партийные издания, так и неформальные правые.

Искажение действительности — характерная черта коммунистической пропаганды. Главное здесь направление — очернить капиталистический строй и восхвалить социалистический. Долгие годы советских людей уверяли в том, что рабочий класс на Западе подвергается нещадной эксплуатации. В действительности же оказалось совсем наоборот. Уровень присвоения прибавочной стоимости, то есть уровень эксплуатации работающих в СССР, в 2—2,5 раза выше, чем в странах Запада. Долгие годы коммунистическая пропаганда твердила, что у «них» массовая безработица, а у «нас» ее нет. В действительности оказалось, что безработных у нас не меньше, только вот социальной защищенности никакой. Ранее коммунистическая пропаганда внушала, что в СССР бесплатные и самые лучшие медицинское обслуживание, система образования, социальное обеспечение... С наступлением реформ этот прием с успехом используется коммунистами для борьбы с новым. Переход к нормальным экономическим отношениям окрещен «капитализацией» со всеми «ужасами» по старой схеме. Спасение в одном — сохранение приверженности «социалистическому выбору». Со всеми его «преимуществами».

Но исказить действительность можно и не прибегая ко лжи. Современная коммунистическая пропаганда широко использует **МАНИПУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИЕЙ**. Не надо врать, нужно сказать часть правды, и это сработает не хуже лжи. Например, можно ежедневно показывать по телевидению пикетирование и митинги протеста в США и других странах Запада против действий стран антииракской коалиции. При этом митинги в поддержку войны против режима Хусейна, захватившего Ирак, можно вообще не показывать, а факт одобрения более чем 80 процентами американцев действий президента США упомянуть всуе, раз в месяц. И дело сделано, цель достигнута: у советских граждан создается впечатление, что «рядовые» американцы хотят мира, а их президент — милитарист, идет на

повору у военно-промышленного комплекса и не считается с мнением избирателей (демонстрантов и пикетчиков).

Три дня подряд по первым программам радио и телевидения сообщали об обстреле машины Невзорова и омоновцев. И несмотря на весьма загадочный факт — машина сгорела, а экипаж не имеет даже царапины, — несмотря на то, что этот факт еще ждет своего расследования, цель достигается. У обычайтелей складывается мнение — «наших» бьют. 26 января в Риге милиционеры подобрали на улице двух пьяных граждан. На утро оказалось, что это корреспонденты ТАСС, потерявшие, кроме человеческого облика, еще видеокамеру и чемоданчик. Однако вечером программа «Время» сообщила, что на корреспондентов ТАСС совершено нападение, ограбление и они лежат в больнице с « сотрясением мозга ». Опять у телезрителей информация — в Прибалтике «наших» бьют.

Газета «Советская Россия» начала кампанию «в защиту музея Ленина». Из-за чего шум? Оказывается, в последнее время коммунистические борцы за справедливость стали активно заниматься коммерцией, приобретать недвижимость и т. п. Решила не отстать от своих товарищей по партии и дирекция музея Ленина. Но денег нет. Поэтому легче всего отобрать у Союза арендаторов то, что музей никогда не принадлежало. «Советская Россия» тут как тут со своими услугами. Причем основной удар пытаются направить даже не по Союзу арендаторов, а по Массовету. Используются для этого, конечно же, письма «людей труда». И неважно, чем закончится тяжба дирекции музея и Союза арендаторов. Главное — люди возбуждены, шлют «бедному музею» деньги, клеймят «позицию руководителей Массовета».

Манипулирование информацией постоянно используется коммунистической пропагандой при освещении деятельности Б.Н. Ельцина. Например, в январе Борис Николаевич ездил в Прибалтику, встречался с руководителями республик, рабочими, интеллигенцией. Коммунистическая пропаганда сообщила лишь о переговорах с руководством, полностью замолчав о встречах с рабочими предприятий, интеллигентами. И такая выборочная информация неизменно сопровождает каждый шаг и инициативу Б.Н. Ельцина. Лжи нет, но и правда неполная, односторонняя, в результате чего складывается невер-

ное представление о деятельности российского лидера. И вот уже «Советская Россия» публикует открытое письмо избирателя В. Смирнова, который клеймит Б.Н. Ельцина за «разрушение Союза ССР», создаваемого «нашими прадедами и отцами многие столетия».

СОКРЫТИЕ ДОВОДОВ ОППОНИЕНТОВ — обычный прием коммунистической пропаганды в борьбе с «буржуазной идеологией». Самый простой способ добиться этого — запрещение авторов и их книг. В советских библиотеках, не говоря уже о книжных магазинах, не встречаешь книг З. Бжезинского, Ф. Хайека, А. Ноува, Л. Шапиро, П. Уайлса, Р. Пайпса, У. Ростоу, десятков других известных во всем мире классиков западной общественной науки. Большинство из этих книг покоятся в спецхране. Книги упомянутых авторов до сих пор отбираются на границе как «антисоветские».

В 60—80-х годах в СССР создана целая отрасль коммунистической пропаганды — критика «буржуазной», или «немарксистской», историографии, социологии, политэкономии и других общественных наук. С позиций марксизма-ленинизма и «достижений» советских общественных наук критикуются не концепции, а отдельные цитаты. Здравый смысл и элементарная логика в расчет не принимаются. Например, многое из того, что критиковалось в 60—70-е годы, сейчас признается самой советской наукой. Но многое по-прежнему трактуется как «буржуазное», «немарксистское».

Специфической чертой коммунистической пропаганды является **ЗАИМСТВОВАНИЕ ЧУЖИХ ЛОЗУНГОВ**. Наиболее яркий и циничный пример этого — так называемый «моральный кодекс строителя коммунизма», являющийся грубой обработкой Нагорной проповеди Христа с добавлением чисто коммунистических догм. Компартия не постыдилась вписать сей плагиат в свой устав и программу. Конечно же, все принципы «морального кодекса строителя коммунизма» относились к рядовым членам компартии. Верхушка КПСС не помышляла выполнить и четверти этих принципов. На XXVII съезде КПСС от них стыдливо, втихомолку отказались...

Современная коммунистическая пропаганда активно заимствует лозунги социал-демократии. Целью КПСС объявлены не только «коммунистическая перспектива», но и «де-

мократический социализм». Совсем недавно демократический социализм предавался анафеме лидерами и идеологами КПСС, сейчас же он вновь взят «на вооружение». И несмотря на то, что социал-демократы понимают демократический социализм как общество политической, экономической и социальной демократии, внешнее скдство, а следовательно, и привлекательность имеются, чем и воспользовались коммунистические плагиаторы. Будет совсем не удивительно, если в один прекрасный день коммунистические газеты вместо «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» выйдут с привлекательным социал-демократическим лозунгом «Свобода, справедливость, солидарность».

Важнейшей причиной успехов коммунистической пропаганды является **НАСИЛИЕ**. С насилия, с закрытия всех оппозиционных газет начала свою деятельность коммунистическая власть в 1917 году. Насилие в области идеологии официально продолжалось до 1989 года, а неофициально продолжается и сейчас. До сих пор усомнившихся в правильности «социалистического выбора и коммунистической перспективы», вышедших из КПСС людей, особенно деятелей культуры и науки, тайно и неофициально преследуют, понижают в должности, сокращают по штату, по конкурсам и т. п. Автор этих строк знает десятки преподавателей, руководителей отделов и служб, офицеров, которые ненавидят КПСС, но боятся из нее выйти, потерять работу. Для многих рядовых членов КПСС стала феодалом, который всеми средствами не отпускает своих подданных. Такое положение продолжается до тех пор, пока КПСС не утратит на выборах большинства и не перестанет быть правящей партией.

Вячеслав ЛЫЗЛОВ,
кандидат исторических наук,
член правления
Социал-демократической
партии России (СДПР)

Эти агрегаты часто встречаешь на вокзалах. Наверху неоновая надпись — «информация». Посредине — барабан с табличками. Внизу — ряды кнопочек. Нажимаешь, допустим, кнопку «Ленинград», барабан приходит в движение — чух-чух-чух — и останавливается на нужной табличке. А там — все поезда до Петербурга, время отправления и прибытия, тариф... Удобно, ничего не скажешь. Этакий механический мозг для отъезжающих.

Подобное чудо инженерной мысли можно, оказывается, использовать и в более экзотических местах. Та же надпись наверху, те же кнопочки. Только «начинка» иная.

Еще не так давно «информационный удовлетворитель» успешно развлекал посетителей и работников Свердловского районного комитета КПСС Москвы. Каждый желающий мог, «не отходя от кассы», получить идеологически безупречную справку по таким животрепещущим проблемам, как «Основополагающее положение ленинского учения о классовом характере партии», «Повышение требовательности к коммунистам», «Взаимоотношения партии с государственными и общественными организациями», «Партия и комсомол» и т.п., в полном соответствии с буквой Устава и Программы КПСС.

Польза от оплодотворения передового учения научно-техническим прогрессом очевидна. Заспорили, скажем, два мужика в очереди за пивом. Один говорит: «Партия едина!», а другой: «Шалишь, братец, неправдатвоя!» — «Айда в Свердловский райком, там разберемся!» Приходят, на кнопку с соответствующей надписью — чик. Чух-чух-чух... Вот вам, гражданин, ответ на блюдечке с голубой каемочкой. Едина партия, так как — поскольку — в соответствии...

Возьмем другой случай. Какой-нибудь секретарь заводской парторганизации просыпается ночью в холодном поту и с ужасом осознает, что забыл, отчего, собственно, происходит «возрастание руководящей роли партии в советском обществе». То есть четыре причины помнит, а пятую — хоть убей. Как завтра вести собрание, как смотреть в глаза товарищам? Мчится горемыка к заветной машине, находит кнопку... Чух-чух-чух... Прочитал, запомнил — можно со спокойным сердцем возвращаться в теплую постель.

Но это ситуации, так сказать, экстремальные. А ведь есть еще кнопочки

МЕХАНИЧЕСКИЕ МОЗГИ НОМЕНКЛАТУРЫ

«повседневного спроса»: «Как ведется протокол партсобрания», «Нужен ли парторганизации специальный информатор», «Как относиться к репликам на собрании», «Как задавать вопросы и когда отвечать на них», «Может ли коммунист воздержаться от голосования при принятии решения».

Жаль, места на пульте маловато. Кто растолкует партийцу, например, как в свете последних решений нужно правильно дышать, в какой руке классики марксизма-ленинизма рекомендуют держать вилку, а в какой нож? Можно было бы поставить рядом еще один агрегат и разъяснить посредством механики сущность стилистики партийного новояза, марксистско-ленинской морали и нравственности, коммунистических принципов дорожного движения. Да что уж там! Горизонты открывались потрясающие.

Подвели руководящие органы. Все-то им изменять, дополнять, перерабатывать! После того как XXIII съезд КПСС принял новые программные документы, устаревшую начинку из райкомовского агрегата вынули. Полгода с хвостиком стоят

он темный и слепой — под портретом Маркса.

— Мы думаем над тем, как использовать его в нынешних условиях, — сказал секретарь райкома по идеологии Б. В. Елистратов, — наверное, это будет блок оперативного поиска злободневной информации. Можно ежемесячно закладывать туда данные социологических опросов населения или что-нибудь подобное...

Главное — не прогадать со «злободневностью», не упустить чего-нибудь из «основополагающего» и «судьбоносного». Завтра, глядишь, социологические опросы и прочие «перестреченные придумки» окажутся бесполезным хламом, а механические мозги понадобятся коммунистам снова. «Информационный удовлетворитель» тогда придется начинять руководствами к организации комитетов национального спасения, инструкциями по поиску и нейтрализации «так называемых демократов», цитатами из «Устава гарнизонной и караульной службы». Не забывать же собственную голову этими откровениями!

Кирилл РЫБАК

ДОКТОР ГУДФИЛД СТРЕССОВ НЕ БОИТСЯ

Он был специальным помощником президентов Л.Джонсона и Р.Никсона, сенатора Р.Кеннеди и вот приехал в Москву, чтобы дать несколько уроков представителям высшего управленческого персонала.

«Я много лет проработал в Белом доме, а там довольно часто возникают кризисные ситуации. Я всегда старался найти выход из них, но и всегда запоминал — каким образом было найдено верное решение. Теперь я буду умышленно ставить вас в неловкое положение, научу владеть собой во время стресса и находить выход из тупика», — говорил участникам семинара «Человеческий фактор при управлении в кризисной ситуации» известный американский психолог Б.Гудфилд. С вопроса «Как доктор Гудфилд оценивает профессиональные качества советских аппаратчиков?» и началась беседа.

— Высоко. Поверьте, не в моих правилах делать комплименты из вежливости. Люди, которые приняли участие в семинаре, действительно произвели на меня благоприятное впечатление. Однако, на мой взгляд, им не хватает свободы действий, чтобы проявить и волю, и благородство. Возможно, общество их не слышит или не хочет слышать.

— Увы, к кризису в экономике у нас добавился еще один, очень серьезный — кризис взаимопонимания, доброжелательного общения друг с другом. Если бы вы были специальным помощником М.Горбачева, что посоветовали бы ему в такой ситуации?

— Сначала поделился бы своими наблюдениями. Я брал экпресс-интервью прямо на московских улицах и пришел к выводу — большинст-

во моих случайных собеседников пребывали в состоянии тяжелого стресса. Напряжение необходимо снимать. Люди предпочитают скромные, но ясные перспективы самому заманчивому будущему. И эта ясность необходима теперь как воздух. Нужно иметь мужество твердо сказать: «Я буду делать так, а не иначе». Тогда все почувствуют, что идут, а не блюжают.

Кроме того, опасно создавать ситуации, при которых люди вынуждены терять гордость, благородство. Вот я беседовал с видным советским экономистом, имя его хорошо известно и на Западе — вы поймете, почему я не называю фамилии. Этот человек, занимающий высокую государственную должность, читающий лекции в лучших университетах мира, сильно переживает за семью. Жена целый день бродит по магазинам, простирает в очередях, чтобы накормить его и детей. Думаю, если бы я вот так же стоял в очередях, мои друзья меня бы скоро не узнали — борьба за выживание очень меняет психологию. Не надо ничего жалеть, чтобы обеспечить граждан хотя бы необходимым.

— Простите, доктор Гудфилд, но ваши представления, кажется, несколько оторваны от нашей действительности...

— Я жил в Африке, Южной Америке, объездил десятки стран. Поверьте, люди везде одинаковы и всем нужно одно и то же — любовь, покой, безопасность, человеческое достоинство. На этих ценностях мир держится. Разве иного хотят советские люди?

— На любовь, положим, еще можно рассчитывать, а вот с безопасностью и достоинством гораздо сложнее.

— Не надо драматизировать события. Во время кризисных ситуаций люди привыкли доверяться стереотипам. Это, кстати, мешает увидеть преимущества и недостатки конкретной ситуации. Замечаешь только плохое. А значит, постоянно испытываешь глубокий стресс: страх перехо-

дит в депрессию, потом начинается апатия, скука... У каждого есть предел, после него человек ломается. Мне кажется, все общество сейчас где-то рядом с пиком. Поэтому прежде всего я хочу обучить ваших лидеров — и политиков, и профессиональных управленцев — навыкам, благодаря которым они сумеют снизить агрессивность и оппонентов, и коллег.

— Иначе говоря, пусть успокоятся имагнитной рукой на всю эту борьбу мнений, взглядов, примут позицию того, кто сильнее?

— А вы предпочитаете всю жизнь посвятить борьбе и ни о чем не договориться?! Похоже, такая перспектива больше устраивает некоторых политиков. Я могу научить людей слышать друг друга, даже если они глухие. Ибо вести переговоры и приходить к обоюдному мнению такое же искусство, как и любое другое.

— На семинаре был показан фрагмент пресс-конференции Хусейна, а потом вы продемонстрировали, как по малозначительным жестам, мимике, нюансам поведения можно собрать о человеке так называемую невербальную, скрытую от неопытного глаза информацию. Похоже, визуальный анализ поведения разных лидеров поставлен на широкую ногу?

— Во-первых, невербальная информация — мой конек. Я легко «читаю» характер человека, даже если он еще и слова не произнес. Не считите за хвастовство, но очень часто ко мне обращаются со словами: «Билет на самолет уже куплен, времени в обрез, срочно нужна консультация». Я приезжаю и даю совет, скажем, способен человек, о котором не так уж много знаю, стать политическим деятелем или в нем нет качества, присущих настоящему лидеру.

Во-вторых, нет нужды рассматривать едва ли не под микроскопом нюансы поведения всех видных политиков подряд. На Хусейна выбор пал не случайно, известно, сколько беспокойства он доставляет.

— А кто из советских лидеров привлек ваше внимание? Чье поведение вы так же скрупулезно изучали?

— Мы изучали видеозаписи с речами М. Горбачева, смотрели, как он проводит переговоры. По моему глубокому мнению, М. Горбачев — яркая личность. Таких политиков за всю историю можно по пальцам пересчитать. Он — человек с великими идеями, но не любит обсуждать свои замыслы: все должно быть так, как он решил. По-моему, это его тактика.

— Известно, что вы поклонник У. Черчилля и даже собираетесь посвятить ему курс лекций в Калифорнийском университете. Но ведь о Черчилле столько написано, что сказать нечто новое трудно. Какова же будет основная идея курса?

— Мне хотелось бы показать, что в поведении крупных политиков мелочей не бывает. Вот любопытный пример. Когда решался один из кардинальных для Великобритании вопросов, Черчилль начал на заседании выкуривать сигару за сигарой. Скоро все обратили внимание, что столбики пепла почему-то не осыпаются, и невольно начали следить за Черчиллем. А ему только и нужно было привлечь внимание к себе, даже не произнося ни слова. Потом оказалось — в сигары были вставлены булавки. В политике и булавка играет не последнюю роль.

— Вы считаетесь специалистом по стрессам, кризисным ситуациям. Я видела, как легко вы общаетесь с людьми, снимаете напряжение, придаете им сил, уверенности. Столь высокие профессиональные навыки вызывают восхищение. Но и вам наверняка доводилось переживать кризисы. В этих случаях вы вели себя как профессионал или как обычный человек?

— Во время моего бракоразводного процесса я чувствовал себя человеком, теряющим над собой всякий контроль. Мне казалось, что в жизни рушится все. В таком положении нельзя оставаться одному — кто-то непременно должен протянуть руку помощи. Кстати, это самое главное правило — постарайтесь избежать одиночества при кризисе, и тогда ваши психологические резервы увеличатся вдвое.

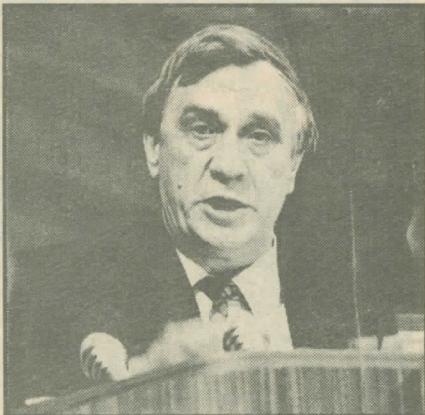
— Мужчинам всегда легче, да и руку помощи им протягивают быстрее...

— Зато женщины более умело реализуют свою власть. В моей рабочей группе много женщин. Я считаю, что их участие в переговорах, в решении деловых проблем на самом высоком уровне просто необходимо. Женщинам труднее отказать, они лучше чувствуют настроение собеседника и, как правило, быстрее усваивают то, чему я их учу.

— Говорят, вы собираетесь сделать фильм о поездке в Москву?

— Да, и надеюсь, он будет иметь успех.

Елена КОЛЕСНИКОВА

МИНА

В ЦЕНТРЕ
ЕВРОПЫ

В свое время уникальное стратегическое положение Восточной Пруссии стало детонатором второй мировой войны. В связи с недавними изменениями в Восточной Европе и Прибалтике эта земля, населенная нашими соотечественниками и начиненная советским оружием, вновь может стать миной замедленного действия под общеевропейским домом. Ситуация может обостриться в любой момент, и ясно, что недавний визит в Калининград Бориса Ельцина — не случайен. Как не допустить эскалации напряженности вокруг этого региона? И как избавить человечество от рецидива восточнопрусского эффекта?

Человеку, впервые приехавшему в Калининград, вряд ли придется в голову, что место это на протяжении нескольких веков считалось центром Европы. Типичные пяти- и девятиэтажки, которые украшают все другие города нашей необъятной социалистической родины, здесь изредка «разбавлены» зданиями явно готического происхождения. Они настолько выбиваются из окружающей действительности, что кажутся свалившимися с неба.

Но были времена, когда все в этом городе выглядело гораздо более гармонично — и архитектура, и культура, и население. После последней мировой войны было решено раз и навсегда уничтожить этот «центр немецкого феод., а затем империалистич. агрессии» (цитируется по БСЭ). Претворялось это в жизнь по-большевистски просто — полностью было выселено коренное население, чьи предки жили здесь столетиями, а

опустевшая территория заселялась по «призыву» партии и правительства потерявшими свой кров в результате войны гражданами.

Переселение народов, проведенное на сей раз не в глубинке нашей, уже привыкшей к тому времени к подобным экспериментам, а за ее пределами, привело к созданию на месте бывшей Восточной Пруссии уникального политico-географического образования — Калининградской области РСФСР. Впервые после легкомысленно утраченной Аляски у России появилась не связанная с ней общими границами территория. И если лет десять назад на это можно было не обращать внимания, то после объявления независимости Литовского государства «калининградщина» грозит участь стать единственным в этом регионе островком социализма в окружении стремительно двигающейся «назад» Польши и изо всех сил стремящейся сделать то же самое бывшей братской республики.

Некоторые калининградцы уже сейчас всерьез боятся агрессивных устремлений соседей, основываясь на появившихся у бывших жертв «феод., а затем империалистич. агрессии» признаках внимания к этой утерянной своих исконных хозяев земле. Так, в Вильнюсе многие называют область не иначе как Малой Литвой, а в Польше утверждают, что историческое название Кенигсберга — Крулевиц. В Калининграде же, ссылаясь на древние рукописи и Н. Карамзина, утверждают, что Пруссия — это про-

сто германская форма исконно славянского Порусья. Единственная же страна, которой не надо долго рыться в архивах, чтобы доказать свое непосредственное отношение к Калининграду, — Германия.

Конечно, ни один человек, пребывающий в здравом уме, говорить сейчас всерьез о перекроике границ в Европе не будет. И те же немцы, проникшие наконец в этот доселе полностью закрытый для них край, стремятся только помочь сохранить то, что еще осталось здесь от их многовекового присутствия.

Мощные бомбовые удары англо-американской авиации, по сию пору славящейся своей результативностью, разрушительный штурм войск 3-го Белорусского и многолетняя послевоенная «расчистка» города от любых следов «неметчины», к которой переселенцы из разрушенныхвойной деревень и городов питали вполне естественное отвращение, оставили нам лишь редкие памятники прошлого. Многие годы стиралась и сама память о богатой истории Кенигсберга — родины Канта и Гофмана.

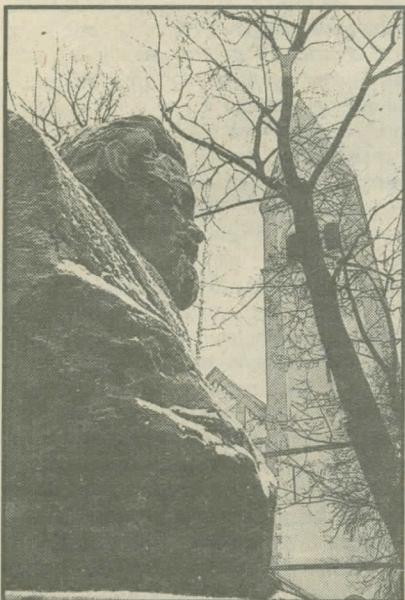
Сейчас ситуация медленно меняется. Калининградцы, особенно молодое поколение, проявляют все больший интерес к прошлому своей земли. Многочисленные неформальные группы, такие, как «Пруссия», «Фридландские ворота», занимаются сейчас восстановлением и приведением в «божеский» вид кирх, старинных зданий, кладбищ. А молодежь из христианской экологической общины, в которую помимо жителей Калининграда входят москвичи и ленинградцы, решила возродить древний немецкий замок Бальга недалеко от областного центра. Они намерены переселиться сюда вместе со своими семьями, чтобы заняться сельским хозяйством и... восстановлением традиций рыцарских орденов.

Недавно одна из таких групп нашла и установила памятный знак на моги-

ле нескольких эсэсовцев. Конечно, у многих это может вызвать возмущение. Но, может быть, подобный шаг, при всей его неоднозначности, в то время когда на месте бывшего немецкого городского кладбища в Калининграде решают сделать Парк культуры и отдыха, есть попытка обретения общечеловеческих ценностей вместо бездумных идеологических догм? Мертвым не мстят.

В Калининграде скоро должна выйти газета с названием, о котором раньше даже страшно было подумать, — «Кенигсбергский курьер». Ее редактор журналист Вольф Долгий главной задачей издания считает со-

действие возрождению духовных и культурных ценностей народов, проживающих в области. Газета будет выходить и на немецком языке для распространения в Германии.

Сейчас в Калининграде остро дебатируется вопрос о названии города. Конечно, многие калининградцы понимают, что далее сохранять «честь» быть названными именем благостного на вид, но отнюдь не добренского на деле верного слуги «вождя народов» абсурдно. Предложений о переименовании предостаточно — от ироничного Тверьграда до странноватого Кантограда. Лучше всего было бы, наверное, возвратить городу его исконное наименование. А боязнь, что вслед за этим неизбежно последует передача города «врагу», выглядит несерезной.

Какое же будущее ждет этот уникальный край? Будет ли Калининград действительно оплотом «реального социализма», унаследовавшим милитаристские традиции Восточной Пруссии? По крайней мере по степени концентрации вооружения эта область вряд ли уступает своей предшественнице — Восточной Пруссии. Одна военно-морская база чего стоит. Это и неудивительно, ведь стратегическое значение области велико. Думается, что столь нервное и явно агрессивное отношение руководства Союза к независимости Литвы объясняется во многом и невозможностью в случае создания там суверенного государства сухопутного общения со столицей важным регионом.

Конструктивную позицию в отношении Калининградской области высказал во время недавнего пребывания на этой земле Председатель ВС РСФСР Борис Ельцин. Он заявил, что Калининград — земля российская и навеки такой останется. Казалось бы, сейчас никто из серьезных политиков в Европе не оспаривает эту точку зрения. Однако имперские амбиции нашей союзной власти, которая превратила эту землю в настоящую военную базу, могут вызвать в центре Европы серьезные политические осложнения.

Руководству Союза следовало бы проявить политическую прозорливость и не связывать суверенитет прибалтийских государств с проблемой Калининградской области. В противном случае наш Центр окажется заложником собственной политики. С одной стороны, он будет препятствовать суверенитету прибалтийских республик, чтобы не лишиться сухопутного выхода к Калининградской области. А с другой, осуществляя такое препятствие, Центр неизбежно будет прибегать к силе, наращивая соответственно военный потенциал Калининграда. И чем выше будет этот потенциал, тем острее будет реагировать Центр на прибалтийский суверенитет. Подобная эскалация напряженности очень опасна.

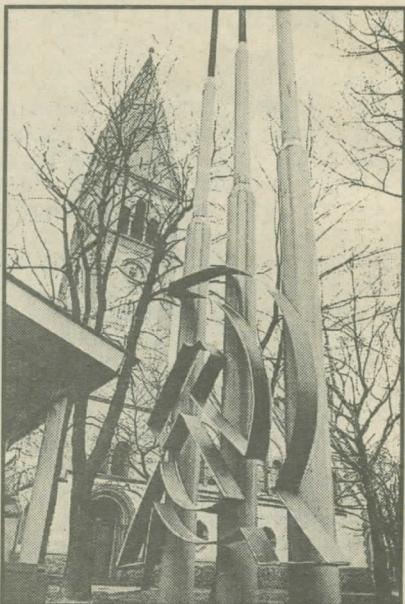
Россия предполагает иной выход — создание здесь свободной экономической зоны. Но этот заманчивый план кажется трудно осуществимым хотя бы потому, что до сих пор никто толком не знает, что это такое — свободная зона (см., например, «Столица», № 1, 1991).

Кстати, в Германии проявляют большой интерес к коммерческому использованию уникального географического положения области.

Побывавший здесь председатель одного из самых крупных в Европе «Дойче банка» Фридрих Кристианс уже выдвинул ряд конкретных инициатив. Надо сказать, что кое-кто из неистовых патриотов рассматривает эти инициативы как попытку экономической оккупации. Но такие опасения, по-моему, не что иное, как рецидив старого идеологизированного мышления. Если мы действительно хотим торговать, а не воевать, то капиталовложения из-за рубежа надо только приветствовать, осуществляя за ними естественный контроль. Кроме того, значительная часть населения, особенно молодежь, поддерживает курс на экономическое сближение Германии с Калининградом.

Какой путь будет выбран, во многом зависит и от событий в соседней Литве, да и во всей нашей стране. В любом случае жители города стремятся вновь после многолетнего перерыва открыть для себя Европу и хоть чуть-чуть почувствовать себя европейцами. Первый шаг уже сделан — с этого года с области снят гриф секретности. Будет ли следующий?

Андрей МОСЕСОВ

МОСКВА НЕ ВЫНЕСЕТ ТРОИХ

В смысле кинематографических Союзов тоже.

Жилищные проблемы одолевают и другой Союз — кинематографистов. Мало-помалу они обретают фарсовые очертания. Ситуацию комментирует кинорежиссер Сергей Соловьев:

— Однажды, на волне необыкновенного братания и единения, мы решили: «Так, только так и никак иначе!» — и приняли это дьявольское решение: создать Московский союз кинематографистов СССР. Размышляя

над этим словосочетанием, можно свихнуться. Я теперь — председатель этого союза. Люди, которые видят в моем членском билете наименование нашей организации, падают в обморок, ибо понять, что это такое, не могут.

Теперь в одном здании у нас — Союз кинематографистов СССР, Союз кинематографистов РСФСР и Союз кинематографистов Москвы СССР... тью — Московский союз кинематографистов СССР.

В реальной жизни — реальные заботы. На всю Москву есть 8—9 кабинетов, с помощью которых можно управиться со всеми проблемами. Когда появляешься в каком-нибудь из этих кабинетов и произносишь: «Союз кинематографистов...», тебе тут же говорят: «А ваши уже были!» Более идиотской жизнью я не жил никогда. Весь ее смысл заключается в том, чтобы с утра добежать до кабинета раньше своих коллег. Причем если

это получается и я понимаю, что успел, у меня до вечера спокойное сердце человека, сделавшего колоссальное дело.

Рядом с Домом этих наших союзов есть магазин «Русский лен». «Самого льна там, конечно, давно нет. Все три союза хотят получить здание магазина для себя. И теперь, когда Сергей Станкевич слышит слово «лен», у него появляются мураски. Понимает, что «Лен» надо отдавать, но кому — не понимает. А ему продолжают твердить: «Если вы отдастите вот этому, то это не мне, потому что я совсем другой...» Внутри Союза возникла глубоко неинтеллигентная, халдейская ситуация.

Напоминаем — речь не о большом Союзе, в котором еще 15 республик. А о Союзе кинематографистов. Или Союзах? Впрочем, какая разница, если итог (или тупик?) один.

Андрей КОЛЕСНИКОВ

КАК Ю.ГОРНЫЙ А.КАШПИРОВСКОГО НА ОЛИМПЕ ПОТЕСНИЛ

Если Анатолию Кашпировскому, по прогнозам газеты «Комсомольская правда», «светит» государственная премия в области здравоохранения, то уж мастеру психологического опыта Юрию Горному, точно, полагается Звезда Героя Соцтруда. Что Кашпировский? Сияет всей планете (цитирую «Комсомолку») «десятками граней Бриллиантов таланта», сводит «на нет» «духовную боль человечества», заставляет советских женщин петь и улыбаться под ножом. (Последнее для нас, кстати, вообще — дело нехитрое.) Однако особого, «долгоиграющего» эффекта от чудотворчества Кашпировского в нашей стране не получится. Исцелит он мигрени — завтра снова головы разболятся от неразрешимости проклятых вопросов: «где брат?», «как достать?». Излечит радикулит, но очереди-то у нас хронические — снова спина заноет. Изменит цвет волос, но

весь равно от такой жизни поседеешь раньше времени. Врач должен, говорят, не болезнь, причину ее устранять...

От сеанса же Ю.Горного по ТВ получилась сплошная общественная польза. В передаче «Лабиринт» ленинградской программы Ю.Горный идеальным для отечественного зрителя образом всего на одну минуту совместил грани талантов «Бриллианта» Кашпировского с «Алмазом» Геллера и — «передрагоценил» их обоих. В ответ на просьбу ведущего «Лабиринта» прокомментировать способности Геллера решил «убить двух зайцев»-конкурентов (вернее — «котов» чародейства): не отходя от ТВ-камеры, взял да и запустил всю неисправную в стране механику и заодно оздоровил население Союза.

Гарантийный срок своего воздействия установил трехдневный. «Пошаманил» с минуту, а потом в течение 2 часов, пока продолжалась передача, со страшной силой работали телефоны в студии, и долгое еще время спустя раздавались звонки в мастерской экстрасенса(?)-артиста(?)—мастера(?)—шутника(?) Горного. Звонили из разных уголков необъятной Родины, сообщая о тронувшихся стрелках отечественных часов всех марок и размеров, от электрических

до механических, от ручных до настенных, от старинных до современных.

Начали вырабатывать мороз сотни неисправных холодильников. Зашумели пылесосы. Два года не гладил утюг, тут раскалился добела. Включился сломанный магнитофон. Заиграл проигрыватель. Замолотила кофемолка. Прорезалось изображение у цветного телевизора «Горизонт» и у черно-белого «Рекорда». У тракториста из гор. Колбина под окном сам собой завелся трактор «Беларусь». «Часы не пошли, но рассосался геморрой», — извещал телевидение следующий зритель. Три дня, как было обещано, не только в регионах визуального воздействия Ленинградского ТВ, но даже за Уралом исчезали у людей колики в желудках, отпускали ноющие зубы, проходили остеохондрозы и мигрени.

А академики и депутаты все ищут безболезненный способ оздоровления экономики страны, базис-фундамент духовного и физического воскрешения советского человека. О чем думать?! Повторить сеанс Горного на ЦТ и удлинить срок гарантий. Вручить Мастеру не только Звезду Героя Перестроичного Труда, но и рычаги управления...

Виктор ПЕРЕЗВЕДЕНЦЕВ

СТАРОСТЬ – НЕ В РАДОСТЬ

В 1987 году в стране
родилось 5 миллионов 599
тысяч детей, в 1989 — 5
миллионов 62 тысячи.

Почему такой резкий
спад? Что он означает?
Продолжится ли он? Если
да, то как долго и на каком
уровне остановится?
Каковы, наконец, будут его
последствия?

Страна переживает очередной демографический провал, как две капли воды похожий на тот, который уже был в 60-е годы. Больше того — он является следствием того провала. Напомню, что в 1958—1960 годах за год рождалось в среднем по 5,3 миллиона детей, а в 1967—1969 — всего по 4,1 миллиона. Тогдашний спад числа рождений называли «эхом войны». В годы войны детей родилось мало, и к 60-м годам эти малочисленные дети сами становились родителями; мало родителей — мало и детей. Все логично и убедительно — на уровне «здравого смысла». Но демографы хорошо знают, что главным в том снижении была отнюдь не малочисленность поколения, родившегося в военные годы, а уменьшение числа детей в средней семье, у средней женщины. И само это снижение действительной рождаемости было следствием совсем другого — перехода сельского населения в города и почти поголовного «вовлечения женщин в народное хозяйство».

У средней работающей женщины в те времена детей было гораздо меньше, чем у «домохозяйки». А у рожанки — меньше, чем у сельской женщины.

Демографы пытались предупредить работников Госплана о грозящем стране близком демографическом кризисе и возможных последствиях их плановых решений. Да кто же у нас слушал и слышал научного работника! Допускаю, что лично мне сильно не везло, но мне ни разу не удалось встретить сколько-нибудь крупного чиновника, который допускал бы, что кто-то в чем-то может понимать больше, чем он. Да и во времена гласности очень плохо со «слышимостью». О демографических делах теперь немало говорят даже на самом высоком уровне, но, как бы это помягче сказать, по-прежнему непрофессионально. Нынешний спад, о котором специалисты настойчиво предупреждали давно, можно было бы, по крайней мере, сильно смягчить, если не предотвратить.

Нынешний спад рождаемости — это результат, в первую очередь, малочисленности тех, кто родился во второй половине 60-х и первой половине 70-х годов. Но не только этого. Как и в прошлый раз, падает действительная рождаемость. Если в 1986—1987 годах у каждой тысячи женщин в возрасте от 25 до 30 лет рождалось за год по 146 детей, то в 1989 — всего 126; у женщин в возра-

сте от 30 до 35 соответственно 79 и 67. Так что снова, как и в 60-е годы, действуют обе причины.

Мы стоим лишь у начала очередного спада. Конечно, «грядущие годы таятся во мгле». Но население — система очень устойчивая, обладающая громадной инерцией. Поэтому демографические прогнозы объективно надежнее многих других.

Совершенно несомненно, что падение числа ежегодных рождений продолжится до середины 90-х годов. Меньше всего детей родится, очевидно, в 1995 году. Почему? Да потому, что средний возраст матери в момент рождения ребенка около 26 лет. Говоря профессиональным демографическим языком, это — «средняя длина материнского поколения». Меньше всего детей родилось в 1943 году, потом — в 1969-м, ну а следующим годом минимума должен стать 1995-й. А годами максимума были 1960-й и 1986-й, следующим будет 2012-й.

Сколько же детей появится на свет в 1995 году? Наиболее вероятно, что около четырех миллионов. Меньше — скорее, больше — вряд ли.

Прирост населения страны почти прекратится. Ведь одновременно с уменьшением числа рождений будет расти число смертей. Умирать станут больше главным образом из-за старения общества, то есть повышения в его составе доли пожилых и старых людей. В середине 90-х годов ежегодный естественный прирост населения страны будет меньше одного миллиона человек. Для сравнения: в 1960 году прирост составил — 3,8 миллиона, в 1986-м — 2,9, в 1989-м — 2,2 миллиона. Но дело не в приросте самом по себе. Дело в структуре общества.

Самое важное, с точки зрения демографа, — воспроизводство населения, замещение поколений. То есть соотношение, в котором рождающиеся дети количественно замещают поколение родителей. Если на смену каждой тысяче человек родительского поколения придет и тысяча детей, рожденных людьми этого поколения и доживших до того возраста, в котором были родители при рождении детей, то это будет означать, что обеспечено простое воспроизводство населения, равновеликость поколений. Если такое положение будет продолжаться очень долго, то население станет стационарным, то есть постоянным по численности и демографическому составу, по полу и возрасту. Конечно, при

условии, что и продолжительность жизни будет оставаться постоянной. К такому, примерно, состоянию придется, по мнению специалистов, население мира в XXI веке.

Чем выше рождаемость — тем может нарастать население, то есть тем меньше в его составе доля пожилых (за 60 лет) и старых (после 75) людей. Потому и мала бывает доля стариков, что детей много. Далекие от демографии люди обычно думают, что старение населения происходит из-за увеличения средней продолжительности жизни. Да нет, население быстрее старится потому, что падает рождаемость. Это хорошо видно и на нашем населении. Скажем, после 1965 года средняя продолжительность жизни у нас уменьшилась, а население быстро старело.

В 1939 году на каждую тысячу жителей нашей страны приходилось 68 человек старше 60 лет, в 1959-м — 94, в 1989-м — 142. Советский Союз из страны с молодым населением стремительно превратился в страну со старым населением. В последнее десятилетие нашего века старение еще усиливается, так как детей будет мало, а через шестидесятилетнюю границу начнет переходить многолюдное поколение, рожденное в 30-е годы. В середине 90-х годов ежегодный абсолютный прирост тех, кому за 60, будет больше прироста всего населения страны, то есть население станет расти только за счет пожилых и старых людей. В двухтысячном году пожилых и старых людей будет уже около 170 на тысячу населения. Такого в нашей истории никогда еще не было.

Кто не слышал, что самые несчастные, дискриминированные у нас — пенсионеры по возрасту? Значительная их часть живет ниже прожиточного минимума, не живет, а выживает. Читатель помнит, вероятно, как мучительно долго и остро обсуждалось новое пенсионное законодательство в Верховных Советах Союза и России. А ведь людей, получающих пенсию, у нас «всего» 60 миллионов. По переписи 1989 года людей пенсионного возраста было 49 миллионов — на 159 миллионов тех, кто находился в трудоспособном возрасте. А насколько затянулись бы дебаты, если бы «нагрузка иждивенцами» была много большей, как она неизбежно станет большей к началу следующего века? Чем выше доля стариков в населении страны, тем они сами живут хуже.

А что происходит при старении населения с «рабочей силой»?

Среди занятых в народном хозяйстве, естественно, увеличивается доля тех, кто старше: кому за 50, за 55, кто уже не может работать с былой производительностью и кто вынужден менять работу потому, что с прежней не справляется. В старших «рабочих возрастах» многие люди становятся инвалидами, нередко — с полной потерей трудоспособности. По мере старения человек становится менее мобильным во всех отношениях. Ему труднее усваивать новые идеи, осваивать новые технологии и новые трудовые операции, менять профессию... Словом, молодость населения, как и молодость отдельного человека, — великое благо. Старение нашего общества ослабляет нас в экономической конкуренции с развитыми странами.

«Демографические волны», то есть постоянное чередование многолюдных и малолюдных поколений, создают большие трудности в личной жизни человека. С ними связаны сильные половые диспропорции в самых цветущих возрастах. На «восходящей» стороне волны, то есть у более многолюдных возрастных когорт, образуется «дефицит женихов», на нисходящей стороне — «дефицит невест».

Такая сложная демографическая ситуация 90-х годов специалистам-демографам была давно и хорошо известна. Очередной демографический провал можно было не допустить умелой демографической политкой. На спаде, на нисходящей стороне демографической волны, следовало стимулировать рождаемость. Однако ее стимулировали, наоборот, на гребне волны, то есть тогда, когда и без того детей год от году появлялось все больше.

Как читатель, видимо, помнит, в 1981 году была принятая целая система мер, направленных на повышение рождаемости и улучшение воспитания подрастающего поколения. Эта система оказалась, как свидетельствует демографическая статистика, достаточно эффективной. Кроме того, вначале на рождаемости положительно сказалось усиление борьбы с пьянством и алкоголизмом. Учтем и большие ожидания, связанные с началом перестройки. Все это привело к тому, что очередной пик числа рождений 1985—1987 годов был повышен искусственно. В ущерб рождаемости в последующие годы. Ведь рождаемость в годы пика зависела от самых молодых женщин. Таким образом, произошел «сдвиг в календаре

рождений», то есть многие женщины родили детей раньше, чем это было бы без стимулирования рождаемости. Следовательно, они уже не рождают позднее. Если, скажем, женщина, настроенная на двоих детей, родила их к своим 25 годам, то она больше не станет рожать в 27—30—35 лет, как это случилось бы без стимулирования рождаемости, стимуляция же пришла на первую половину 80-х годов. Преждевременные роды углубляют демографический провал 90-х годов. Очень просто!

До сих пор речь шла о стране в целом. Однако в разных ее местах положение различно. В России, на Украине, в Белоруссии и республиках Прибалтики воспроизводство давно уже и заметно суженное, то есть рождающихся детей сильно не хватает для чисто количественного замещения родительских поколений. Когда эти дети подрастут, их будет меньше, чем людей тех поколений, к которым относились их отцы-матери. Это ведет к быстрому старению и последующему уменьшению численности населения. В Средней Азии продолжается «демографический взрыв», то есть очень быстрый прирост населения, вызванный некоторым сокращением детской смертности при сохранении высокой рождаемости (хотя и там она падает). Сложение данных по союзным республикам с принципиально разными типами воспроизводства населения дает видимость некоторого демографического благополучия по стране в целом. Но плохо и тут и там. Это в алгебре перемножение двух отрицательных чисел дает положительный результат. А в демографии два минуса дают минус в квадрате. В одном регионе — разрушение населения, а в другом — громадную и быстро растущую безработицу.

Чуть расширенное воспроизведение населения страны в целом обеспечивает село. Город в этом смысле живет за счет села: горожане давно и устойчиво имеют сильно суженное воспроизводство.

Демографическому благополучию городов сильно мешает государственная миграционная политика — административное регулирование миграции с помощью «паспортного режима», ограничения прописки в больших городах. Многолетний опыт показал, что сдержать рост крупнейших городов таким путем невозможно. Стеснения прописки не просто ошибочны — они абсурдны. Без постоянного и большого притока сельской молодежи крупнейшие го-

рода очень скоро стали бы «городами пенсионеров», так как именно в них рождаемость крайне низка. В Москве, Ленинграде и ряде других городов на смену каждой тысяче человек родительского поколения давно уже приходит всего около семисот детей. А ведь это крупнейшие наши промышленные, научные и культурные центры. Кстати, формальные запреты прописки, которые преодолеваются с помощью фиктивных браков, блаты, взяток и прочего, стали фактическими запретами на выписку. Редкий житель наших лучших и крупнейших городов покидает их по собственной инициативе.

Демографическая ситуация у нас кризисная. Преодолеть ее мешают многие предрассудки, свойственные как рядовым гражданам, так и тем, кто готовит и принимает решения. Очень хорошо, что демографические проблемы стали обсуждать в высших законодательных органах страны и республик. Но уровень этих обсуждений нередко просто шокирует специалистов. Так, скажем, с трибуны Верховного Совета СССР из уст председателя Комитета по делам женщин мы с изумлением услышали, что у матерей-одиночек материальное положение якобы такое же, как у разведенных. Ну дела!

Мы пожинаем плоды разгрома демографии в 30-е годы и упорного нежелания дать этой науке развиваться в послевоенные десятилетия. Маленькая Венгрия, где население в полтора раза меньше, чем в Москве с областью, имеет Демографический научно-исследовательский институт, а Советский Союз — нет. Нет ни демографической печати, ни элементарных учебных предметов в общеобразовательных школах и в вузах. Вот и приходится читать и слышать, что «детей у нас слишком много», что «трехдетная семья — многодетная», что «чем больше доход семьи, тем больше в ней детей» и многие другие нелепости.

Общество может выбирать только из двух вариантов: население должно или расти — или будет быстро стареть. Думаю, что оптимальный выбор в данном случае — срединный: медленный рост при умеренном старении. Другими словами, примерно простое воспроизводство населения, то есть преимущественно трехдетная семья. А для России, республик европейской части страны и городов — это повышение рождаемости.

За окном грохочут сапоги, в холодильнике — «пустынная зима», в углу монотонно врет о чем-то телевизор. Вам тоже тоскливо? И вам?

Всем помочь не смогу, но тем, у кого есть дети-младшеклассники, предлагаю замечательное средство от тоски. Помогите сынишке или дочке приготовить задание по русскому языку, и вам сразу станет легче.

Перед вами откроется дивный мир, населенный преимущественно «ленинскими внучатами» — октябрятами. Там кипит работа, дабы «с каждым днем все радостнее жить». «За детство счастливое наше спасибо, родная страна!» — кричат «внучата» и бегут кто куда — спешатнести свой вклад в дело дальнейшего осчастливления народа населения. А в свободное время можно совершить какой-нибудь геройский поступок — например, посредством альфа пионерского галстука предупредить машиниста о том, что экстремисты разобрали пути...

Чувствуете, как здоровый оптимизм растекается по вашему изголовью дневному телу?

Теперь, когда мы немного развеселились, поговорим о языке. Даль определяет «язык» как «совокупность всех слов народа и верное их сочетание, для передачи мыслей своих...» Заметьте — МЫСЛЕЙ.

Чуковский в книге «От 2 до 5» пишет о том, что в этом возрасте ребенок не только познает, но и творит язык, являясь «гениальным лингвистом». К

«НА ПОДА ШУМЛIVЫЕ МЫ ИДЕМ СЧАСТИLIVЫЕ»

7—8 годам языковое чутье притупляется. «Теперь, на пороге школы, перед ними новая задача: осознать, осмысливать теоретически то, что в возрасте «от 2 до 5» они инстинктивно узнали на практике».

И вот начинается «теоретическое осмысление». Теоретическое — то есть в русле марксистско-ленинской теории. Слова, согласно учебнику «Русский язык», бывают разные: «веселые и грустные, маленькие и большие». Как мы успели убедиться, советским детям положено изъясняться словами большими и веселыми: «колхоз», «трактор», «звездочка», «съезд». А вот еще одна категория слов — очень важные: «октябренок», «пионер», «коммунист», «партия», «мир»...

— Скудный язык, однообразно-оптимистический фон, чуждая интересам ребенка тематика... — характеризует учебник специалист по детской психологии Ольга Попова. —

Отсутствие игровых элементов приводит к тому, что интерес к обучению напрочь пропадает. Ведь развитие предполагает конфликт и желание его разрешить. А тут — серая бесконфликтность, которая может привести к интеллектуальному застою. Зачем ребенку уметь находить однокоренные слова, если он и так самый счастливый на свете? Да и читать-писать вовсе не обязательно. Сиди себе и жди, пока «Родина... нас своим хлебом»...

Насчет хлеба — это задание такое в учебнике: «дописать предложения». Попробуйте сами: «Она... нас своими водами». Или вот еще: «Родина защищает нас от всяких...»

К счастью, дети 7—8 лет еще не способны к обобщениям на тему «Руками нашего народа в стране творятся чудеса». Они просто живут среди этих чудес, и поэтому едва ли «очень важные» слова для них так уж важны. «И любить ПО-ЛЕНИНСКИ Родину свою» они вряд ли будут. Но дело даже не в этом. Жаль наших детей, для которых языки Пушкина, Чехова, Бунина предстают совокупностью «больших и веселых» слов.

Впрочем, не грустите. Надежда умирает последней. Дети завтра пойдут в школу, откроют учебник и увлеченно примутся дописывать предложения: «Рабочие дадут больше (чего?)... . Строители построят много (чего?)... . В нашей стране будет еще больше (чего?)...»

Вспомнил детство Михаил ДУБИК

ЧТОБЫ ЗАПОВЕДЬ «НЕ УБИЙ» ВОШЛА В ПОДСОЗНАНИЕ

Пока одни наши сограждане придумывают изощренные способы смертной казни, другие борются за ее отмену.

Время сегодня, конечно, не самое подходящее призывать «милость к падшим». Люди, объединившиеся сегодня в движение за отмену смертной казни, и не рассчитывают на популярность, на опору в массах и скорый успех. Они только еще более утвердились в своей позиции после того, как, выразив ее в одной газетной публикации, получили пачки писем ненависти, угроз и матерщины. Сами письма сторонников смертной казни — красноречивейший аргумент против нее. «Дикость порождает только дикость», — говорил академик Сахаров.

Из небольшого сибирского городка прислал оду на смертную казнь местный глава горсовета. Все «ваши» преступники, написал он, фашисты, а фашистов положено убивать. Сидел этот старик за своим председательским столом и думал, как бы поизобретательней прикончить обреченного. И размышлялся, породил план. Партиями, написал, следует загружать преступников в транспортный самолет. Руки связывать, к ногам прикреплять камни. Полет должен проходить над Ледовитым океаном, надо открывать люк и выбрасывать друг за другом человеческие «отрыжки общества» с самолета...

Молодая женщина, мать двоих детей, предложила создать в стране научно-исследовательский институт смерти. Где для приговоренных разрабатывались бы наиболее мучительные методы казни. И пообещала в случае открытия такого учреждения оформиться туда на работу...

Страшно, не правда ли? Не столько за убийц-смертников, сколько за внуков и детей авторов этих посланий. Сделать в принципе невозможным институт палачества, уничтожить саму должность палача на окладе, что-

бы поступат «не убий» вошел в подсознание, — эта труднодостижимая цель сблизила людей, стремящихся работать на нее немедленно, сейчас.

Представители немыслимо левых партий: транснационально-радикальной и анархо-синдикалистской. Обыкновенные беспартийные. Юристы, и среди них — Б.Золотухин, отстраненный в свое время от адвокатской практики за участие в процессе по «Белой книге» А.Гинзбурга; Г.Падва, зам.председателя правления Союза адвокатов СССР, на собственном лагерном опыте вынесший идею изменения законодательной системы. И среди них же — человек в погонах, пять лет прослуживший в трибуналах, военный юрист, преподаватель кафедры уголовного права В.Буробин. Сила движения — общество «Мемориал», активистка которого, неутомимая С.Печуро, перечитала и систематизировала тысячи писем «за» и «против» смертной казни. Поддержка — Комитет по правам человека Верховного Совета РСФСР (С.Ковалев, Г.Старовойтова), заместитель председателя Комиссии Президиума Верховного Совета РСФСР по вопросам помилования А.Кононов.

— Мы изучали отношение в стране к вопросу о смертной казни, — рассказывает С.Печуро. — За безусловную отмену лишь 8 процентов населения. Еще процентов 35 считают, что в принципе можно отменить, но вот сейчас момент неподходящий.

У людей, дорожащих наличием смертной казни в государстве, чувство самосохранения переросло в безрассудную ненависть. Оптом — и к противникам казни и к «покровителям убийц». Верх берет обыденное сознание: а если бы жертвой был ваш ребенок?! Единственный способ докричаться до людей — доводить до общественного сведения случаи ошибочных смертных приговоров. Освещать и саму процедуру их исполнения.

Многие ли задумываются, какова она на практике, не на бумаге, смертная казнь? Всякий ли может представить себе палача, который за деньги должен стрелять в людей, а потом ехать домой, к детям, в одном с нами вагоне метро? Многие ли знают, что трупы казненных родственникам не выдаются, зарываются в землю невеста где. Недавняя история парнишки, расстрелянного в Курске, мать которого два года обивала судебные пороги, умоляя отдать ей тело сына, и сошла потом с ума, подействовала бы на обывателя, уверена С.Печуро. А это — не только человек толпы. Люди, принимающие решение, руководствуются теми же эмоциями: а если бы это была моя жена, мой ребенок?.. И выходит — око за око, кровная месть в государственном масштабе!

Военный юрист, противник санкционированного убийства В.Буробин: «Работая в трибуналах, я понял и ужаснулся: судья не задумывается над исключительностью, «запредельностью» высшей меры. Для него смертная казнь — лишь одна из ступеней привычной лестницы уголовных наказаний: штраф, лишение свободы до 15 лет, дальше идет «вышка».

Ошибок, которые не исправишь, — достаточно. Сегодня заведующий отделом по вопросам гражданства и помилования Секретариата Верховного Совета СССР Г.Черемных вынужден признать: «Судебные ошибки — не исключение». Знаменитое «витебское дело» — одна из них. Когда сторонники отмены смертной казни впервые собрались вместе, к ним присоединилась мать смертника, который вот уже два года ждет в тюрьме исполнения приговора. Глядя в глаза этой женщине, признается С.Печуро, невозможно работать только на будущую благую цель. Не без участия энтузиастов нового движения дело пересмотрено.

В.Буробину поручено создать группу независимых экспертов: юристов, психологов, психиатров. На основе проведенного ими анализа судебных ошибок станет возможным наглядно показать, как эти «исключения» выстраиваются в правило, противоречащее и праву, и правильности, и правде.

Вот только работа экспертного совета — дело проблематичное. Люди для него найдутся. Но получат ли эти люди доступ к делам, полномочия и право голоса на законодательном уровне? К тому же добросовестная аналитическая работа требует времени и, соответственно, денег. Субсидировать столь малопопулярное движение, понятно, никакой спонсор не собирается... Когда на собрании группы зашла речь о необходимости издать первый ее документ, все просто скинулись по пять червонцев в общую шапку.

Цифры, которые исследователи привели в этом документе под названием «Узаконенное убийство», свидетельствуют: никакой параллели между жестокостью наказания и количеством преступлений нет. Скажем, и в СССР, и в США, и в Италии, где на 100 тысяч населения приходится 8–9 убийств в год (причем эта цифра относительно постоянна), подход к высшей мере прямо противоположен. Италия обходится без расстрелов и виселиц уже 40 лет, в нашей стране смертная казнь сохраняется, а в США существует в большинстве штатов. Тогда ради чего мы убиваем, если это никого не тормозит?

Каждую неделю (или раз в две недели) Комиссия по вопросам помилования российского парламента рассматривает от 5 до 10 дел с приговорами к исключительной мере. Зам.председателя Комиссии А.Кононов, по его словам, встречает полное непонимание смысла и возможности отмены смертной казни не только отдельными депутатами (80% депутатского корпуса выступили за ее сохранение, что почти соответствует общему уровню по стране), но и самой Комиссией по помилованию. Два неизменных голоса «за жизнь» против пяти по большинству дел. Президиум Верховного Совета, утверждающий окончательное решение, еще немилосердней. Вопрос «казнить или миловать» для президиума — один из многих политических, экономических, социальных. Выносится он традиционно под конец заседания. Люди усталые, дело об

убийстве ясное, доказанное, всем хочется поскорее «отголосовать». А тут «не в струю» выступает Кононов. На многих в президиуме, по собственному признанию, он уже действует как красная тряпка на быка. «Адвокат убийц» — такое заслужил отношение. Зачастую ведущий заседания Р.Хасбулатов попросту обрывает «невсвоевременные мысли» вслух депутата Кононова.

Но сомнение в душах поселяно и, возможно, все же принесет плоды. Тем временем группа борьбы за отмену смертной казни намерена подготовить и представить в депутатские комиссии законопроект о моратории на ее применение. Лет на пять. И проанализировать динамику преступлений. Для начала мораторий установить хотя бы на наиболее одиозные статьи, в которых смертная казнь заложена вопиюще необоснованно и которые дают простор для судебного произвола. К примеру, статья о хищении в особо крупных размерах. Или о взятках. Торопливый расстрел бывшего директора Елисеевского гастронома наводит на мысль о желании поскорее прекратить расследование, чтобы не прозвучали новые имена... По статье 93 прим. хищением в особо крупных размерах считается сумма свыше 10 тысяч советских рублей. Вот так законодательным образом устанавливается цена человеческой жизни.

Во всех странах, где не существует «государственных убийств», альтернатива им в отношении закоренелых негодяев — пожизненное заключение. Окончательная отмена смертной казни должна и у нас сопровождаться изменением законодательной системы.

Однако А.Кононов говорит о распространенной среди депутатского корпуса точке зрения, будто нашему государству, разоренному долгим строительством светлого будущего, пожизненные камеры-одиночки не по карману. Слишком дорогое проявление гуманности. И верно. Убивать дешевле. Не только в экономическом смысле. Но и по части легкости, доступности такого способа поверхности очищения от скверны».

Только ведь рано или поздно происходит крушение иллюзий. Не было бы поздно...

Аэлита ЕФИМОВА

«Так вот почему молчит министр связи»

В № 3 за 1990 г. и № 7 за 1991 г. «Столица» занималась поисками пропавшего министра связи (тогда им был Э.К.Первышин). На письма министр не отвечал, вопросы журналистов также оставались безответными. Интересы министра представлял его заместитель — Е.А.Манякин.

Вот и после опубликования материала «Так вот почему молчит министр связи» Евгений Алексеевич посетил нашу редакцию и указал на ряд неточностей в нем. Во-первых, почта, оказывается, оставила себе не «больше половины подписных денег», а гораздо меньше — в среднем 27,7% (у «Столицы», правда, было изъято более 42% того, что нам заплатили подписчики), если считать от новых цен на периодику.

Во-вторых, доходы Министерства связи от распространения печати, составившие, как правильно сказано в статье, 728.800.000 рублей, были полностью съедены расходами (1.281.000.000 руб.). И это значит, что мы с вами не гарантированы от нового увеличения стоимости почтовых услуг.

В-третьих, предприятиям Министерства связи СССР все же удалось повысить зарплату почтальонам — на 30 рублей. А это означает, что повышение цен на периодику прошло не зря — хоть кому-то от этого стало лучше.

Мы обещали довести информацию, сообщенную Е.А.Манякиным, до сведения читателей. Что и делаем этой заметкой.

«Столица»

Елена САЛИНА

Фото Эдуарда КУДРЯВИЦКОГО

ПСИХИАТР ЗА РЕШЕТКОЙ

«Каждый эксперт несет личную ответственность за проведенную им экспертизу и за данное им заключение».
Из «Положения об амбулаторной судебно-психиатрической экспертной комиссии».

Клац-бум — прощай свобода! Захлопнулась железная дверь, что за другой, цивильной, стеклянной, прикрытой шторкой от вольного взгляда. И не лязгнет следующая, пока равнодушный контролер не исследует твою личность, обезображенную фотографией.

Клац-бум — открылась клетка. Шаг назад, шаг в сторону... Ближе одного метра подходить запрещается... Вверх по лестнице, вправо извилистым лабиринтом. Клац-бум. Новая клетка. «Товарищ! Не забудь закрыть дверь на замок».

Унылый день. Серые ватники «хозработников», сгребающих снег во внутреннем дворике. Обезглавленная церковь, приспособленная под медсанчасть.

Горячий пар, вырываясь снизу, из бани-прачечной, лежит поросшие грибком плесени стены тюремного здания и, смешиваясь по дороге с тошнотворными столовскими ароматами, причудливым амбре влетает в зарешеченную форточку третьего этажа. Там сидят люди в белых халатах, мужчины и женщины, и дергают ниточки судеб других людей, мужчин и женщин, волею обстоятельств, дурного характера, алкоголя, чьего-то влияния, зависти, авантюризма, болезни и, бог знает, чего еще лишенных «пропуска на выход», который лежит в моем кармане.

Потом, спустя недели, месяцы или годы, суд назовет их ворами, насильниками, убийцами. Пока они — подследственные, содержащиеся под стражей в СИЗО-2, Бутырской тюрьме. Привод сюда, на третий этаж, дает им новый краткий статус — испытуемых, а несколько страничек медицинского заключения способны перевернуть жизнь или констатировать смерть. Смерть разума.

— Вы понимаете, что здесь происходит?

— Та-а, какая-то комиссия.

— Мы должны решить вопрос о ва-

шем психическом здоровье. Вам все равно?

— Да.

— Как попали в эту историю с квартирной кражей?

— По стечению обстоятельств.

— А в прошлый раз, когда вас судили за разбой?

— Друзья подтолкнули.

— Планы на жизнь были?

— Если честно, то нет.

— Какая работа, считаете, вам подходит?

— Хотел бы по профессии, сварщиком.

— А смогли бы?

— В большом цехе не смог бы.

Ставки, полставки, ноль семьдесят пять. На ставку — 12 экспертиз в неделю, 2–3 в день. На полторы и более — соответственно. Уголовное дело — от тоненькой папочки до нескольких томов. Плюс медицинское «досье». Для сравнения: врач института им. Сербского проводит одного испытуемого в неделю, значительно выигрывая в зарплате.

Скоренько, скоренько, в чем обвиняется, показания свидетелей, протоколы допросов, характеристики, амбулаторная карта. Дважды судим, восьмой ребенок в семье, мать страдала токсикозом, жена отмечает вспыльчивый характер, травма головы, по месту жительства характеризуется положительно...

А контролер Николай уже кладет на край стола тяжелый ключ от соседнего «кабинета», где стулья и стол привинчены к полу и меряют шагами пространство испытуемый-узник.

Короткий разговор с глазу на глаз. «Вы готовы?» — спрашивает председатель врача-докладчика, и члены комиссии, которые поменяются потом ролями с докладчиком, согласно кивают, не отрываясь от собственных папок. Включился конвейер.

— Вы понимаете, зачем вас сюда пригласили?

— Признать меня того (крутит пальцем у виска).

— Не доверяете врачам?

— Я врачам никогда не доверял.

— Почему таблетки не пили, когда лежали в психбольнице?

— Чтобы не выйти оттуда дураком.

— Вы алкоголик?

— Нет.

— А кто?

— Пьяница. В голове мутно и тянет на подвиги.

— Как потом себя чувствуете?

— Потом я никак себя не чувствую.

Просплюсь — и еще полбутылки.

— Лечить вас надо?

— Вот чего не надо, того не надо.

— Какие планы на жизнь?

— Проработать десять лет дворником и получить квартиру.

«Сведения о себе сообщает противоречивые, непоследователен, заторможен. Критика своего состояния отсутствует. Имеется тенденция привлечь к себе внимание. Мутный взгляд, блуждающая улыбка. Таблицу умножения знает плохо. Запас школьных знаний небольшой. Интеллектуальное развитие близко к уровню легкой дебильности. Обвиняется в совершении серии угонов машин и краж из них».

— Ты о законе думал? Знал, что совершаешь преступление?

— Не знал.

— Чем увлекаешься?

— Группами всячими, музыкой... в общем.

— А книжками?

— Не увлекаюсь.

— Что легче: килограмм железа или килограмм пуха?

— Железо, наверно.

— Железо легче?

— Тяжелее.

— Как расшифровывается «РСФСР»?

— Не знаю.

— А в какой республике ты живешь?

— В сэ-сэ-сэ-эрэ.

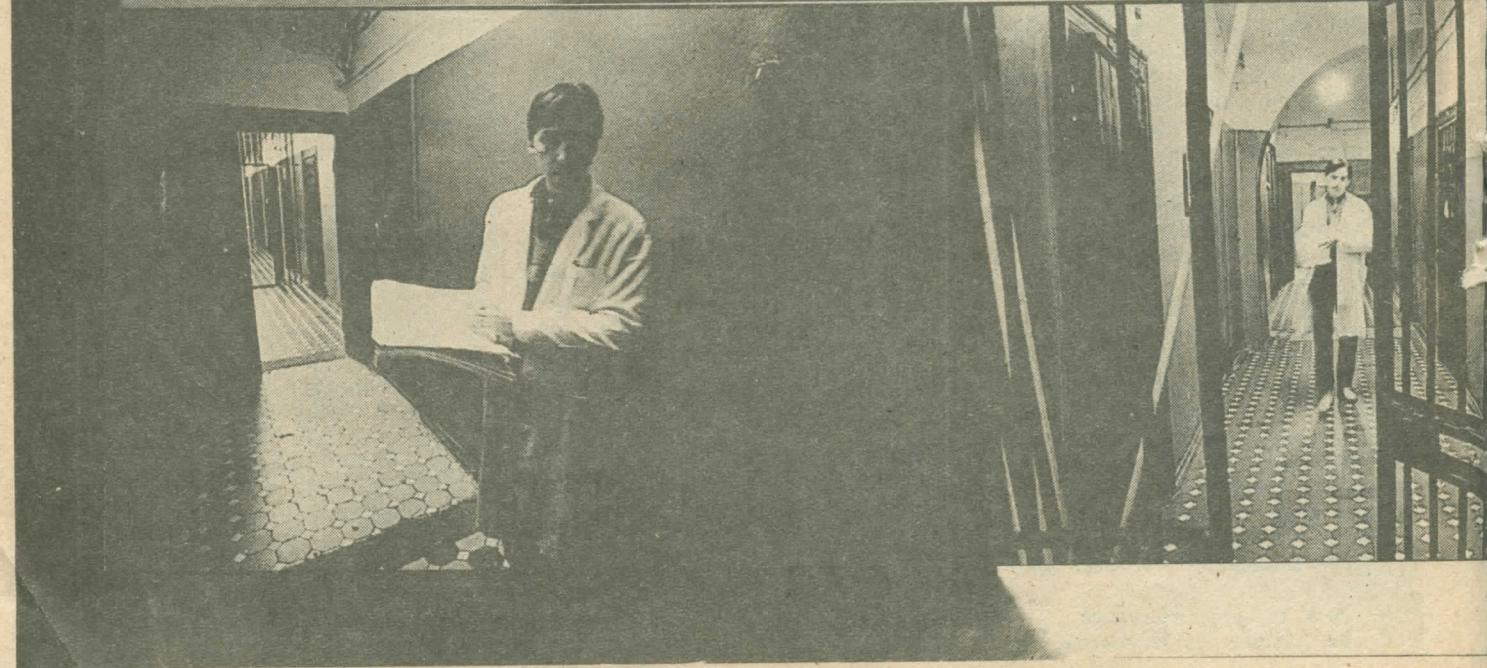
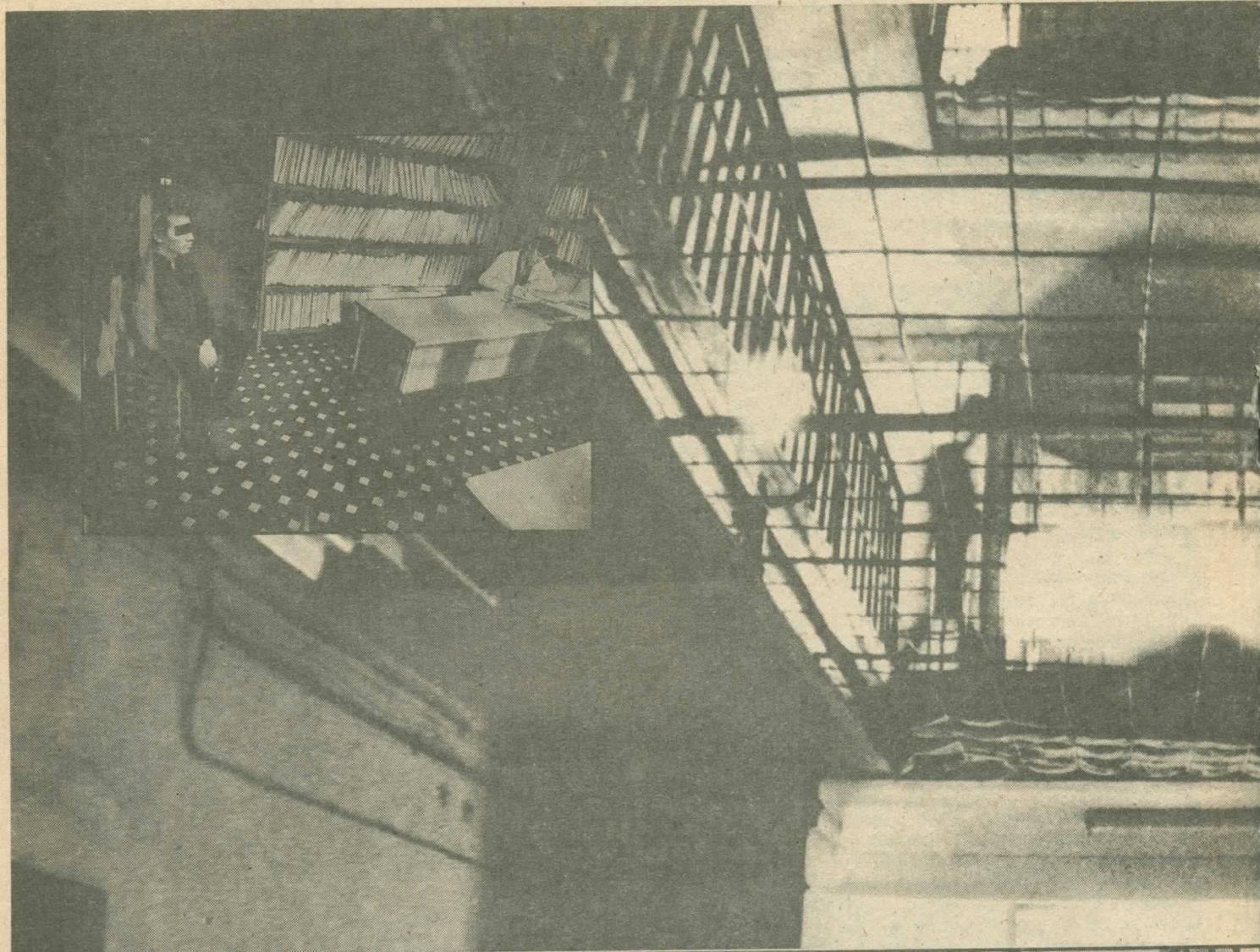
— Расшифруй.

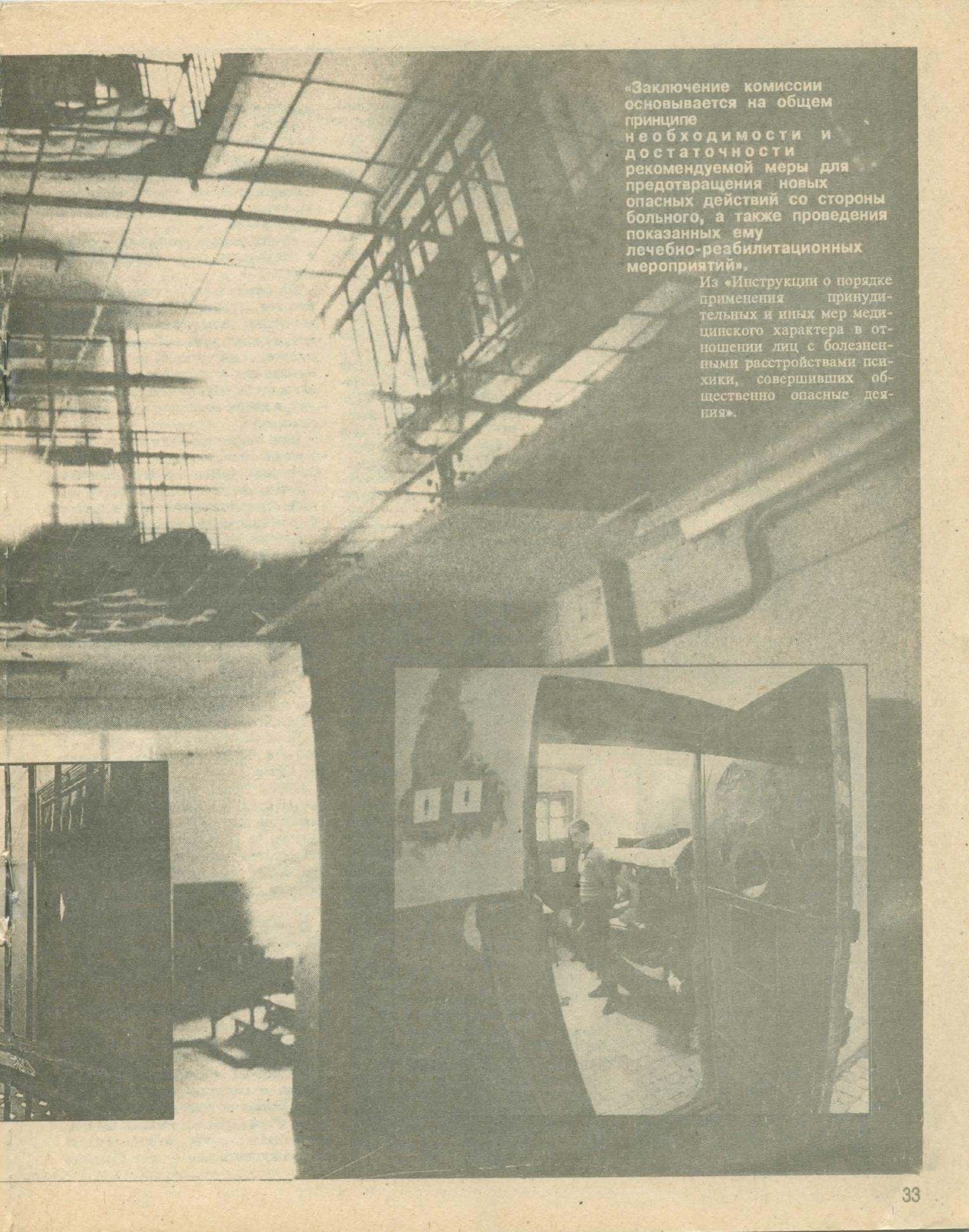
— Ну, советских там, республик.

«Давайте сформулируем так: признали врожденной умственной недостаточности... Вменяем...»

Два слова: «вменяем» — «невменяем», — в них страх, отчаяние, надежда, высший смысл и целесообразность вершащегося здесь таинства.

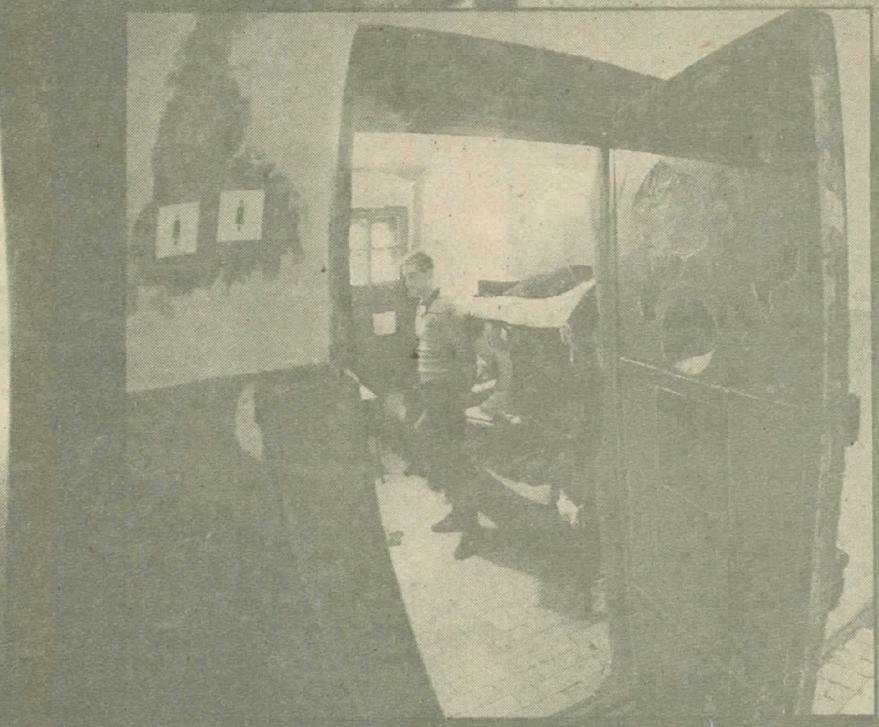
Вменяем, но болен необратимо —

«Заключение комиссии основывается на общем принципе необходимости и достаточности рекомендуемой меры для предотвращения новых опасных действий со стороны больного, а также проведения показанных ему лечебно-реабилитационных мероприятий».

Из «Инструкции о порядке применения принудительных и иных мер медицинского характера в отношении лиц с болезненными расстройствами психики, совершивших общественно опасные действия».

и кому нужны бегущие со страницы на страницу умные слова медицинских заключений. Зона лечит кулаком и матом, дубинками и лесоповалом.

Невменяем, значит, неинтересен более ни суду, ни следователю. Подельники еще врут и выкручиваются, как могут, еще с шашками наголо кидаются в схватки их адвокаты, а тебя как будто уже и нет на свете. Ты сиди, загорай в камере, жди отправки в бессрочную ссылку — психбольницу.

Некоторые симулируют. Горечь лекарств, растворяющих личность, представляется им милее лагерного беспредела, калечащего физически. «Один вошел босиком, тапочки под мышкой. «Жарко у вас здесь», — говорит, — у вас здесь Африка». Ни на какие вопросы не отвечает. «Что ж, — говорим, — идите». Он открыл шкаф и вошел. Но обычно изображают реактивное состояние: вялые, заторможенные, с установкой на недоступность. А в камере спят, едят, общаются, как все».

И все боятся 62-й статьи, принудления от алкоголизма или наркомании. По основной статье могут осудить условно, могут оправдать, наконец. Но если комиссия выставит 62-ю — пиши пропало.

— Что вы, что вы, совсем не пью. Ну разве что по праздникам. Ну с же-ной там поссоришься.

— Вы помните, как в вытрезвителе кричали, что вас продала милиция, что у врача нож, что людей держат там нарочно, а потом убивают?

— Это поклеп.

— Это называется «белая горячка». А в больнице что вытворяли?

— Позвольте, мне сказали, что везут на консультацию к профессору. Я согласился, а там меня почему-то стали раздевать. Я спрашивала: «Зачем раздеваете? Я к профессору на прием!» А они: «Не волнуйся, будет тебе профессор». Закрыли дверь и ушли. Естественно, я стал стучать в дверь, требовать профессора.

— Ну и что?

— Припеленали меня к постели.

«Экспертиза-пятиминутка» — язык заключенных щедр на оригинальные определения. Мамин токсикоз плюс детские страхи, помноженные на неосторожное падение с качелей и отца-алкоголика, — кто знает, кто знает, в какое круглое тесто замесится все это на определенном витке жизни? Характеристика с работы — а если мастер нечист на руку? Из дома — вы еще живы, разлюбезные ста-

рушки-активистки, во главе с домоуправом денно и нощно блудущие нашу нравственность? Прошлое лечение в психбольнице — а вдруг соседи сдали, покусившись на комнату в коммуналке? Это теперь, после Указа, спрашивают согласие, раньше не спрашивали.

«В психиатрии не бывает ошибок, в психиатрии разнообразие диагнозов».

Кто это сказал? Это вы, Софья Борисовна, уважаемый председатель комиссии, застегнутая на все пуговицы белого халата, будто затянутая в корсет из инструкций, ни шагу не дававшая нам ступить без указаний начальства? («Пусть мне дадут указание, в каком аспекте с вами разговаривать».)

Или очаровательная Паша Ильинична, отметившая уже свое 82-летие? («Испытуемый упомянул о лучах, пронизывающих голову, когда я стала выяснять, он вежливой форме попросил этого не делать».)

Или собранный, без улыбки, пунктуальный Василь Платоныч, бывший военный врач, а ныне пенсионер? («Фамилия испытуемого Матвеевский, два «е», Мат-ве-ев-ский».)

Или семья молодых врачей, отправленных в ординатуру целевым назначением два года назад и должно не вернувшихся? Не идут сюда молодые — хоть тресни. Говорят, что скучно, что поток бумаг и совсем чуть-чуть людей, и нет ни продыху, ни творчества, и польза сомнительна, а зарплата 140 «чистыми». Вся надежда на пенсионеров.

Боюсь людей безгрешных. Боюсь догматиков, всю жизнь не меняющих своих принципов. Боюсь шатких критериев, на которых строятся судьбы. Может, тем семерым куда как слаще их собственные ошибки, дающие нащупать путь к истине?

— Зачем вы разбили нос сотруднику ГАИ?

— Все фальсификация.

— А как в милицейскую «Волгу» попали?

— Я удрал, они меня и догнали. То ж ужасные люди.

— Что они хотели?

— Пятерку с меня содрать хотели. Светофор-то автоматический, пока я шел, он переключился на красный.

— Зачем вы приехали в Москву?

— Город посмотреть. Кладбища посмотрел, храмы, музеи, Кремль. Все документально — вот билеты.

— Вы неуютно себя чувствовали?
— Ваши цены — это идиотизм.
— А помимо цен?
— Коротковолновая обработка мешала.

— И как ощущаете ее на себе?
— Ну как вы по телефону говорите. Вот звонят к вам в голову и просят объяснить что-нибудь. Хотите из другого кабинета послушать?

— Нет уж, давайте останемся в одном кабинете. А вы им как отвечали?
— Мысленно, мысленно.
— И в камере ведете разговоры?
— Ну конечно. Они мне так надоели.

Особо «разговорчивые» помещаются в психиатрическое отделение тюремной медсанчасти. Это особая служба, соприкасающаяся с экспертной разве что выписками из медицинских карт. Там психиатры под халатом носят погоны, роль санитаров играют контролеры с дубинками на боку, а пациенты задерживаются на месяцы и даже годы. До тех пор пока не закончится следствие, пока не вынесет суд решение о режиме их лечения, пока не приедут за ними сопровождающие из дальних уголков необъятного отечества.

Двери камер распахиваются перед нашей экскурсией, и со своих коек вскидывают глаза бывшие люди. Бывший спортсмен, бывший режиссер, бывший следователь. Для буйных — одиночка без окон, со стенами, обитыми мягким покрытием. Сейчас одиночка пустует — у больных ремиссия. Они лежат и ждут, что принесет им раскрытая дверь. В некоторых камерах лежат прямо на полу.

Лекарства — «как во всем советском здравоохранении». Уход — сомнительный, медсестры вряд ли сунутся лишний раз в камеру к мужикам.

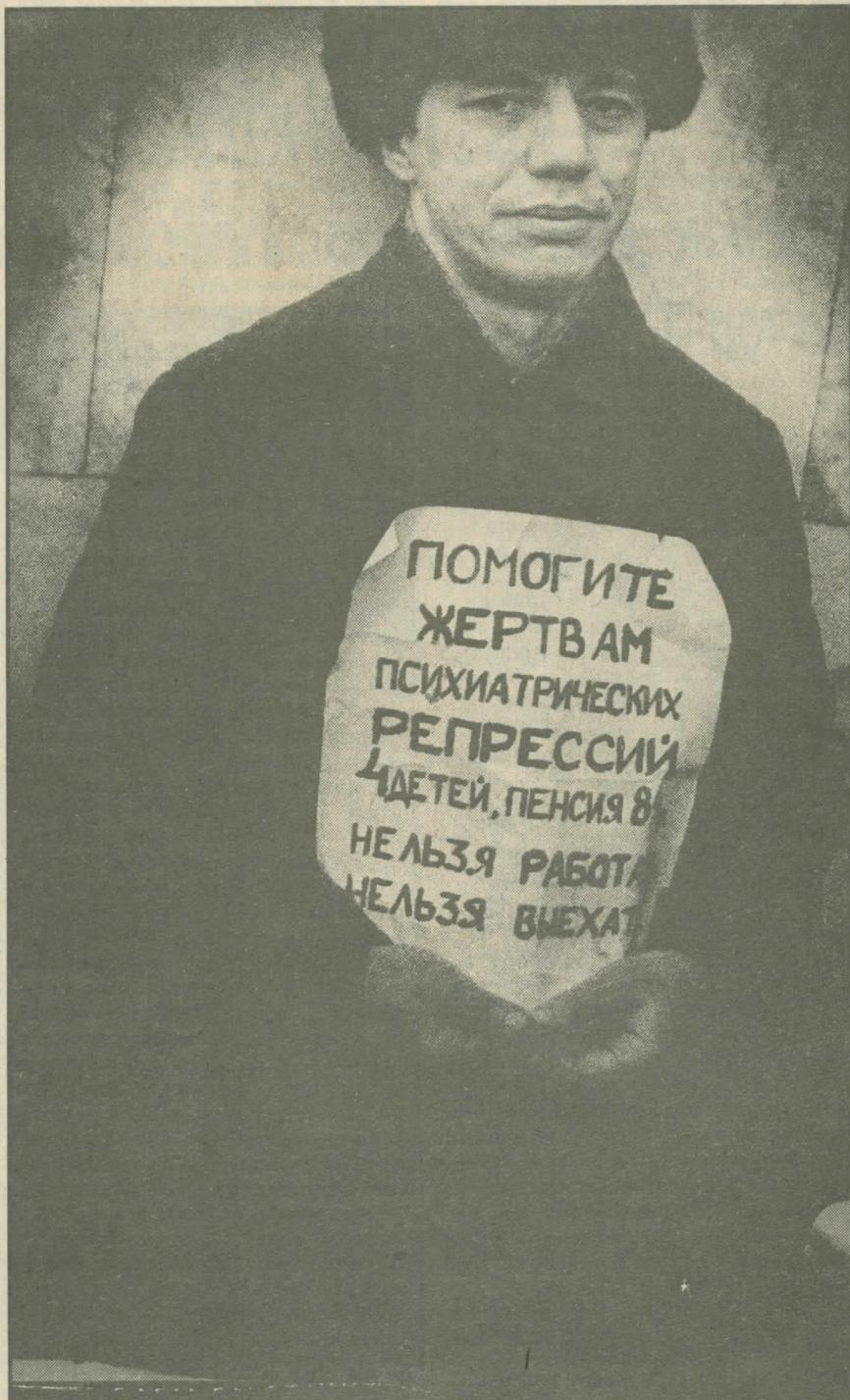
Но если их прежними действиями руководила болезнь, то почему закон обрек их на это многодневное, скотское, полуголодное существование рядом с парашей, без воздуха, канализации, чистого белья и должного лечения? Потому что мы очень бедные, да?

Психиатры не знают. Они просто выполняют свои инструкции. И не дают уйти из жизни блаженному парню с добрым, отсутствующим взглядом, уже втыкавшему себе иглы в вены, евшему гвозди ибитое стекло, резавшему живот и руки. Они хотят, чтобы парень жил «зафиксированным» на казенной койке. А он не хочет так жить.

И у нас не бывает ошибок.

«Помещение в психиатрическую больницу заведомо психически здорового лица наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет или без такового».

Ст. 126 ч.2 УК РСФСР.

«СКОРОПАЛИТЕЛЬНЫЕ И НЕПРОДУМАННЫЕ УКАЗЫ ТОЛЬКО УХУДШАЮТ СИТУАЦИЮ. ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ПОРНОГРАФИЕЙ», —

убежден доктор психологических наук

Виктор ГУЛЬДАН

— Уже лет восемь, как я участвую в проведении психолого-искусствоведческих экспертиз по делам, возбужденным по статьям 228 и 228 прим. УК РСФСР, предусматривающим уголовную ответственность за распространение и демонстрацию изделий порнографических, а также пропагандирующих культ насилия и жестокости. За эти годы начитался заключений так называемых, искусствоведческих экспертиз, когда пересматривались дела и требовался повторный анализ. В Москве экспертами чаще всего выступали врачи-сексопатологи. А в провинции и заведующие клубами, и сотрудники педагогических институтов, и работники горисполкомов... Только дворников да буфетчиц не было! Отсюда какие-то доморощенные классификации, критерии: что относится к порнографии, что нет. Большинство утверждений носило карикатурный характер. Например, помню такую цитату из заключения экспертов: «В фильме не демонстрируется непосредственно половой акт, но герой расстегивает кофточку героини, и каждому ясно, что за этим последует, поэтому фильм следует отнести к порнографическим произведениям».

Итак, первое, на что я обратил внимание: нет четких критериев оценки. Второе: экспертизу проводили не специалисты. То есть грубо наруша-

лось процессуальное законодательство.

— Кто же должен входить в состав комиссии?

— Искусствовед, киновед, психолог, а в том случае, когда произведения демонстрировались детям, детский психолог, возможно, педагог, который мог бы дать квалифицированное заключение о возможном нежелательном воздействии на психику несовершеннолетнего. Если речь идет о том, что фильмы смотрели люди с психическими аномалиями и это привело к каким-то изменениям их состояния, то хорошо бы в комиссию включить психиатра, который оценит конкретное отрицательное воздействие.

— У нас издавна в почете самодеятельность — во всех сферах жизни. Предпочитают иметь дело с непрофессионалами, которые под гнетом собственного дилетантизма и в состоянии гипноза самозначимости легко управляемы, возможно, от страха разоблачения. Принцип подхода такой: я тебя нарек специалистом, я тебя и лишу этого звания, если вздумаешь своеизнанничать...

— Да, оттого и практика была очень печальная. Значительную часть уголовных дел пересмотрели, приговоры признали необоснованными, перед людьми извинились. Но кто-то уже отбыл наказание, лишился имущества... Это был беспредел, основанный на некомпетентности, безграмотности, замешанных якобы на желании навести порядок в нравственности. Причем тексты экспертных заключений самого низкого, непрофессионального уровня тиражировались по всей стране. Мало кто хочет выдумывать сам, если есть образец, который просто можно переписать. Так появились стандартки на территории от Прибалтики до Дальнего Востока. За проведение экспертиз еще и деньги платили. И люди развлекались в рабочее время — смотрели кино, считая себя, видимо, сверхлюдьми, на которых ничто не оказывает отрицательного воздействия, тогда как население, несомненно, следует оградить.

На этот счет придерживались в основном одной гипотезы. Те, кто смотрит произведения порнографического характера или фильмы, пропагандирующие культ насилия и жестокости, готовы после сеанса в состоянии возбуждения тут же броситься насиливать и убивать. Население, дескать, у нас внушаемое и особенно

охотно подражает всяким безобразиям.

Но есть ведь и другая версия. Посмотрев подобные фильмы, люди не станут совершать агрессивных действий, так как «разрядят» возможную агрессию и нереализованные сексуальные желания во время сеанса. Это «гипотеза катарсиса». Я считаю, что она ближе к истине.

Хотя мы не знаем ни сколько человек совершило преступления, посмотрев фильмы, ни сколько отказалось от совершения таких действий. Не нужны никакие эксперименты. Необходимо провести культурологическое исследование. Есть страны, где такого рода продукция доступна взрослой части населения, есть страны, где все это запрещено. Надо сравнить количество убийств, сопряженных с насилием, сексуальных правонарушений, преступлений, направленных против детей. Взять страны с одной религией, с разными культурами и сравнить честно, без всяких исказений, потому что это важно нам, чтобы никому не «пудрить мозги». Тогда станет ясно, какой должна быть политика государства в этом отношении. Ведь ни одну из гипотез мы никогда не проверяли.

Кто в основном проявляет интерес к порнографии? Прежде всего лица с определенными психическими особенностями и какими-то затруднениями в сексуальной сфере. Для нормального здорового человека достаточно однократного знакомства, чтобы удовлетворить любопытство. Подростки — это особый разговор. Во всех цивилизованных странах дети и подростки ограждены от такого рода продукции.

— В цивилизованных странах детей сексуально воспитывают, а не держат вулкан закупоренным, одновременно и провоцируя взрыв, и страшась его.

— Да, мы насильственно пресекаем естественный интерес, запрещаем, с нашей точки зрения, дурное, но не даем ничего взамен.

В Париже существуют определенные улицы с десятками магазинов, в которых, между прочим, никого нет, кроме советских туристов и очень грустных продавцов. Подросткам вход туда воспрещен. И несмотря на эти магазины, я совершенно убежден, что Франция не менее нравственная страна, чем наша. Какую же функциональную роль играют эти магазины, какую экологическую нишу занимают? Они существуют не только потому, что и здесь — рынок. Кстати, рын-

ка я и не заметил, основная мысль у меня была: как они не прогорают, ведь покупателей нет?

В умно организованном обществе работают механизмы, которые позволяют регулировать отклоняющиеся формы поведения, вводить их в русло. Такая продукция — один из механизмов. Если придавать этому цивилизованные формы, то нужно определить место: улицу, квартал, ввести ограничения на возраст. И вся «борьба».

— Еще немного, и пар бы вышел, интерес угас, сексуальные брошюры затерялись бы в макулатуре, зритель раскусил бы, что эротические шоу по-советски ничем не эротичнее интимных сцен в собственной постели, все обрело бы свое место среди иных фактов и событий. Вместо этого появляется распоряжение Президента и создается комиссия из «специалистов»...

— Я смотрел проект постановления. Там есть, например, такой пункт: усилить ответственность за пропаганду, изготовление, распространение порнографических изделий и произведений, пропагандирующих насилие и жестокость. На самом деле не надо ничего усиливать. Есть статьи Уголовного кодекса, их надо применять. Но их не применяют.

В проекте постановления идет также речь о введении ответственности руководителя, на предприятии которого производится порнографическая продукция. Это полный бред. Значит, директор института, у которого есть ксерокс, будет сидеть вместе с лаборантом, который воспользуется ксероксом для размножения картинок с обнаженными девушками. Значительная часть этих пунктов проекта направлена просто на усиление цензуры.

— Что, по-вашему, спровоцировало появление президентского распоряжения?

— На мой взгляд, подоплека такова. Работа над постановлением началась после встречи Президента с деятелями культуры. Видимо, часть этих деятелей весьма обеспокоена, что читают не их, смотрят не их. И не будучи готовы к конкурентной борьбе, пусть даже с низкопробной продукцией (это, кстати, печально, что наши ведущие мастера искусства в конкурентной борьбе с низкопробной продукцией не могут выиграть нормальными способами), вынуждены прибегать к такой вот единственный мере — устранить конкурентов. Акцент в проекте постановления

делается на жестких репрессиях. Если опять начнется волна уголовных дел, то мы к ней подойдем без выработанных экспертных критериев.

— Чем чреват новый этап «борьбы за нравственность»?

— Как сотрудника Минздрава меня в первую очередь интересует судьба лиц с психическими аномалиями. Если они нашли для себя какую-то отдушину в этой продукции, что вполне может привести к снижению числа противоправных действий по определенной категории преступлений, то это замечательно. Жесткая политика запрета приведет к росту такого рода преступлений.

Невозможно «отловить» все видеокассеты, открытки, календари, книги. Это опять примет нецивилизованные формы. Подтолкнет к еще большему распространению, нездоровому интересу.

— А вы участвовали в работе комиссии?

— Да, был на заседании в Министерстве культуры. Я думаю, что такие серьезные проблемы нельзя давать на откуп общественным организациям. Пусть фасад составляют общественные организации, но работать должны профессионалы.

Как можно пытааться определить: вот это народу нельзя показывать, а это можно?! Есть такое дачное место Жуковка и там клуб, в котором, помню, в начале семидесятых, крутили западные фильмы. И однажды должны были показать то ли «Блю ап», то ли «Механический апельсин». Собралась привилегированная публика. В клуб долго не пускали. Потом вышла уборщица и сказала: завклубом посмотрела и решила, что народу это показывать нельзя, сеанс отменяется. Постановление комиссии — на том же уровне. Кто судит, кто решает?!

Кроме того, запреты коснутся не только кино, но и определенных газет и брошюр, которые якобы «съедают» чью-то бумагу. Коснутся тех видов продукции, где уж больно невыгодна экономическая конкуренция. А фотографии обнаженных девушки в поездах как продавали, так и будут продавать, потому что это никого не волнует — разве что профсоюз фотомастеров обратится к Президенту с протестом... И вообще, мне кажется, не самая это сейчас злободневная проблема. Даже странно, что именно в это время вдруг интеллектуальный потенциал страны в лице работников культуры расходуют на это.

Беседовала Алла ПЕРЕВАЛОВА

«СЕВЕРНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО» НЕ В ЛАДАХ С ЗАКОНОМ

Опубликовав в № 6 нашего еженедельника статью «Западный размах «Северного товарищества», мы обещали читателям вернуться к этой теме после завершения проверки деятельности «Северного товарищества» комиссией исполнкома Московсовета.

Комиссия завершила работу. Предлагаем вашему вниманию выдержки из ее заключения:

«В соответствии с Жилищным кодексом РСФСР и «Правилами учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и предоставления жилых помещений в г. Москве» учет граждан, проживающих в г. Москве и нуждающихся в улучшении жилищных условий, осуществляется по месту их жительства исполнкомами районных Советов или по месту работы, и выдача ордера на жилое помещение является исключительно компетенцией исполнкомов районных Советов. Правовой механизм предоставления жилых помещений в случаях, предполагаемых «Северным товариществом» для индивидуальных заказчиков, действующим законодательством не предусмотрен.

...Таким образом, учет индивидуальных заказчиков на приобретение квартир, организованный «Северным товариществом», и предполагаемое предоставление жилых помещений противоречат ст. 29—31, 35, 42—44, 47, 111—114 ЖКРСФСР и п. 6, 8—10, 15—17, 43, 45—48, 52, 75, 79—81 «Правил» и являются неправомерными.

...Прием денежных средств от граждан с целью приобретения в «Северном товариществе» квартиры Уставом «Русского града» (ГЖСЦ «Северное товарищество» является филиалом ГТПО «Русский град». — М.Д.) не предусмотрен, их целевое назначение противоречит задачам «Русского града»...

... В связи с изложенным руководст-

ву ГТПО «Русский град» направлено письмо, в котором предложено ликвидировать учет индивидуальных заказчиков на приобретение квартир и осуществлять в дальнейшем свои действия в соответствии с жилищным законодательством и своим Уставом...

Еще один маленький штрих. В феврале по инициативе руководства «Северного товарищества» прошло собрание коллективных пайщиков, на котором с докладом выступил генеральный директор т. Задерновский.

Сказав много, жилищный мессия не сказал ничего. Ответить на многочисленные вопросы, связанные с Уставом центра, использованием перечисленных денег, обещанными квартирами и пр., Задерновский отказался, сославшись на необходимость сохранения коммерческой тайны. А затем, будучи до глубины души обиженным недоверием пайщиков, генеральный директор покинул зал.

Эти «театральные новости» сообщали в редакцию пайщики «Северного товарищества», присутствовавшие на веселом собрании. Наряду с рассказом об описанном событии, из уст пайщиков прозвучали также довольно крепкие выражения в адрес т. Задерновского.

Такие дела. А теперь: думайте сами, решайте сами — иметь или не иметь дело с «Северным товариществом».

Остается добавить, что председатель комиссии Московсовета по градостроительству Владимир Соболев, в связи с депутатским запросом которого и была создана комиссия исполнкома, в целом удовлетворен итогами ее работы.

Получив заключение комиссии, Соболев выступил на сессии Московсовета с сообщением о бурной деятельности «Северного товарищества». Секретариату сессии поручено передать материалы в прокуратуру.

Писатель Александр КАБАКОВ: «СДЕЛАТЬ ВИД, ЧТО ДИКТАТУРЫ НЕТ?»

— Повесть «Невозвращенец» создала вам репутацию человека, способного предугадывать будущее.

— Действительность совпала с моей выдумкой, но от этого ни повесть, ни ее дополнительный успех не становятся для меня более значительными, никакого особого удовлетворения от роли самодеятельного Нострадамуса я не испытываю.

Настроение сейчас у меня точно такое же, как у большинства в стране, во всяком случае, у тех, кто склонен задумываться над тем, что происходит. Это не отчаяние, не страх, я уже писал, что, к своему удивлению, страха не чувствую. Это, скорее, состояние уныния, тоски. Если раньше можно было с известной долей цинизма говорить, что жизнь идет плохо, но интересно, если можно было до поры до времени обманывать себя, думая, что мы не понимаем всех дальних намерений, что ходы профессионального политика трудно предугадать и т.д., то теперь все довольно ясно и неинтересно. Особенно после президентских указов, перечеркнувших все, сделанное этим человеком.

— Но когда-то вы говорили, что именно в поведении Горбачева, в его колебаниях видите гарант перестройки.

— Я повторил бы это и сейчас. Но Горбачев перестал колебаться. Он резко двинулся в сторону группы партийных реваншистов, назовем их так, в сторону партапарата переворота.

Было время, когда он с шиком и помпой устранил двух либералов, а потом тихо и незаметно с десяток твердокаменных. Тогда казалось, что эти колебания можно расценить как тактику шага назад, двух — вперед. Сейчас никаких шагов вперед нет. Все очень последовательно, логично, порой, может быть, неумело. Но зато эффективно — я сужу по Прибалтике. У меня впечатление, что центральная власть добилась того, чего хотела, добилась ценой крови. Притчем, если говорить опять-таки цинично, малой. У меня ощущение, что все там произошедшее, особенно пролившаяся кровь, не сильно напугало Центр, зато сильно напугало прибалтов.

— Очень жаль, если вы окажетесь правы, и Прибалтику удалось, хотя бы на время, смять. Но есть другие республики. Есть, скажем, Грузия...

— В Грузии, на мой взгляд, пришли к власти такие националистические силы, которые еще быстрее, чем прибалты, подкинут Горбачеву возможность для применения армии. Это, по сути, игра в поддавки с ним. Если честно — в Грузии власть такая же безнравственная, как в Центре.

— Но есть же Россия. Надежды многих связаны с ней, с Ельциным. Кстати, когда-то вы относились к нему несколько настороженно...

— Конечно, мое теперешнее к нему отношение иное. Не знаю, насколько он изменился внутренне, это только его близким ведомо, но мне кажется, что он стал другим. Я вижу его поведение. Он мне напоминает Горбачева двух- или полуторагодичной давности, но при другой человеческой

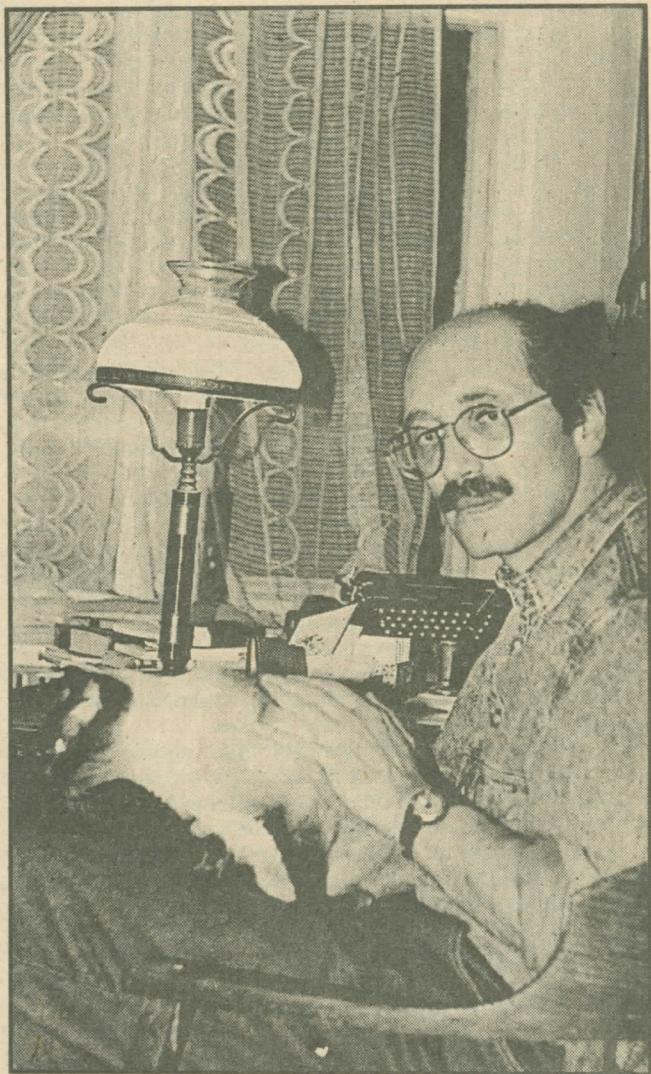

Фото А.Николаева

закваске. Здесь интереснее психологический аспект, чем политический. Видимо, Горбачев устроен тоньше, но вся беда в том, что чем тоньше устроен человек, тем сильнее у него воображение и тем труднее ему преодолевать страх. Страх — это одно из проявлений развитого воображения. Горбачев попросту испугался, когда реально представил себе конец — еще шаг, еще, еще и... Одно дело делать прогнозы, другое — представлять последствия!

Психологический тип Ельцина другой, и это отнюдь не идет в ущерб его политическим возможностям, его способности политического прогнозирования. Ельцин — человек, безусловно, гораздо менее тонкий, но и гораздо более смелый, а это сейчас крайне важно. Мне очень жаль, что западные политики по-прежнему не в состоянии изменить к ним обоим своего отношения, поменять их места. Ведь западная поддержка Ельцина могла бы сыграть самую положительную роль.

— *Диктатура — это фантом или неизбежный этап наше-го пути?*

— Давайте рассуждать логично. Перестройка кончилась (по крайней мере ее веселый этап). Горбачев добился своего — он практически разрушил власть старого парташпартата, его «зубров». Им пришло уйти. Впервые со сталинских времен он показал партийной команде, что она не всесильна, что ее можно менять. Только Сталин поставил над ними НКВД, и каждый из них знал, что его могут взять в любую ночь, а Горбачев стоял их лицом к лицу с толпой. И когда, после митингов, стали уходить в отставку обкомы, они вновь почувствовали, что под Богом ходят. Кончилась сугорловская система коллективной безопасности, основанная на страхе, когда каждый боялся всех и все боялись каждого и тем соблюдалось равновесие. А как только их власть пошатнулась, можно предположить, что лидер потерял всякий интерес ко всему, что связано с перестройкой. В частности, он утратил необходимость в какой бы то ни было поддержке народных масс, к которым поначалу даже апеллировал.

— *Словом, руками народа сваливались противники?*

— Думаю, да. А теперь массы свое дело сделали, их пора вернуть на место, как это всегда происходило в истории. Все, кто шел к власти через какое-то подобие революции, потом возвращали тех, кто ее делал, в состояние еще большего рабства.

Диктатура, как мне кажется, все-таки будет «бархатной», довольно мягкой по сравнению со сталинской, гитлеровской, даже пиночетовской.

Жесткая диктатура в наше время, пожалуй, невозможна, хотя бы благодаря наличию в мире такого средства массовой информации, как телевидение.

По-видимому, все же в историческом смысле реставрация диктатуры — это неизбежный этап, через который мы вынуждены пройти. Идея социалистического общества обречена, парташпартату уже не избежать признания рыночных отношений. Так что это будет, скорее всего, лично-партийная диктатура переходного периода, которая с установлением нормальной экономики естественным образом постепенно начнет себя изживать.

Что же касается личности, то это может быть диктатура самого Горбачева или одного из тех, кому освобождают дорогу. Все зависит от того, кто его перехитрит.

— *А может, все наши муки и усилия тщетны и в нашей стране вообще невозможна лучшая жизнь и ей суждено служить вечным уроком и предостережением человечеству?*

— Эта чаадаевская мысль до сих пор, как ни грустно, оказывалась безукоризненно верной. Октябрьский переворот преподал такой страшный урок миру, что он стал значительно лучше. В этом смысле революция и впрямь была «Великой». Все улучшили свою жизнь, но не мы.

Однако с тем, что у нас другая жизнь невозможна, не согласен. Хотя бы потому, что она уже однажды была. Я имею в виду тот отрезок пути с 1907 по 1914 год, до перелома, вызванного войной.

Приведу такое сравнение: Россия тогда напоминала человека, который едва начал приподниматься со стула. Если его в таком положении толкнуть, он на ногах не удержится, обязательно упадет. Если он встал или остался сидеть — дело другое. Именно неустойчивым состоянием страны воспользовались большевики, в чем, наверное, была тактическая гениальность Ленина и его соучастников.

— *Нередко можно услышать, что один из главных камней преткновения на пути народа — неумение русских работать.*

— Ерунда. Отродясь не считались трудолюбивыми, допустим, народы Латинской Америки. Но ведь живут же и сегодня совсем неплохо.

Нет, это мне напоминает то, как сейчас говорят о событиях в Прибалтике и на других имперских окраинах. Национализм — с одной стороны, шовинизм — с другой. Да не в этом дело. Разве с ними русские воюют, разве они от русских хотят отделиться? Опрос показал, что больше половины русского населения Литвы тоже стоит за отделение. Разумеется, они хотят отделиться от Советской власти, от КПСС.

Есть, кстати, замечательное подтверждение тому, что рассуждения о русской лени — миф. Это жизнь и судьба русской эмиграции. Она практически всюду очень быстро вышла на высокий уровень в обществе. И заметьте, никогда не образовывала криминальных сообществ. Правда, я говорю о русской, а не о советской эмиграции.

Другой пример. Принято говорить: «Россия — такая богатая страна, что...» Богатая, но Антарктида, может быть, еще богаче. Поди возьми эти богатства. Есть масса факторов, из-за которых воспользоваться богатствами России всегда было непросто. Но брали ведь, только вот ценой невероятного труда.

Наладить свою жизнь русский народ может, и неплохо. Суть в другом — ни в одной стране лучшая жизнь невозможна, когда туда приходит большевизм.

— *Что выкладываете в понятие «большевизм»?*

— Границы человеческой свободы подвижны, они определяются соотношениями между человеческими индивидуумами, и для их регуляции необходимо понятие справедливости.

Классическое индивидуалистическое общество построено на идеи равенства изначальных возможностей всех его членов. Движение же, которое выродилось в большевизм, связано с идеей абсолютной справедливости. Но полная справедливость неизбежно уничтожает свободу, так же как и полная свобода уничтожает справедливость! В этом, казалось бы, социальном противоречии для меня кроется противоречивость самого человека, если угодно, проявление в общественной сфере человеческой греховности, за которую он проклят. Идея полной справедливости и возможности не платить за греховность — идея атеистическая, причем обязательно связанная с утопической социальной идеей. Рай на Земле — мечта, придуманная не большевиками. Но первая большая ложь и вина большевиков в том, что они взялись за строительство рая по темному и кровавому образцу.

В рамках этого строительства — необходимость искупительной жертвы во имя достижения цели. Искупительная жертва в истории могла быть только одна — жертва Христа. Так что большевистскую идею я воспринимаю как своего рода Евангелие наизнанку, дьявольское Евангелие. Под идею отбирались и люди. Ленин, конечно, личность значительная, но человек, лишенный доброты, совершивший огромное количество дурных поступков. Его

личное участие в преступлениях революции общеизвестно. Судя по его работам и делам — человек беспринципный. Например, для меня обычно ставящийся ему в заслугу нэп — проявление его очередной абсолютной беспринципности.

В силу стечения обстоятельств, личных и политических, лидером оказался он, а мог быть Троцкий или Каменев. Потом лидером стал Сталин, а мог тот же Троцкий или Бухарин. Разница в принципе небольшая, дело, повторяю, в самой идее.

— В чем же причина того, что эта идея столь глубоко вошла именно в Россию?

— Россия к моменту появления большевизма была страной недохристианизированной. Христианство было поверхностным, скорее ритуальным. Политика государства, как бы прилипшего к церкви, ее скомпрометировала. Поп воспринимался как урядник.

Деятельность великих русских религиозных философов начала XX века была грандиозным началом. Будь у них побольше времени, их философия могла бы формировать национальное сознание. Христианство глубинного уровня могло бы выработать иммунитет против красной заразы, этого подлинного СПИДа столетия. Но этого не произошло.

— Последние события ставят нас перед выбором...

— Решать за других не могу и рецепты давать тоже. Сам же буду поступать так, как будто ничего не произошло, как будто мы живем по-прежнему в разгар переустройства, т.е. говорить и писать то, что считаю нужным.

Хрущевская оттепель дала ростки довольно слабенькие, что из них вырастет, было не очень понятно — то ли коммунистический дуб, то ли почвенническая береза, то ли никому здесь не нужный кипарис. Скашивать шестиде-

сятников полностью и без разбора властям не было особыго резона. Им просто была предоставлена возможность выбора — капитулировать и жить, как бы оставил при себе заработанный капитал, или же отправляться в психушку, в лагерь, за границу, не печататься и т.д. Думаю, на этот раз нам такого выбора не предоставят. Мы проявились гораздо определеннее, можно сказать, окончательно. На капитуляцию мы (я говорю о себе и о многих других) не в состоянии пойти — это была бы не капитуляция, а гражданская смерть, полная потеря своего лица. Более того, наука капитуляцию и не примут уже. Потому нет у меня выбора. Я буду действовать и жить как свободный человек.

Думаю, в том же положении находятся и люди, жизнь которых складывалась иначе, чем у меня. Я имею в виду тех, кто был в той или иной степени связан с большевизмом, порвал с ним, вышел из партии и начал ожесточенно с ней бороться. Они зашли, может быть, дальше, нежели внутренние эмигранты вроде меня. Они перебежчики, они нарушили условия игры. У них тоже нет выхода.

Есть у меня, пускай иллюзорная, надежда: если бы все люди, которые не хотят возрождения тоталитаризма, диктатуры, сделали вид, что ее нет, то ее бы и не было. Уверен, что справиться с нами не смогли бы. Но так не бывает. Общество слишком велико — всегда найдутся штрайкбрехеры.

И все же надо всем попробовать «жить не по лжи». Солженицын предложил нам этот универсальный против тоталитарного общества рецепт тогда, когда он был трудно осуществим. Теперь — во всяком случае, пока что — его осуществить легче.

Беседу вели Александр и Ольга НИКОЛАЕВЫ

ПЕРИСКОП

Предсказания Нострадамуса

О предсказаниях Нострадамуса то и дело вспоминают в связи с разными неприятными событиями и несчастьями, напомним о нем и мы.

В декабре 1503 г. на юге Франции, в Сан-Реми, родился знаменитый врач и астролог XVI века Михаил Нострадамус. В свое время этот чародей, оставивший потомкам загадочные сочинения, пользовался славою непогрешимого предсказателя, и к его пророчествам прибегали не только простые смертные, но и короли. Он предсказал за десятки лет вперед, когда и как умрут французские короли Франциск II, Людовик XIV, Людовик XV, Великую Французскую революцию.

Нострадамус предсказал и войну 1914–1918 гг., после которой «восточные государства разложатся на части и заволнуются, как море». Предсказал он и вторую мировую

войну в таких выражениях: многие воители и предводители с востока и запада столкнутся от 1940 до 1944 года — кровь течет, слезы льются, а результата нет. Все идут споры, приготовления. Самое страшное предсказание Нострадамуса приходится на 1980–1990 гг. «Желтая опасность», т.е. нашествие народов Азии на Европу, начнется в 1992 г., и война продолжится три года. До Франции азиаты доберутся в 1996 г., и начнутся голод и чума. Америка вступит в войну 24 марта 1998 г. и прежде всего потопит эскадры, а базы азиатов сожжет недоводым огнем. Война кончится в 1999 г. В это время появится на небе какое-то новое светило, которое своим притяжением нарушит равновесие земной оси и вызовет потоп, который затопит континенты. Прохождение нового светила мимо Земли продолжится с 2000 по 2006 год. За это время почти все человечество погибнет.

Так, кстати сказать, было предсказано и в иероглифах великой пирами-

ды Хеопса: «Люди погибнут от неумелых пользоваться силами природы и от незнания истинного мира». Но иероглифы предсказывают гибель человечества в 2003 году.

Оригинальные записи Нострадамуса утеряны. Имеются несколько вариантов его записок, которые принимаются как «подлинные».

«Единение», (Австралия)

ЛОЖНЫЕ ПОЗЫВЫ

Двадцать пять женщин-добровольцев, переодевшись в проституток, выходят каждый вечер на панель «горячего» квартала Чикаго и раздают там литературу о СПИДЕ всем останавливающимся возле них мужчинам. Эта «программа анти-СПИД», начатая месяц назад, была разработана по инициативе ассоциации жителей квартала Алтхаун в Чикаго. В квартале зарегистрировано более 500 больных СПИДом.

«Котидиен де Пари», Франция

Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ

Дворянский синдром

Дед одного моего приятеля из старинной остзейской фамилии пришел недавно в Дворянское Собрание записываться. Узнав, что дед — большевик, дворяне показали ему на дверь. Обидевшийся дед им резонно заметил: «Не вы давали мне дворянство, не вам его отнимать». Другая моя приятельница оказалась не столь находчивой. Она просто скромно удалилась, услышав вопрос о вере в Бога.

Нет вроде бы ничего зазорного в том, что дворяне не хотят знать с большевиками и безбожниками. Вроде бы это даже соответствует... Но, как, только начинаешь задумываться, тут же возникает вопрос: а чему, собственно, соответствует?

Дворянство снова вошло у нас в почет в эпоху застоя.

Последние старики и старухи «из бывших» по-прежнему умирали в коммуналках на пенсию в тридцать два рубля. И по-прежнему государство изрыгало на их предков дежурную хулу, аккуратно тиражируемую во всех энциклопедиях и справочниках. Да что там в энциклопедиях. Помню, как в 1980 году начинающим критиком я пробовал написать о фильме Никиты Михалкова «Несколько дней из жизни И.И.Обломова», что это, мол, трагическая история гибели русского барства. Недрогнувшей рукой редактор поменял «трагическую» на «ироническую», нимало не заботясь о том, что вряд ли стоит историю чьей бы то ни было гибели рассказывать иронически. Но сам фильм Никиты Михалкова свидетельствовал о другом: дворянин Обломов недаром оказался «лучше», чем он был в романе, и уж

значительно лучше, чем разnochинец Штолльц.

То, что происходило в верхнем этаже культуры, отражалось и на нижнем. Параллельно с Обломовым и даже раньше чуткий к любым изменениям кинематограф это сполна выразил — по иронии судьбы — в историко-революционном жанре: из фильма в фильм зашагали одни и те же бледные и усатые белые офицеры. Кинематограф был подцензурным и изъяснялся эвфемистически. «Плохим» белым противостояли «хорошие» красные, но, очевидно, так, для виду. Всем на самом деле было понятно, чьи страдания красивее. За поручиком Голицыным и корнетом Оболенским, тогда существовавшими полулегально, а теперь выдвинутыми на эстраду Малининым, за этим невнятным одесским кичем

стояла отчетливая мифологема — о русском дворянине, который с крестом на шее и с бокалом шампанского в руке отстаивает веру, царя и отечество в неравной борьбе с неверными.

Стоит ли говорить, что в реальной истории эта мифологема не соответствует ничему. Разумеется, в гражданскую войну шампанского было никак не больше, чем вшей. Точно так же, разумеется, среди дворянства, не говоря уж об аристократии, вольтерьянцев и либералов было никак не меньше, чем набожных и монархистов. Шульгин в своих замечательных «Днях» с горечью сетует, что лучшие русские фамилии голосовали за кадетов. Это, впрочем, общеизвестно.

Но стойкое существование мифологемы тоже по-своему убедительно. Она не случайно оформилась в застойные годы, когда окончательно рухнула большевистская утопия и старые лозунги, машинально повторяемые, утратили всякий, даже синтаксический, смысл, превратившись в набор утробных звуков. Для того чтобы противостоять окружающей действительности, требовалось нечто определенное и фундаментальное, нечто большее, чем идеология. Требовалась онтология. Возникшая триада «дворянство — церковь — культура», все слагаемые которой были — мало сказать — неразрывны, были равнозначны друг другу, обеспечивала чаямую истину хотя бы в прошедшем. Опора на сущностную истину — залог успеха почвеннической риторики. Но парадокс в том, что опора именно на эту истину до сих пор трогательно объединяет многих российских почвенников с многими российскими западниками.

Триада «дворянство — церковь — культура» в ее мифологической слияности и у правых, и у левых, и у популистов, и у прагматиков, и у экстремистов, и у либералов, и — что самое забавное — у официоза в респектабельных «Московских новостях» и в бульварной «Вечерней Москве» вызывает одинаковый трепет. Можно сколько угодно иронизировать над глебейскими восторгами перед символами дворянства и над неофитскими — перед святостью церкви и культуры, но дело, думается, не в одном этом. В наше смутное время, как и некогда в застое, мифологема «дворянство — церковь — культура» является чуть ли не единственной фундаментальной ценностью, которую можно противопоставить окружаю-

щей бессмыслице. Бессмыслица от этого, конечно, только множится.

Не забыть ту воистину гоголевскую сцену, когда, как Чичиков с Маниловым, препирались в телевизоре ведущая и новый предводитель дворянства. Она — ему: «Позвольте, князь...» Он — ей, скромно потупив очи: «Уже не князь...» Она — в ответ, вся сияя от того, что сейчас скажет: «Еще не князь...»

Так и хочется крикнуть: братцы мои, дорогие. Посмотрите на себя. Посмотрите на ваше Собрание. Это же цирк шапито и три китайца. Вы же честные инженеры и бухгалтеры, трубили всю жизнь от звонка до звонка за зарплату. Вы же раньше сдавали «Историю партии» и радовались полученной пятерке. Вы же и сейчас толкаете друг друга локтями в трамвае, утром, когда глотаете «Советский спорт», и вечером, зевая над «Огоньком». Что же вы пристали к остзейскому большевику и нормальной неверующей девушке? Что же вы ратуете за чистоту веры, откуда ей взяться?

Но я всегда этого не крикну, потому что сам такой же гомо советикус, не имеющий права на окрик. А кто имеет право, тот не крикнет — по великой своей снисходительности.

Документальный фильм Владислава Виноградова «Русский дом» по художественным качествам достаточно скромен. Ни особой свежей обновленности, ни особых мыслей там не имеется. Монтаж порой выглядит излишне многоизначительным, композиция — путаной. Все герои фильма связаны с эмиграцией, за исключением Зинаиды Константиновны Манакиной, когда-то работавшей в секретариате Керенского и всю жизнь прожившей в Советской России. Почему новелла о Манакиной объединяется с остальными, парижскими, давшими название фильму, остается не до конца понятным, во всяком случае, с формальной точки зрения. Но содержательное объединение несомненно получилось.

Все герои фильма — старики и старухи «из бывших». Все прожили огромную — длиною в век — жизнь. И все отличаются от нас и наших ветеранов даже не умением держать спину и сдерживать руки во время разговора, даже не правильным русским языком, даже не легкой лица и осмысленностью выражения, хотя и всем этим, конечно, тоже. Главное отличие — какое-то удивительное достоинство, с которым они рассказы-

вают и о самых ужасных, и о самых обыденных вещах.

Все они при этом говорят по-разному и о разном. Все они вообще разные — набожные и атеисты, образованные и не очень, известные литераторы и простые обычные, нищие и относительно богатые, личности яркие и вполне заурядные. И все они, такие разные, связанны чем-то общим, чем-то надличностным, идущим от рода и судьбы — спокойным достоинством: легкость как итог тяжких жизненных испытаний.

Фильм Виноградова бесценен, потому что эти лица, эта пластика, эта речь, это достоинство, эта легкость исчезают ежедневно и безвозвратно — похоже, что навсегда. В семидесятые годы их еще было много в Москве — тех старух и старииков «из бывших». Они не интересовались, кто, когда и почему ходит или не ходит к причестию или на партсобрание. Они помнили, что живут не в пробирке, не в оранжереи, а в «настоящем двадцатом веке», который все дьявольски перемешал и перепутал, каждого поставил перед личным выбором, а в Писании сказано — не судите да не судимы будете. Они и не судили никого и ничего, даже возникшую у них на глазах глупую парвенюшную моду на дворян. Только удивлялись, почему в кино офицеры непременно с лакейскими усами, а графини манерны и жеманны, как писательские жены. Почти все они прошли через лагеря, где не чуждались никакой самой черной работы, кололи мерзлое дермо в то время, как томные советские дамы прислуживали уголовницам, вспоминая каракулевую шубу, в которой некогда хаживали на базар. И они, на верное, долго бы смеялись, узнав, что в Москве откроется какое-то дворянское собрание, где, словно при зачислении на совслужбу, станут спрашивать про вероисповедание и партийность.

Как смеялся в фильме «Русский дом» зарубежный князь Голицын, горделиво показывая свой сувенир — пленку с песней Малинина, которую привез из России, смеялся постариковски прерывисто, то останавливаясь, то снова заливаясь очаровательно-добродушным младенчески-чистым смехом.

На снимках:

Графиня Анна Сергеевна Шереметева.

Репродукция картины К.А.Сомова «Дама в голубом».

Княжна Елизавета Николаевна Трубецкая.

«Я вспомню — Россия, Свобода, Керенский на белом коне...»

*Молодость, талант, по-
таенные честолюбивые
мечты. Но кончилось все
иначе: подвал ЧК, сухой
треск нагана.*

В Советской Исторической Энциклопедии и других справочных изданиях говорится, что М. С. Урицкий, в последние годы жизни председатель петроградской ЧК, был «злодейски убит эсером». Имя убийцы при этом не называется (очевидно, для того, чтобы не создавать ему славы — хотя бы и геростратовой). Между тем оно известно: Леонид Акимович Каннегиссер. Поэт. Это о нем писала Марина Цветаева: «... хрупок, нежен ... цветок». («Нездешний вечер».)

За свою недолгую жизнь (1898—1918) Каннегиссер напечатал всего лишь несколько стихотворений и переводов. Написал же значительно больше. Однако то, что он успел сделать, отмечено печатью подлинного и самобытного таланта. В петербургских литературных кругах его принимали как равного.

Был ли Каннегиссер эсером? Да, был. Некто Х., «ближайший сотрудник Каннегиссера», по понятным причинам не решившийся назвать своей фамилии, сообщал: «Леонид Каннегиссер участвовал втайной организации и благодаря своим личным качествам играл вней значительную роль... Но террористический акт Каннегиссер задумал и совершил совершенно самостоятельно, независимо от организаций, не привлекая никого из ближайших сотрудников по конспиративной деятельности и не посыпая их в свой план... Эсеры, подтверждая свое участие в убийстве Володарского и в покушении Фанни Каплан на Ленина, прямо говорили: «Что касается убийства Урицкого — то этого дела мы не знаем и к этому делу наша организация отношения не имеет». («Голос минувшего», Париж, 1927, N 5.)

Однако существуют и другие версии относительно роли Каннегиссера в убийстве Урицкого. Например, та, по которой поэт, не подозревая об этом, был использован в грязной политической игре своими противниками — большевиками. Так или иначе, но убийство Урицкого и последовавшее за ним в тот же день (!) покушение на Ленина стали событиями поворотными: в ответ грянул красный террор, заливший страну кровью.

Георгий Иванов

Автор публикуемого ниже очерка — известный поэт и писатель первой русской эмиграции Георгий Иванов (1894—1958). В очерке не рассматриваются версии о роли Каннегиссера в убийстве Урицкого, тем более — не выносится никакой окончательный вердикт. Но беглый, однако очень выразительный портрет этого юноши, равно как и портрет предреволюционной эпохи, характеристика атмосферы, настроений, ауры петербургских салонов тех лет, представляются и самоценными, и, возможно, поучительными.

Очерк Г. Иванова печатается по его книге «Петербургские зимы» (Париж, 1928).

В 1914 году летом по Италии путешествовал молодой человек.

Он только что кончил гимназию — это было его первое самостоятельное путешествие. Ему было семнадцать лет, он был очень красив — черноглазый, стройный, высокий; свободен от всяких забот, вполне обеспечен денежно. Все у него было — молодость, Италия, в которую он был влюблен с детства, деньги, которые можно тратить не считая, время, которым можно распоряжаться как угодно. Вздумалось — и завтра же можно уехать: ну, хоть в Норвегию, или, напротив, остататься на месяц, на год, на два в этом, чуть старомодном, уютном пансионе, в белой высокой комнате, где ползущие розы заплели широкие окна, и сквозь них блаженно синеет Неаполитанский залив... Молодость, свобода, Италия — женщины в него наперебой влюбляются, каждый день в пансион, где он живет, присылаются цветы или раздущенные записки, адресованные «красивому русскому сеньору». Молодость, Италия, свобода — вся жизнь впереди, все ему улыбается... Рай, не правда ли? Он сам согласен — рай. Но...

*Но отчего же мне так больно
В моем счастливейшем раю?*

— спрашивал он, сам недоумевая.
Отчего, зачем, в самом деле?
Да — молодость, красота, Италия, вся жизнь впереди,
все ему улыбается. Но:

*Зачем же груз необъяснимый,
На сердце дрогнувшем моем?*

Эти жалобы семнадцатилетнего «баловня судьбы», эти горькие «зачем» и «отчего» не пустые слова, не «поэтические образы». Леонид Каннегиссер там же, в Италии, в своей белой комнате с окном в розах — ведет дневник. И в каждой строке этого дневника — то же самое: «Зачем? Отчего?»

... «У меня есть комната, обед, книги и полное отсутствие жалости к тому, у кого их нет».

Сказано это не точно. Точнее было бы: «И отравляющая жизнь жалость к тому, у кого их нет...»

Италия, молодость, свобода — рай. Но в раю «больно», и на сердце — «необъяснимый груз».

*Зачем же груз необъяснимый,
На сердце дрогнувшем моем?*

В одной строке вопрос, в следующей — ответ: «На сердце дрогнувшем...» Да, жизнь «улыбается» этому семнадцатилетнему мальчику, да, кругом него рай. Но сердце у него «дрогнувшее», и ни в каком раю, самом «блаженнейшем», не находит и не найдет оно покоя.

Детские стихи Леонида Каннегиссера странно перекликуются с детскими стихами Лермонтова. Помните:

*Я рано начал, кончу ране,
Мой путь немноже свершил.
В моей груди, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.¹*

И странно перекликуются образы, которые они вызывают: Лермонтов «с свинцом в груди», покрытый шинелью, под проливным дождем. Каннегиссер с пулей в затылке, в подвале ЧК.

Два «дрогнувших сердца» — нашедших, наконец, покой...

ХХХ

В «Бродячей Собаке»², часа в четыре утра, меня познакомили с молодым человеком, высоким, стройным, черноглазым. Точнее с мальчиком. Леониду Каннегиссеру вряд ли было тогда больше семнадцати лет.

Но вид у него был вполне взрослый — уверенные манеры, высокий рост, щегольской фрак. «Поэт Леонид Каннегиссер», — назвал его, рекомендую, знакомивший нас. Каннегиссер улыбнулся.

— Ну, какой там поэт. Я не придаю своим стихам значения.

— Почему же?

— Я знаю, что не добьюсь в поэзии ничего великого, исключительного.

— Ну... Во-первых, «плох тот солдат»... а потом, не всем же быть Дантами. Стать просто хорошим поэтом...

— Ах, нет. Скучно и не к чему.

— Так что ваша программа — победить или умереть, — пошутил я.

Он улыбнулся одними губами — глаза смотрели так же серьезно.

— Броде этого...

— Только поприще для совершения подвига еще не выбрано?

Он снова улыбнулся. На этот раз широкой улыбкой, всем лицом. Семнадцатилетний мальчик сразу проступил сквозь фрак и взрослую манеру держаться.

— Не выбрано!

...Под сводами подвала плавал табачный дым. Звенели стаканы, зеленели лица в ярком электрическом свете. Какая-то женщина танцевала на столе, бестолковая музыка прерывалась и вновь гремела. Мы сидели в углу, пили то черный кофе, то рислинг, то снова кофе. В голове слегка шумело. Я слушал моего нового знакомого. Должно быть, от выпитого вина он разошелся и говорил без конца. Я слушал с сочувственным удивлением: такую страстную романтическую путаницу «о доблестях, о подвиге, о славе»³ стены «Бродячей Собаки», вероятно, слышали впервые...

...Когда я попал к Каннегиссеру в гости, мне пришлось удивиться снова.

«У меня соберутся несколько друзей», — писал он мне в пригласительной записке. И я живо вообразил себе — и этих друзей, так же возвышенно и романтически настроенных, как мой ночной собеседник, и комнату, где они собираются и толкуют об «идеалах», неярко освещенную, полную ученых книг, с портретами каких-нибудь «вождей». Горячие разговоры, покрасневшие лица, окурки, чай с лимоном — словом:

*До утра мы в комнате спорим,
На рассвете один из нас
Выступает к розовым зорям,
Золотой приветствовать час...⁴*

Представил и, несмотря на всю симпатию, внущенную мне Каннегиссером, — мне стало заранее скучновато. Но все-таки я пошел.

...В обвшанной шелками и уставленной «булями»⁵ гостиной щебетало человек двадцать пять. Лакей разносил чай и изящные сладости, копенгагенские лампы испускали голубоватый свет, и за роялем безголосый соловей петербургских эстетов, Кузмин, захлебывался:

*...Если бы ты был небесный ангел,
Вместо смокинга носил бы ты орапарь...⁶*

Половину гостей я знал. Другая — по всему своему виду не оставляла сомнения в том, что она из себя представляется: увлекающиеся Далькрозом⁷ девицы, дымящие египетскими папиросами из купленных у Треймана⁸ эмалированных мундштуков; молодые люди с зализанными проборами и в лакированных туфлях, пишущие стихи или сочиняющие сонаты. Общество достаточно определенное и достаточно пустое.

Но мой ночной романтик? При чем он тут?

Он плывал, казалось, как рыба в воде, в этой элегантной гостиной. Костюм его был утюгованно-изящен, разговор томно-жеманен. Он ничем — если не считать красоты — не отличался от остальных: эстетический петербургский юноша...

Нам философии не надо.
И глупых ссор.
Пусть будет жизнь одна отрада.
И милый вздор...⁹

— оборачиваясь на публику и поблескивая поощряюще своими странными глазами из-под пенсне, ворковал Кузмин.

Я подошел и взял аплодировавшего Каннегиссера за локоть.

— Вот уж не думал, что вам это может нравиться.

— Как? Вам не нравится пение Михаила Алексеевича?

— Мне-то нравится. Но с вашими взглядами на жизнь этот «милый вздор» как будто не вполне совпадает...

— Напротив, — он насмешливо раскланялся, — вполне совпадает. Не обижайтесь на меня — тогда, в «Собаке», я просто вас мистифицировал. Какие там подвиги...

И он запел, подражая Кузмину:

Дважды два четыре,
Два да три пять.
Вот и все, что мы можем,
Что мы можем знать...

ХХХ

Вернисажи, маскарады, эстетические чаи разных артистических дам, этот ночной подвал, где мы встретились, куда каждую полночь собираются скучать до утра разные изящные бездельники, на стенках которого рукой их излюбленного поэта, наряженного, надушенного, накрашенного Кузмина, выведено:

Здесь цепи многие развязаны,
Все сохранит подземный зал,
И те слова, что ночью сказаны,
Другой бы утром не сказал.¹⁰

Не сказал бы? Может быть. Но «не сказал» — не значит «забыл». О, нет. «Такое» — не забывается. А если и забудется на свежем морозном воздухе не до конца еще отравленной эстетизмом и праздностью головой — если и забудется, то ведь: «все сохранит подземный зал», забудется — снова вспомнится, едва войдешь ночью под эти низкие своды, в эти пестрые стены. С каждым разом — «забываются» все трудней. «Запоминается» все легче. Что? Да это самое — что цепи развязаны. «Многие цепи» — почти все...

На маскарадах, вернисажах, пятичасовых чаях и полуночных сбираицах все те же лица, те же разговоры. Прохо-

дят годы, точнее, сезоны, меняются фасоны пиджаков и узоры галстуков. Больше ничего не меняется. Это быт. Началось это после 1905 года, кончается в 1917-м.

Страшно кончается.

Общественность? Скука. Политика? Пошлость. Работа? Божье наказание, от которого «мы», к счастью, избавлены. Богатые — тем, что у них есть деньги, бедные — тем, что можно попрошайничать у богатых.

Маскарады, вернисажи, пятичасовые чаи,очные сбираица. Мир уайлдовских острот, зеркальных проборов, мир, в котором меняется только узор галстуков.

Кончается это страшно. Но о конце никто не думает.

Кончается это так. Когда в оранжерейную затхлость жизни «красивой и беззаботной» ворвется февраль 1917 года, в ком этот «быт» не доконал еще человека, опробует бросаться на «свежий воздух». И, чем больше осталось человеческого, тем стремительней бросятся, тем менее рассуждая...

А резкие перемены температуры — опасная вещь.

ХХХ

1916 год, зима. Поздно — часа три ночи. В гостиной полутемно и тихо. Час назад здесь толпилось и болтало много народа — слышались музыка, пение, смех. Но теперь гости разошлись, старшие отправились спать, свет потушили, и только в углу, в неярком желтоватом свете лампы, «полуночничают» молодой хозяин и несколько его приятелей. Гостиная петербургская и молодые люди петербургские. Эстетический вид и эстетический разговор.

Один из собеседников выделяется — одет он каким-то мужичком из балета. Розовая рубашка, золотой поясок, гребень на тесемочке. Впрочем, весь этот туалет тот же «денди», хоть и навыворот. И на «о» этот мужичок произносит так же старательно, как остальные грассируют. Лет ему немного — не больше восемнадцати. Лицо простоватое, милое. Фамилия его — Есенин.¹¹

Это все молодые поэты. Разговоры о стихах, чтение стихов. Вот — мужичок нараспев читает. Талантливо, даже очень талантливо... если бы только не портила сусальная «народность», та же самая, что в гребешке и поясочке.

Вслед за ним читает черноглазый хозяин:

...Сердце? Бремени не надо!
Легким будь в земном пути.
Ранней ласточкой из сада,
В небо синее лети...¹²

За хозяином — какой-то белокурый мальчик. Тоже не бездарно, тоже гладко и звонко, тоже «легко», приятно для слуха и не задевает сердца. Одни стихи лучше, другие хуже, один образ удачен, другой нет, — но это неважно. Важно другое — и в стихах, и в разговорах какая-то странная пустота. На ухо приятно — сердца не задевает. Недаром час тому назад, в той же гостиной, эти и такие же молодые люди с гладкими проборами и гладкими стихами наперебой просили Кузмина петь еще и еще. И тот, поблескивая своими странными глазами на окружающих юнцов, — пел:

Нам философии не надо.
И глупых ссор.
Пусть будет жизнь одна отрада.
И милый вздор...

— Charmant, charmant. Еще, еще, Михаил Алексеевич...

Дважды два — четыре,
Два да три — пять.
Вот и все, что мы можем,
Что мы можем знать...

— Еще, еще.
И шепелявый «мужичок» в своей шелковой косоворотке туда же. И ему по вкусу. «Михоил Лексеич, про ангела спой...»

...Если бы ты был небесный ангел,
Вместо смокинга носил бы ты орарь...

...1916 год. Неудачи на фронте все грознее. Революция в «воздухе». Да, конечно... Но ведь мы — поэты, что мы можем сделать? А раз не можем — остается одно:

Пусть будет жизнь одна отрада.
И милый вздор...

Кузмин поет. От его безголосого, сладкого пения, от его томного, странного взгляда, от этих наивных словечек и простенъких мотивов идет незаметный, но страшный яд. Тот самый, защиты от которого просят в молитве св. Ефрема Сириня «Дух праздности»...¹³

Старый яд — верный яд. Временами казалось — выветрился. Нет, не выветрился, все тот же. Оттого-то и нравится так это безголосое пение, что идет от него вечное, верное, неотразимое... «Дух праздности»... Кузмин тут ни при чем. Ему нравится, и им нравится. Вот именно это, а не другое. Не Блок, не Сологуб, не Леонид Андреев, — мало ли кто. Нет, сейчас власть над этими человеческими душами, без всякого сомнения, в этих смугловатых руках, жеманно касающихся клавиш. Кузмин тут ни при чем — не он, так другой. И слушатели ни при чем — время такое.

1916 год. Неудачи на фронте. Близость революции — как подземный гул. Да, конечно... но ведь мы — поэты, что мы можем? А раз не можем:

Пусть будет жизнь одна отрада.
И милый вздор...

И мужичок туда же: «Михоил Лексеич, спой про яблоко...»

А ведь он, хоть в оперной косоворотке, хоть и с золотым пояском, а в самом деле — деревенский парень. И, чтобы попасть в эту блестящую гостиную, ему пришлось много снести, и не в области «обманутой любви и раннего разуверенья», а в самой жестокой, житейской. Ученые грамоте при лучине, тайком, побои, бегство из дома, скитанье, голодовка, — все, что испытали когда-то все русские самолучки, стремившиеся «из тьмы — к свету». Известно, какой нужен «напор», чтобы не погибнуть на пол-, на четверть пути. Хватило напору, все вынес, не погиб... И сидит в шелковой рубашке, в золотом пояске, с подвтыми кудрями. Побои, мрак, невежество, голод — позади. В порыве к «разумному, добром, вечному» хватило сил все перенести. И вот — добился-таки. Паркет блестит, египетские папиросы дымятся, и за эраровским роялем подрумяненный денди, поблескивая пенсне, воркует и картавит.

Сеет...

«Разумное, доброе, вечное»? То, о чём так сладко и жадно мечталось когда-то в грязной избе, при дымящей лучине, за замасленным букварем?¹⁴

Оно самое. В 1916 году, в Петербурге, в разгаре войны, накануне революции, в самом утонченном, самом избран-

ном кругу истина формулируется так: «Нам философии не надо...»

Сомнений, что это истина, — никаких. Да никто и не хочет сомневаться. Всем нравится. Именно это — а не другое. И никто не виноват.

Пришло время — и яд действует. Пришло время, и яду нельзя сопротивляться...

Каннегиссер в 1917 году писал:

И если, шатаясь от боли,
К тебе припаду я, о, мать,
И буду в покинутом поле
С простреленной грудью лежать,
Тогда у блаженного входа,
В предсмертном и радостном сне,
Я вспомню — Россия, Свобода,
Керенский на белом коне...¹⁵

«О доблестях, о подвигах, о славе» — он давно мечтал. «Радостная смерть» за Россию, за свободу, за человечество — ему давно мерещилась. Но какая жестокая разница между тем, что мерещилось, и тем, что оказалось в действительности. «...Россия, Свобода, Керенский на белом коне?.. Нет — подвал ЧК, сухой треск нагана.

ххх

Мало кто знает, что убийца Урицкого был поэтом.

«Настоящим поэтом»? Да, настоящим. Если бы он просто «писал стихи», как большинство молодых людей его возраста и круга, — не стоило бы о них упоминать.

Но Каннегиссер был впрямь поэтом. Он погиб слишком молодым, чтобы дописаться до «своего». Оставшееся от него — только опыты, пробы пера, предчувствия. Но то, что это «настоящее», видно по каждой строке.¹⁶

Так вот — убийца Урицкого был поэтом. А что такое поэт? Прежде всего, существо с удвоенной, удесятеренной, утыкающей чувствительностью. Покойный доктор Карпинский, удивительнейший психоневролог,¹⁷ говорил: «Понимаете, если отрезать палец солдату и Александру Блоку — обоим больно. Только Блоку, ручаюсь вам, в пятьсот раз больнее».

Не знаю, как насчет пальцев, но в области душевной, уверен, что «Блоку» всегда больнее, чем «не Блоку», безразлично — солдату или банкиру. Такова уж суть «поэтической природы». Не поэтам нечего на это обижаться. Радоваться, вероятно, тоже нечего...

Итак, Урицкого убил не просто «русский мальчик». Урицкого убил — поэт.

...На Миллионной схватили, как затравленного зверя.¹⁸ Отвезли в ЧК. Что с ним делали там, как допрашивали? Грозили, что его мать, отец, вся семья будут расстреляны, уже расстреляны. Говорят — истязали. Долгие недели в тюрьме в ожидании казни... Никакого просвета, никакой надежды...

Каннегиссера очень долго не казнили. Зачем это было нужно — не знаю. Долгие недели такой «жизни» даже трудно себе представить. А ведь он « прожил» их и, кроме страшной судьбы, которую сам себе выбрал, оставался тем же Ленечкой Каннегиссером, двадцатилетним, веселым, влюбленным, гордым...

Солдату, когда ему режут палец, если и «не так больно», как «Александру Блоку», все же страшно, невыносимо больно.

А тут еще эта адская «таблица умножения»: красивый

х двадцатилетний х веселый х влюбленный х гордый... и еще поэт.

xxx

Уже здесь, в Париже, я видел последнюю фотографию Каннегиссера, снятую за два или три дня до казни.

Когда родных Каннегиссера выпустили спустя несколько месяцев из тюрьмы, даже мебель из их квартиры оказалась наполовину вывезенной. От бумаг, писем, фотографий, разумеется, ничего — если уж рояль взяли в качестве «вещественного доказательства».

И, вернувшись после долгих месяцев из тюрьмы, родители Каннегиссера не нашли ни одного портрета своего казненного сына.

«Все уничтожено», — ответили в ЧК на просьбу вернуть хоть одну фотографию.

В кабинете следователя было несколько человек. Когда отец Каннегиссера был уже на улице, его окликнули. Чекист в кожаной куртке, один из бывших в кабинете. Он протягивал фотографии.¹⁹

— Вот. Нам всем раздавали. Возьмите.

И, помолчав, прибавил:

— Ваш сын умер, как герой...²⁰

Два маленьких бледных отпечатка, такие, как делают для паспортов.

Особенно страшен один, в профиль. Это — Каннегиссер? Тот, которого мы знали, красивый, веселый, гордый мальчик?

Да, Каннегиссер. Только ни его красоты, ни молодости, ни веселья, ни стихов — уже нет. Осталось на этом лице только одно — гордость.

Губы крепко скожены. Глаза смотрят спокойно и колодно. Волосы гладко причесаны, и щеки выбриты. Но есть в этом лице что-то такое, от чего вздрогнет всякий, взглянувший на этот портрет, даже не зная, чей он, откуда он...

xxx

Каннегиссера держали в Кронштадтской тюрьме. На допрос в Петербург его возили по морю в катере. И вот рассказ одного из возвивших матросов. В середине пути разыгралась буря, и катер начало заливать. Каннегиссер сказал: «Если мы потонем, я один буду смеяться».

В том, что эти слова подлинные, не усомнится никто из знативших Каннегиссера. Весь он в этой фразе. Он бы и рассмеялся, наверное, если бы катер перевернуло. А везли его из тюрьмы в застенок. Позади — долгие недели в ожидании казни. Впереди — никакого просвета, никакой надежды...

Балтийское море дымилось,
И словно рвалось на закат.
Балтийское солнце садилось
За синий и дальний Кронштадт...²¹

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Неточная цитата из стихотворения «Нет, я не Байрон, я другой...», написанного Лермонтовым в 18 лет.

² Литературно-художественное кабаре в Петербурге-Петрограде (1912—1915).

³ Неточно цитируемая 1-я строчка стихотворения А.Блока (без названия).

⁴ Сточки А.Блока (цикл «Молитвы» — «Утренняя»).

⁵ Буль — стиль французской мебели XVII-XVIII вв. с инкрустациями из меди, бронзы и пр. (По имени Анри-Шарля Буля — придворного столыря Людовика XIV.)

⁶ Неточно цитируемые первые строчки стихотворения М.Кузмина (без названия), впервые опубликованного в собр.соч. М.Кузмина (Мюнхен, 1977, т. 3). У Кузмина — «носил бы ты стихарь»; «стихарь» — длинная одежда священнослужителей.

⁷ Далькроз (Жан-Далькроз) Эмиль (1865—1950) — создатель системы развития музыкальных и ритмических способностей, ритмической гимнастики.

⁸ Галантейный магазин «Ф.Трейман», расположенный на Невском проспекте.

⁹ Неопубликованные стихи Кузмина.

¹⁰ Г.Иванов ошибается: это четверостишие Кузмина не было «выведено» на стенах — оно было напечатано в программе одного из вечеров, устраиваемых в «Бродячей Собаке».

¹¹ Зимой 1916 г. Есенину было 20 лет.

¹² 1-я строфа стихотворения Каннегиссера (без названия). Написано 23 августа 1916 г.

¹³ Молитва св.Ефрема Сириня близко к тексту изложена в стихотворении Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...»: «Владыко дней моих! дух праздности унылой,

Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей».

¹⁴ Г.Иванов излагает здесь биографию Есенина по слухам, не соответствующим действительности.

¹⁵ Строфы из стихотворения Каннегиссера «Смотр» (27 июля 1917 г.).

¹⁶ Единственная книга стихов Каннегиссера вышла уже после его смерти, в Париже, в 1925 году. В эту книгу вошли также публикуемый очерк Г.Иванова и очерки М.Алданова и Г.Адамовича.

¹⁷ Карпинский Александр Иванович (1872—?).

¹⁸ После убийства (в вестибюле Министерства иностранных дел) Каннегиссер вбежал в случайную квартиру, набросил на себя висевшее на вешалке пальто, выбежал на Миллионную (ныне ул.Халтурина) и был тут же схвачен (об этом подробно рассказывает тот самый Х, которого мы цитировали во вступительной заметке).

¹⁹ Эта фотография опубликована в посмертной книге Каннегиссера (см. прим.16).

²⁰ «Один из матросов утверждал, что чекисты были принуждены ускорить казнь; так как нравственный облик Каннегиссера располагал к себе всех окружающих, большевики боялись, как бы матросы не освободили его». («Воля России», Прага, 1929. NN 5—6.)

²¹ Первая строфа стихотворения Г.Иванова (без названия). Сб.«Розы» (Париж, 1931).

Публикация, вступительная
заметка и примечания
Л.ПОЛИКОВСКОЙ

Елена БОКШИЦКАЯ

АХ МЫ, СУКИНЫ ДЕТИ!

ПРО ФИЛЬМ
ЛЕОНИДА
ФИЛАТОВА,
ПРО ЖИЗНЬ,
ПРО НАС

В воскресное холодное утро я направлялась на похороны близкого человека. С трудом сторговавшись с таксистом и купив, словно восковые, замерзшие цветы, я села в машину, и мы двинулись по пустому Ленинградскому проспекту. У Белорусского жезл милиционера перекрыл все движение. Прошло пять минут, десять, а с трудом разогревшиеся с утра машины стояли и стояли, согнанные с центральной трассы на боковые дорожки.

— Что это? — спросила я у водителя. Пять минут назад он беспардонно требовал с меня сумму, примерно раз в пять превышающую ту, что должна была быть на счетчике, но, отвечая, немедленно проявил социальную активность.

— Как, что? — возмутился он. — Не знаешь, что ли? Безобразие! Им дорогу за полчаса освободили, а мы стой и коченей здесь, мать твою.

Прошло еще минут десять.

— Так кого же все-таки ждут? — снова заинтересовалась я.

— Кого-кого... Красные едут, — неожиданно произнес мой благодетель.

— Так я на похороны опоздаю, объясни ему, Христа ради!

Таксист высунулся в окно и прокричал гаишнику, стоявшему в торжественном ожидании прямо переди трассы: «Командир, пропусти, я вправо уйду, женщина на похороны опаздывает», — и, взяв мои цветы, показал ему.

— Стоять! — послышалось с улицы.

— Нельзя!

— Но ведь на похороны?!

— Нельзя, я сказал!

Через две минуты наконец-то появилась первая машина — милицейский «Мерседес», за ним вереница разнообразных черных, среди которых выделялись два или три бронированных «зила». Как известно, в народе их называют «членовозами». Давненько не видела я такую картинку, года этак четыре, если не больше, не перекрывали так надолго огромное движение «членовозы», с ветерком несущие «слуг народа» в безоблачные дали, вперед. Всегда хотелось при этом спросить: «А куда же ехать нам?»

Снова стало стыдно и противно: ощущение, к сожалению, практически не покидающее в последнее время. Снова — Они и Мы в невидимом внутреннем противоборстве. Неужели и на этот раз тупо молчащее большинство — это Мы?

Сходные ощущения пришлось пережить и вечером того дня. В Доме кинематографистов давали премьеру фильма актера, поэта, а ныне уже и режиссера Леонида Филатова, назвавшего свою импровизацию на реальную тему «Сукины дети».

Это история, которую пережил Театр на Таганке, когда его, можно сказать, отец и художественный руководитель Юрий Любимов, гонимый властями, оказался за рубежом и был лишен советского гражданства. В театре царила тревога и сумятица.

Да, вроде бы все похоже, и, тем не менее, вся эта история сочинена ее автором, хотя бы потому, что на экране она предстает в виде идеальном: такой, какой бы ее хотел представить и запомнить Филатов и многие его коллеги по театру. На самом же деле, в реальности все происходило, быть может, не менее драматично, но гораздо менее достойно.

Фильм рассказывает притчу о пастве, лишившейся своего пастыря и

оказавшейся перед вечным выбором — предать или оставаться верными тому, чему учили их пастырь, и ему самому. Молчаливо отстраниться или противостоять ИМ, которых было так много и которые были так незыблемы, монолитны и неуязвимы. Были? А разве сейчас — нет?

Артисты, лицедеи, эти жестокие и капризные дети Мельпомены, в дурацких костюмах и с размалеванными гримом лицами (в фильме весть о грозных переменах в общем доме застает их врасплох, во время репетиции) забывают о дрягах и склоках, которыми наполнен любой театр, о любви и ненависти друг к другу, о зависти к чужим успехам и, максимально сосредоточившись, готовятся к самому главному и опасному в их жизни спектаклю. Они сами сочиняют эту пьесу, импровизируя на ходу и на ходу же рождая слова, быть может, никогда ранее не произносимые, пьесу, которую можно было бы назвать «Протест». Нет, до социального протesta здесь далеко, хотя, как всегда на нашей благословенной родине, под всякое действие, идущее вразрез с плавным, налаженным, а главное — годами проверенным ходом гигантской машины, подкладывается политическая подоплека, и вот уже мальчики в черном, безликие картисты заполняют театр, и представители власти чувствуют себя там как дома, хозяевами, явившимися укротить взбунтовавшуюся прислугу или сменить ее.

На самом же деле все гораздо проще и много сложнее. Пастыре не хочется становиться обычным стадом, бегущим под кнутом туда, куда пастух погонит. Пастыре оказывается группой людей, где каждый индивидуален и все вместе, людей, уничтожающих ножницы между театром и жизнью и желающих соответствовать тому, что было в течение многих лет на их сцене, — высоте чувств и гражданской честности.

Артисты объявляют голодовку, основным требованием которой становится возвращение гражданства их Учителю. О, если бы тогда, десять лет назад, это произошло на самом деле! Если бы оказались способны на такое не только одиночки-бунтари, а каждый из нас кричал во весь голос, и так составился бы многоголосый хор протеста! Но даже когда кричать разрешили — хора, как известно, не получилось. А нервные взоры, несущиеся со всех сторон, практически бесполезны.

Но это уже не про фильм, а про

и а с — живых, реальных, разуверившихся вконец. Правда, и фильм про и а с, вернее, про то, какими мы могли бы быть.

В «Сукиных детях» легко угадываются прототипы. Экзальтированная до кликушества, жаждущая мести Зинаида Славина в обличье молодой актрисы Татьяны Кравченко, интеллигентная, утонченная Алла Демидова — ее образ создает Нина Шацкая, есть много других аналогий. Похожи до изумления, да непохожи. И прав режиссер. Ведь фильм про то, какими мы могли бы быть, избавившись от сущности и мелочности, да не стали... Лишь один персонаж в исполнении просто грандиозного актера, новой советской звезды — Владимира Ильина, не имеет прототипа, не узнаваем. Это, наверное, собирательный образ театра, того Театра на Таганке, которым мы все гордились за его, хоть и эзопово, но сильно ощущаемое инакомыслие.

Один из ключевых эпизодов — приход к бледным, обессиленным от голода артистам Человека от интеллигенции. Модно одетый, элегантный, уверенный в себе джентльмен пытается доказать труппе, что их революционный бунт — глупость, неужели и впрямь подумали, что из-за какого-то театришки власти решение свое переменят? Станислав Говорухин в обличье то ли, как сегодня читается, Кравченко, то ли еще какого-нибудь функционера крайне убедителен. Сколько же их, разумных, осто-

рожных, живущих двумя, а то и тремя жизнями, всегда находится возле нас! Как умеют они убеждать власти и пользоваться авторитетом у «своих». Сейчас-то они в авангарде, позволяют себе острые речи, качаясь, как Ванька-станька, — то вправо, то влево, обращаясь к невидимой толпе.

... Почему же, несмотря на удовольствие от фильма и сопереживание его персонажам, вдруг стало стыдно и неуютно? История, сочиненная Филатовым и происшедшая вроде бы давно, еще в застойном времени, оказалась невероятно актуальной и сегодняшней. Ведь сукины дети — это мы, а не те, кто борется за свое достоинство на экране. Это мы — сукины дети, привыкшие жить в постоянном унижении, — снова молчим, матерясь сквозь зубы при обмене купюр или слушая телевизионную невзоровскую брехню. Мы — по-прежнему молчаливое, недовольная масса, способная на несколько строк в газете или обвинительные речи в никуда — в уютных стенах, скажем, Союза кинематографистов. А самое страшное, что в наших рядах сегодня не найдется ни тех семи, которые вышли в 68-м на Красную площадь, ни тех семнадцати, которых мы увидели в фильме «Сукины дети».

И что же нам остается? Снова кричать «Долой!» Но ведь это «Долой!» уже все уверенное летит и с другого берега. А оно, как выяснилось, умеют не только кричать...

Зиновий ЗИНИК

БЕЖЕНЕЦ

В последнее время журналы все чаще печатают произведения русских писателей-эмигрантов, хотя, по-моему, мало, выборочно и непоказательно. Все больше разговоры вокруг да около. Сколько бумаги изведено на споры о том, хватит ли на эмигрантов бумаги! Разброс позиций огромный: тут и почвенная кабалистика, и покаянный трагизм («все мы перед ними в долг», и непотребное хулиганство... Как бы это умерить в себе азиатчину и, не взывая ни к какой метафизике, просто публиковать то, что нравится? Существуют же нормальные человеческие резоны: интересно читать. Безо всяких ритуалов, заклятий, окропления святой водой, шаманства, плоновений и дуновений. А просто — интересно.

Мне, например, интересно читать английского писателя Зиновия Зиника. Надеюсь, что, прежде чем завоюют вполне предсказуемые сирены и замигают красные лампочки у свежих знатоков русской души, я успею сказать, что Зиник — английский писатель, пишущий по-русски. Вот теперь можно мигать и зевать. Мне бы хотелось, чтобы читатель отложил в сторону ставшие почему-то обязательными «контрольные» вопросы: страдает ли Зиник, уехавший из нашей страны в 1975 году? думает ли оозвращении? как ему наша гласность? и т.д. Буквально каждому эмигранту задают теперь такие вопросы, напоминающие таможенный досмотр или медицинское освидетельствование, и если гражданин эмигрант покается: «страдаю, дескать, братцы», то дадут ему откусить нашего черного хлебушка, а ежели же нет — всегда найдется доб-

рохот, чтобы расквасить отщепенцу далеское труднодоступное лицо.

А стоит ли тащить всех одной сетью и рассаживать на родные березовые пни? Зиновий Зиник тем и интересен, что он не просто хороший писатель, но и писатель уникального в общем-то опыта: блестящее владение английским, он предпочитает писать по-русски, соединяя в своей прозе русское и английское сознание, так сказать, на равных. Возможно, англичанину его романы покажутся, скорее, русскими, русским читателям — скорее, английскими, сам он себя относит к «двухязычному меньшинству» (название его доклада на Лиссабонской международной конференции в мае 1988 года). Давайте так это и примем, не занимаясь перетягиванием каната.

Когда роман Зиника «Перемещенное лицо» вышел во французском переводе, пресса отметила «блестящую виртуозность стиля и тонкий интеллектуализм» автора — высшая похвала в устах французских критиков, и это только перевод, что же говорить об оригинале? Давайте порадуемся за нашего соотечественника (кому еще ведомо старинное чувство радости за ближнего, присоединяйтесь!). Предлагая читателям рассказ Зиновия Зиника, я надеюсь, что сегодняшняя публикация откроет ряд романов, повестей, эссе, составивших автору заметное литературное имя.

Т.ТОЛСТАЯ

Вена кипела бывшими советскими гражданами. Этот город вечных шпионов и бывших нацистов, где каждый третий — липшиц, в те годы все еще оставался перевалочным пунктом на путях эмигрантов, выехавших из Союза под предлогом воссоединения семей — по фиктивному приглашению фиктивных дядей и бабушек. Одного такого внучатого племянника из Москвы я и прибыл встречать. Как все, связанное с московскими отъездами, телеграмма моего приятеля была смесью идиотизма, бесцеремонности и ребячески наивного эгоизма: «Прибываю Вену первая неделя мая встречай Рабинович». Можете себе представить, сколько советских рабиновичей прибывало в Вену в те годы, и первая неделя мая 1979 года в этом смысле ничем особенным не отличалась. Но мой Рабинович считал себя, естественно, исключением из правила; кроме того, он явно полагал, что Вена от Лондона находится на расстоянии нескольких трамвайных остановок: он, следовательно, был твердо убежден в том, что в Лондоне есть трамваи: если они есть в Москве, как им не быть в Лондоне? Венские трамваи меня действительно поразили — их вид, перезон, сами рельсы уводили обратно в Москву.

Прибывающие из Москвы рабиновичи были, грубо говоря, двух типов. Те, кто направлялся в Израиль, сразу уез-

жали в особняк с красным крестом на крыше, маскирующим звезду Давида на груди, и оттуда — в Тель-Авив. Те, кто направлялся в Америку или пытался зацепиться в Европе, получали статус политических беженцев. Разного рода благотворительные организации (в зависимости от страны назначения) брали их под свое крыло: выдавали им мизерное пособие и селили их в пансионах и дешевых отелях на время оформления иммиграционных бумаг. Поскольку я не знал ни ожидаемой даты прибытия, ни идеологических намерений моего Рабиновича относительно географии, мне ничего не оставалось, как разыскивать его по нескольким направлениям сразу. Гиблое в общем-то дело. Но выхода у меня не было.

Я чувствовал себя обязанным. В последние месяцы перед отъездом мы довольно близко сошлись с Марком. Впрочем, слова «близко» и «сошли» надо понимать в узко московском, советском смысле. Марк Рабинович был одним из «проводильщиков»-активистов той отъездной эпохи; ни одни проводы тех лет не обошли без него. Он брал на себя все хлопоты по оформлению бумаг, разного рода разрешений на вывоз книг или картин, занимался отправкой багажа, улаживанием квартирных дел. Из-за отсутствия платных агентств и наемной прислуги бытовые проблемы у нас разрешаются с помощью друзей; бы-

товые хлопоты поэтому воспринимаются как интенсивное дружеское общение, а разрешение бытовых неурядиц и передряг — как апогей дружеского интима. Так или иначе, Марк Рабинович, в свое время активно проучастовав в беготне вокруг моего отъезда из Москвы, считал меня теперь чуть ли не единственным близким ему человеком «за кордоном». Наступала моя очередь поучаствовать в его судьбе: если не дружбой, то хотя бы ответной беготней вокруг его приезда в Вену.

Поскольку у меня двойное — израильское и английское — подданство, связи тут же обнаружились во всех иммиграционных агентствах, эмигрантских организациях и дипломатических службах; в результате дня не проходило без звонка мне в пансион с извещением о прибытии в Вену очередного Марка Рабиновича. Тот факт, что он не из Москвы, не того возраста, не рыжий и вообще не тот Рабинович, выяснялся в последний момент. Я послушно плелся в очередной центр, пансион, отель, благотворительную организацию, чтобы столкнуться с еще одним вывихом эмигрантской судьбы — с истериками и паникой, неоправданными надеждами и скандальным вымогательством надежду не оправдавших.

Я видел двух пенсионеров, бывших заслуженных большевиков, с выпадающими искусственными челюстями; плюясь друг в друга зубами и мокротой, они осипшими голосами спорили: можно или нельзя в штате Техас организовать подписку на журнал «Работница» с доставкой на дом?

Я видел евреев, круглые сутки зашивавших под покладку пиджаков все свое личное имущество, включая алюминиевые кастрюли: они готовились к нелегальной переброске в Западную Германию — под вагонами поезда и в багажниках автомашин; евреям давали, по слухам, почетное гражданство и денежную компенсацию за ужасы нацизма.

Я видел людей, твердо уверенных в том, что задача израильских иммиграционных агентств — выкрасить их из отеля и затем под присмотром немецких овчарок и под дулами автоматов «узя» отправить на принудительные работы в социалистические кибуцы пустыни Негев.

Я видел людей, набивающих чемодан за чемоданом пластиковыми продуктовыми пакетами, — это был самый доступный в Вене символ процветания для тех, кто руководствовался советскими критериями. Заодно припрятывались и пластиковые помойные мешки для мусора, выдававшиеся постоянным администрации отеля. Эти блестящие мешки складывались в копилку будущего благостояния, а помойку выбрасывали тайно по ночам в коридор и на улицу через окошко. В коридорах несло помоями эмигрантского настоящего.

В большинстве отелей уже не работала канализация. Канализация была забита прежде всего газетами: ими пользовались, по советской давнишней привычке, вместо туалетной бумаги, а туалетную бумагу опять же припрятывали, а потом продавали на эмигрантских толкучках, импровизированных блошиных рынках. Но самым ужасным были куриные перья в унитазе. Бывшие советские люди, попав в Вену как кур в оцинк, быстро разнюхали, что самый дешевый мясной продукт на западе — курица, которая, как известно, не человек, точно так же, как женщина — не птица. Согласно того же рода российским соображениям, курица, выпотрощенная и упакованная в блестящую пластиковую обертку с наклейкой супермаркета, должна быть заведомо дороже той, что продают с рук, с базарного лотка, в «диком» натуральном виде. Эмигранты покупали на рынке живую птицу и, зарезав, потрошили

ее прямо в номере. Ощипанную птицу кидали в электрокипятильник фирмы «Радуга», а перья спускались в сортир. То есть перья никак не спускались: трубы уже были забиты перьями предыдущей курицы.

Эти гостиницы для советских эмигрантов узнавались на расстоянии — по вони и еще по постоянному шебуршению и толкучке разного рода людышек у входа. Тут обязатель но торчал весь день, как перед входом в публичный дом, архетиический верзила в футбольке с малохольным выражением лица, чья деловитость и озабоченность проявлялись лишь в беспрестанной работе челюстей: они усердно пережевывали жвачную резинку — обретенный, наконец, в неограниченных количествах дефицитный продукт; кроме того, тут всегда судачили бабки в знакомых платочках, усевшиеся вместо лавки прямо на ступеньки или на ящики из-под пива. На фоне майской широкой, похожей на кремовый торт Вены, утопавшей по весне в вальсах Штрауса и молодом вине, эти шевелящиеся скученным бытом, как черви в банке, эмигрантские общежития гляделись как лепрозории, как чумные карантинны.

После разоблачения очередного подставного Рабиновича я убегал от этой эмигрантской заразы в Гринциг — пригород Вены в часе трамвайной езды от центра. Буколика мещеных уочек, где в каждом доме с прянничной крышей — винный погребок, со столами во дворе и домашними хозяйствами в кокошниках и чуть ли не кринолинах, с кружевными нижними юбками при фартуках, разносящими кружки с молодым вином, — все это как будто презрительно сторонилось, как неопрятного дохдяги, вышеписанной толкучки венских кварталов, по городскому неразборчивых в своей готовности приютить чужаков вроде моих сородичей по эмиграции, с их чемоданной сутолокой и потной хваткой, цепкостью и напором. Это инстинктивное чувство снисходительности и презрения, гримаса непроницаемости, когда в глаза не видишь бедного родственника или никчёмного и опустившегося старого приятеля на светском рауте, эта привычка дурно воспитанных аристократов дернуть плечом и пройти мимо, не повернув головы, со страшной легкостью прививалась и мне в эти венские дни. Как-никак, я считал себя аристократом эмиграции, в то время как они — советские новоприбывшие — были ее плебсом, люмпен-пролетариатом.

Избежать столкновения с ними было, впрочем, нетрудно: они были заметны за версту, они были, как прыщ, на напудренном подбородке Вены. Нечто необычайно советское тут же угадывалось в грустно склоненной голове, в бессмысленной целеустремленности (в поисках дефицита?) походки, в приниженной сгорблленности и опущенном лице со взглядом исподлобья. Или же, наоборот, в болванистости выпущенных от радости глаз и раскрыто рта, в гнусавом и надрывном голосе, все непрерывно и без разбора комментирующем, как акын перед чайной; в преувеличенной жестикуляции, как будто эти истосковавшиеся по вещам руки хотят все перетрогать и перещупать в новом для них мире сбывающегося сна. Именно к этой, второй, категории и относился тип, усевшийся напротив меня через скверик, у остановки, где я, в один из своих заголов в Гринциге, дождался обратного трамвая в Вену.

Слегка навеселе, я пропустил один трамвай, следующий ожидался через полчаса; мне ничего не оставалось, как усесться на лавочку и наблюдать, прикрывшись для виду газетой, классическую пантомиму ужимок эмиграции.

Он был не один: яростно жестикулируя и талмудически раскачиваясь, он втолковывал свое авторитетное мнение

— несомненно по актуальным вопросам мировой политики и судеб земной цивилизации — дородной американке в летней панамке и строгом платье в горошек; она была явно одной из тех дам-благотворительниц, добровольцев из американских агентств, что опекают прибывших в Вену советских евреев, как будто это психически больные родственники. Впечатление мой соотечественник производил, действительно, не слишком нормальное. Типу этому было лет под пятьдесят — устрашающей породы спорщиков из провинциальных интеллигентов — то ли инженер, то ли школьный преподаватель истории, разочаровавшийся в марксизме-ленинизме. Все в нем выдавало полубразованного демагога из российских окраин: коренастый и раздутый, как уродливая картофелина, не в высоту, а в ширину и вбок, он был затянут, как в кожуру, в застриранную ковбойку: его кожа, как будто запыленная загаром, оттенялась сединой дорожной небрости; сломанная, видно, оправа его очков была перетянута около дужки клейким пластырем, и он деликатно придерживал очки двумя пальцами в неожиданно пародийном профессорском жесте.

Машинально скользя взглядом по газетной странице, я вздрагивал, как будто пойманный сличным, от раскастистого и твердого российского «р» в немыслимом, изуродованном, переломанном по всем суставам английском моего бывшего соотечественника. Видимо, лишь я во всей округе мог догадаться до смысла его сентенций, которые он натужным голосом выкрикивал в ухо американке. Как и следовало ожидать, этот смысл сводился к осуждению австрийского населения за отсутствие душевной теплоты и недостаточное сопротивление советскому проникновению на Ближний Восток. Каждый советский человек точно знал, на кого надобросить атомную бомбу, чтобы спасти все светлое и гуманное на земле. Терпимость и политес заключались в том, что на одних бомбу надо былобросить прямо сейчас, а на других несколько позже; разногласия возникали только по вопросу о сроках.

Американку подобные стратегические тонкости явно интересовали лишь постольку, поскольку мой бывший соотечественник находился под ее опекой и административным надзором. Она кивала охотно головой в знак согласия, но взгляд ее лениво блуждал по площади: так выглядят янчечки, приставленные к пациентам частных психиатрических клиник. Когда ее настырный собеседник слишком яростно начинал размахивать руками, до меня доносились ее вежливые ни к чему не обязывающие возражения. Так беседуют с невменяемым. Разговор их так или иначе сворачивался. Американка поднялась и, энергично покачав руку моему правдолюбцу, зашагала, с завидной живительностью толстушек, в сторону винных погребков, откуда уже доносилось разудалое пение под грохот кружек, как будто имитирующих классический звуковой фон из советских фильмов о разгуле нацизма. Через плечо у американки свисала фотокамера, и я подумал, что, может быть, она вовсе и не опекает моего бывшего соотечественника, а столкнулась с ним случайно, разговорившись невзначай. Так или иначе, без опекунов или противников в споре этот тип существовать явно не мог: стоило американке удалиться, как его глаза стали прочесывать площадь в поисках новой идеологической жертвы. Я тут же еще глубже зарылся в свою английскую газету.

Но было поздно: он неумолимо продвигался в мою сторону и через мгновение уже усаживался на другом конце моей лавочки. Оглянувшись, он стал рыбком пересаживаться, сокращая расстояние между нами, как подыпивший гуляка, kleящий девицу на бульваре. Искоса я наблю-

дал за этой пантомимой загадочных кивков, невнятных хмыканьи, зазывных улыбок, подмигиваний и подергиваний, пока, наконец, до меня не дошло, что своеобразная азбука немых изображала просьбу закурить. У него просто-напросто не было спичек. Я, почти не поворачиваясь, достал зажигалку и поднес огонек к его вывернутой в мою сторону физиономии с сигаретой в зубах. В последний момент порыв ветра рванул вбок огонек зажигалки, мой непрощенный сосед дернулся, сигарета вылетела у него изо рта, он вцепился в нее на лету всей пятерней, и от сигареты на глазах осталась рваная папиресная бумага и кучка табаку. Он тут же стал хлопать себя по карманам в поисках пачки, достал изжеванную бумажную обертку — из самых дешевых местных сортов — и убедился, что пачка совершенно пуста. Очки его с заклеенной скотчем дужкой съехали набок, вид у него был преждливый, я не выдержал и достал свою пачку «Бексон энд Хеджес». Он вытянул сигарету деликатно двумя пальцами, обнюхал ее, изучил английское торговое клеймо и сказал с уважением, полу-вопросительно: «Ынглиш?» И уже не сомневаясь, тыкнув пальцем в газету «Таймс» у меня на коленях: «Ынглиш!»

Эта тонкая и прозрачная газетная страница, испещренная иностранными иероглифами, этот самый «ынглиш» стали для меня в это мгновение верным политическим убежищем, пуленепробиваемым стеклом, за которым я мог пересидеть в полной душевой безопасности эмигрантскую атаку и в то же время не упустить ни одного момента метаболизма этого марсианского пришельца. Признаться этому монстру в родстве значило проигнорировать собственный многолетний опыт освобождения от рабства советского прошлого и вновь приобщиться к ажиотажу эмигрантской толкучки в выборе новой родины. Каждый Рабинович этого заезда высказывал совершенно непрекаемое мнение насчет того, куда надо ехать. Но каждый, тем не менее, с энтузиазмом ждал опровержения своего окончательного решения, потому что втайне от себя подозревал, что кто-то другой знает нечто такое, что неизвестно ему: что-то кому-то давали получше здешнего где-то там, где нас нет. Полный аристократического презрения к подобным плебейским дилеммам, я, не моргнув глазом, кивнул головой и подтвердил, что я да, мол, «ынглиш». Признайся я в своем российском происхождении, разговор тут же скатился бы к выяснению того, где и как можно устроиться. Я же не был заинтересован в увеличении российского этнического меньшинства на британских островах.

Мой Рабинович энергично затянулся английской сигаретой, снова поправил сломанную дужку очков поллекторски двумя пальцами, потер подбородок и, придвинувшись ко мне вплотную, доверительно сообщил на своем чудовищном английском, что Англией он крайне недоволен. Я осторожно поинтересовался, чем же это ему Англия не угодила. Англия, как выяснилось, не помогает Израилю. Я пробормотал что-то насчет декларации Бальфура и что даже мусульманские народы обвиняют Англию в том, что Израиль — ее, Англия, креатура. На это неумолимый Рабинович возразил, что английские педерасты — известные любители мусульманских народов, которых давно пора кастрировать; англичане накладывают эмбарго на продажу оружия израильтянам вместо того, чтобы засунуть хорошенъкую бомбу в зад палестинским террористам. Эти палестинцы, которым давно следует пооторвать яйца, обосновались в Ливане и не дают жить местному христианскому населению, а весь мир, кроме Израиля, смотрит на это сквозь пальцы.

Тут мое любопытство к бреду бывших соотечественни-

ков стало уступать место застарелой неприязни: вновь российский человек знает, кому следует поотрывать яйца и кого кастрировать; вновь мы окружены врагами и опять кто-то виноват в неприглядности и убогости нашего бытия и мышления; вновь готовится заговор против христианской цивилизации и, чтобы ее спасти, надо сбросить еще на кого-то еще одну бомбу. Не говоря ни слова, я сунул под нос этому искателю справедливости разворот в «Таймс» — с фотографией последней израильской бомбеки палестинского лагеря под Бейрутом: трупы стариков, женщин и, естественно, детей, да и террорист с оторванными яйцами в госпитале тоже не вызывал особого лихорадки. Мой компатриот смотрел на эту фотографию как в афишу козы. Об этом налете чуть ли не целую неделю долдонили все газеты, радио и телевидение, но советский Рабинович об этом впервые слышал.

«Я ведь по-английски и по-австрийски плохо понимаешь», — признался он, коверкая грамматику; впервые за весь разговор на его лице появилось выражение беспомощности.

«Могли бы заглянуть в русскую газету, — сказал я. — Вам в отеле выдают бесплатно эмигрантскую прессу». «В каком отеле?» — затряс он головой. Он не читает по-русски. Он русский презирает. На нем говорит Советский Союз, а Советский Союз поддерживает его кровных врагов — палестинских террористов.

«На каком же, интересно, языке вы вообще читаете, если не по-русски? — взбесился я на этого заново рожденного сиониста. — Вас в школе какому языку обучали? Еврейскому, что ли? Или, может, арабскому?» — «Ну да — арабский», — кивнул он. И повторил: французский и, конечно, еще и арабский. Он же двухязычный, как всякий христианин-ливанец из Бейрута. И он развел руками, как будто извиняясь за знание арабского.

Прочитан рассказ. И хотя Татьяна Толстая предостерегала нас от вопросов, они, эти вопросы, — ну что поделать, слаб человек, слаб, — так и возникают. Корреспондент «Столицы» Юрий Зайнашев беседует с писателем.

МЫ ВСЕ — ЭМИГРАНТЫ: СОВЕТСКОЕ ОТЕЧЕСТВО УХОДИТ

Долгие годы «западные голоса» чудились мне едва не голосами загробными. Говорили они на том же русском языке, но... против Советской власти, а это отдавало мистикой.

Вскоре, однако, объявили гласность, потом вырубили глушилки, потом сковырнули и растащили на сувениры для заокеанских коллекционеров «железный занавес»... и «голоса» обрели лица, живые, человечьи, у многих даже симпатичные... вот это, скажем, — у Зиновия Зинникова, писателя; между прочим, изобретателя термина «соц-арт», ведущего культурных программ русской службы Би-би-си.

— Зиновий... э-э?

— Пожалуйста, по имени. За пятнадцать лет я потерял не только отчество, но и отчество.

— ...Неусыпным слушателям Би-би-си известно, что впервые после эмиграции Зиновий Зинник посетил Союз еще в ноябре 1988-го. Что ж вы ощущали по приезде теперь?

— Тогда я приехал в еще «постбрежневскую» Москву — в собственное прошлое. Теперь же... я прощаюсь с собственной родиной здесь. У нас с вами (вместе) происходит всамделишная эмиграция, мы лишаемся общего Отечества — Отечества социалистического. Когда сегодня я шел по Москве и в переулке увидел красный, на фоне сталинского дома, бюст Ленина, то понял; что нахожусь почти в музее — не сегодня-завтра этого

... Ковбойка оказалась ливанского производства. Как и засаленные брюки с волдырями на коленях, и сломанная оправа очков, и башмаки на микропорке не по сезону; как и раскатистое твердое «р» в произношении. Его дом был взорван палестинцами, захватившими его квартал; они же расстреляли всю его семью. У него еле хватило на билет в Европу. Какими путями и зачем он попал в Австрию, трудно было понять: маршруты всех на свете эмигрантов объясняются не столько практической географией, сколько счетами с прошлым и надеждами на будущее, а они у каждого эмигранта слишком запутаны, чтобы разобраться в них случайному попутчику. Я узнал лишь, что работал он тут судомойщиком и на скверик выходил в свободные часы, чтобы поговорить с туристами: через них он узнавал, что происходит в мире, — на газеты у него не было денег, да он и не знал, где они, французские и арабские газеты, продаются. Никуда из этого пригорода он не выезжал, а мечтал лишь об освобожденном Ливане и еще иногда его посещали смутные мысли об эмиграции в Америку. Я был первым, с кем ему серьезно удалось разговариться о ливанских событиях. Мне ничего не оставалось, как снова взяться за газету «Таймс» и начать зачитывать подряд все заметки на ливанскую тему, разъясняя ему незнакомые слова и комментируя факты. С получасовым перерывом подошел еще один трамвай. Я не поднялся; уже окрипшим голосом я продолжал зачитывать английскую газету от корки до корки этому чудаку-ливанцу — пока совсем не стемнело.

P.S. Мой московский Рабинович так в Вене и не появился; отчаявшись ждать, я вернулся в Лондон, где нашел от него телеграмму с сообщением о том, что эмигрировать он передумал и от выездной визы отказался.

Лондон, 1987 г.

Ленина долбанут и никогда-никогда не восстановят. На моих глазах исчезает целая страна. Словом, в 1988-м я прибыл в еще не умершее прошлое, а нынче — в еще не состоявшееся будущее.

— А вы нынешний согласились бы эмигрировать?

— Вы такой страшный вопрос задаете! Ведь я отчасти и приехал сюда, чтобы понять, каков я нынешний. Я нынешний состою из советского прошлого, немного иерусалимского, немного французского и четырнадцатилетнего английского. Прошлое, а значит, и я — раздвоились.

Отчего я уехал? В сравнении с гонимыми диссидентами я уехал совершенно добровольно. Легче объяснить, от чего я уехал — от «общей судьбы», которая представлялась так: либо наручь на путь, ведущий в лагерь, либо в конечном счете стану ходить на демонстрации 1 Мая, погибну, засохну в пустых и сумасшедших разговорах. Видя на улице, в подземке эти сутулы, изможденные спины, согнутые или лагерем, или бессмыс-

ленным, гнетущим убожеством, я испугался, испугался слиться с толпой и умереть в толпе.

Как говорил Оскар Уайльд, мы все хотим кем-то стать: адвокатами, знаменитыми писателями, зубными врачами, эмигрантами... И трагедия жизни в том, что мы ими и становимся. И когда ты с ужасом видишь, что кем-то становишься, становишься живым штампом, то ужас этот приводит к неким странным конвульсиям. Эти конвульсии, объясняя рационально, — боязнь смерти, то есть закостенения в своем минувшем, в настоящем или в своем будущем. (Вы пейте, пейте чай! Нет, обычно я пью с молоком, но, вот беда, сегодня не сумел его купить. Мое чаепитие лишается важного английского «аспекта».) Итак, в 1975 году Мое будущее виделось мне мертвым, и я подал заявление.

Теперь я британский подданный, я присягнул на верность королеве и поклялся защищать ее жизнь. А советское прошлое отделилось от меня и стало законченным произведением, романом. «Железный занавес» — дыряв он или нет — все же отсекает тебя от тебя прошедшего, словно занавес театральный. И потому-то отчаяние эмигрантов, которые не прижились на Западе, так схоже с отчаянием литературных неудачников. Они чувствуют, что их минувшее — такое цельное и красивое, а настоящего никакого нету.

А насколько то решение было разумно? Думаю, всякий отъезд с Родины — неразумен. Я тоже эмигрировал в состоянии полубезумия, считая себя уже конченным человеком, не верил, что там вообще можно писать. Оказалось — можно. Ты начинаешь мыслить на английском, а пишешь — на русском — вот вам и конфликт, противостояние.

— Выходит, и на чужбине можно писать живо и естественно?

— Однажды в Париже после моей лекции «Эмиграция как литературный прием» писатель Василий Белов сказал мне (впрочем, о том же писали и Беккет, и Джойс), что для всякого писателя сам процесс написания, создания фразы — это отход от себя, тоже своего рода эмиграция.

Думаю, и само слово «чужбина» вскоре исчезнет. Это ведь традиция русской словесности, восходящая еще к Ветхому Завету: отъезд с Родины — предательство. В то же время есть древнегреческая традиция: отъезд — приключение, некий опыт. Никто не обвинял Улисса за то, что он уплыл на несколько десятков лет в по-

Фото С.Шароджанова

За пятнадцать лет жизни вне Москвы Зиновий Зийфік опубликовал пять романов, повести и рассказы. Его проза переведена на английский, французский, испанский, голландский, иврит. Телевидение Би-би-си экранизирует его роман «Русофобка и фунгофил». Его последний роман «Лорд и егеря» готовится к публикации в московском издательстве «Экслибрис».

исках золотого руна. (Отметьте: золотого — если человек эмигрирует ради денег, в этом тоже нет ничего страшного.) Чужбина может быть везде: один мой московский знакомый просто занавесил окна ватным одеялом — он собственную родину воспринимал как чужбину. Можно уехать из деревни в город и не воротиться — вот вам и эмиграция. Есенин вот уехал, а потом кричал: «Нет любви ни к

деревне, ни к городу». (Подобная тоска и есть, на мой взгляд, творческое состояние.)

И, напротив, чужбины может не быть нигде, ибо мир становится настолько тесен, настолько един, что никому и в голову не приходит спрашивать Гэма Грина или Лоуренса Даррелла, не забывают ли они английский язык, проживающие вдалике от Англии. Настоящий мой приезд сю-

да — поразителен. Он настолько гладок, что я воспринимаю жизнь в Москве, как некое жутковатое, изуродованное, но все же единое с миром Лондона.

— Зиновий, кем вы чувствуете себя в московской толпе: русским или русским британцем?

— С одной стороны, конечно, ощущаю дистанцию, с другой — во мне сохранился чисто советский страх перед этой толпой.

Толпа есть везде — «протокольные» рожи и в Лондоне попадаются. Однако там выработан цивилизованный кодекс: если ты не улыбнешься соседу по лифту, он решит, что ты его сейчас ударишь, и наоборот. И — улыбаемся. Это не значит, что все вежливы внутри, это — необходимость, благодаря которой можно ходить по улицам, не опасаясь быть растерзанным. Здесь этот страх жив. Он просыпается во мне, едва я пересекаю советскую границу. И сама Советская власть — это окончательное выражение власти толпы. Короче, пока есть страх — жива Советская власть, а значит, в стране не будет ничего толкового.

— Не встречаются ли вам здесь настроения вроде: «За морем веселье — да чужое, а у нас и горе — да свое?»

— Такие настроения родились не сегодня. Трагедия минувших лет в том, что вопрос отъезда стоял ребром (не как теперь): либо тут, либо туда. Люди делились на «крыс»: которые бегут с корабля — «отъезжают» и которые отсиживаются по углам или сотрудничают с этой страшной системой. Обе «крысы» теперь уверяют, что обрели мудрость: первая — через изгнание, вторая — через страдание. А на самом деле каждый получил просто собственный образ жизни — «за морем» или здесь.

— Вы как-то сказали, что в нашем государстве, особенно для людей вашего поколения, давление слов, идей над поступками было устрашающим. Сохранился ли у нас и впредь эта логократия, власть слов?

— Нет, нет. Это какое-то смешение умов, не может нормальный человек выписывать двадцать пять журналов. Скоро станет нелепым, парадоксальным сам факт, что вы берете у меня интервью. Наступит «рынок», и некогда будет столько читать, и люди займутся делом.

— Деньги делать?

— Нет, это — не «деньги делать», это — жить, просто жить.

НЕЗАВИСИМАЯ «ЭРИО», ИЛИ ЧТОБЫ НЕ ХОДИТЬ СТРОЕМ

И ногда — правда, не очень часто — происходят какие-нибудь события в культурной жизни, которые одновременно имеют большое, если не большее, значение и в социально-политической сфере, ибо разрушают некую монополию. Монополию на мысли, монополию на вкусы, монополию на чувства. Монополию того, кто «знает, как надо».

Недавно у любителей музыки на полках появились три пластинки, которым, по-моему, уготовано место в том же ряду. Это три диска, выпущенных независимой фирмой «ЭРИО». На них, правда, еще стоит прежнее название фирмы — «Апрель», от которого пришлось отказаться, чтобы избежать неоправданных ассоциаций и с Апрелевским заводом грампластинок, и с писательской ассоциацией.

Эти три диска — первые, выпущенные абсолютно вне «Мелодии». Пластинки, выходящие под марками «Орфей», «Крокус», «Русский диск», «Метадиджитал», «Синтез» и т.д. — так или иначе, в той или иной степени, — продукция «Мелодии». Они или изготовлены на ее оборудовании, или просто родились в ее недрах и прикрылись другой вывеской. Почему так важно то, что «ЭРИО» совершенно независима и самостоятельна? Не вдаваясь сейчас в разбор состояния дел на «Мелодии» (это предмет особого разговора), скажу только, что критика, постоянно раздающаяся в ее адрес, и справедлива, и несправедлива одновременно. Несправедлива потому, что одна фирма в принципе не способна учесть запросы сотен миллионов слушателей, даже если бы старалась. А справедлива потому, что создавшееся ненормальное положение «Мелодии» вполне устраивало. Потому, что монополист всегда обречен на то, чтобы стать диктатором. Потому, что, несмотря на многие удачные — более того, вели-

колепные — пластинки, очень и очень многие музыкальные явления остались за бортом и, боюсь, достижениями здесь нельзя оправдать неудачи.

Но появление новой фирмы — с ее новым подходом к репертуару, тиражной и гонорарной политике, новым взглядом на музыкальный процесс — важно не потому, что наконец-то выйдет то, что «Мелодия» не выпускает, а потому, что это, надеюсь, послужит оздоровлению нашей музыкальной жизни в целом.

Итак, что же это за пластинки, осуществившие (или, по крайней мере, начавшие) революцию в том, что во всем мире является частью музыкального бизнеса, а у нас — неизвестно по чьему идиотскому распоряжению — сферой КБН, то есть товаров культурно-бытового назначения, наравне с кастрюлями, сковородками и утюгами?

Я не знаю, было ли так специально задумано или (что, по-моему, вероятнее) получилось случайно, но первые три диска «ЭРИО» в определенной степени очерчивают политику фирмы. Это: Андрей Вах — «Повесть о не оставивших следов», Александр Башлачев — «Третья столица» и группа «Аукцион» — «Дупло». То есть поиск и продвижение новых имен (Вах, хотя и был известен коллекционерам и имя его даже мелькало в прессе, все же оставался практически неведом широкому слушателю), издание архивных записей (как бы ни крутили носом любители компакт-дискового звучания, эта пластинка Башлачева, на мой взгляд, значительно ценнее выправленного и слаженного диска «Мелодии», вышедшего ранее) и выпуск новых программ современных «звезд» (запись «Аукциона» вышла довольно быстро; может быть, наконец-то наши исполнители смогут обойтись без унизительного ожидания своей очереди в плане?).

Пластинка Воха не может считаться музыкальным событием. В этом нет ничего страшного — в мире выходит огромное число записей, подавляющее большинство которых не претендует на мировую славу, но все они, как правило, находят своего слушателя. Вох попал в поле зрения специалистов, когда стал дипломантом конкурса самодеятельных рок-альбомов, объявленного А.Житинским в журнале «Аврора». Эта его программа, несомненно, удачнее предыдущих. Будем надеяться, что следующая будет еще лучше.

Трагическая смерть А.Башлачева (он покончил с собой в феврале 1988 года в возрасте 27 лет) привлекла к нему внимание официальных средств массовой информации, хотя он не стал мгновенной суперсенсацией, как, например, «Кино» после гибели Виктора Цоя. Ни его образ, ни его песни, ни его полуподпольное, полусладкое существование не могли превратить Сашу Башлачева в романтического героя толпы. Но это творчество оказалось громадное влияние на других музыкантов и поэтов. Пластинка «ЭРИО» включает в себя песни, записанные им практически случайно в студии Алехи Вишни в 1985 году. Сейчас, по слухам, диски

Башлачева готовятся во Франции и на «Мелодии». Надо думать, что и «ЭРИО» продолжит издание его записей.

И наконец, «Дугло» «Аукцион» — программа 1990 года. Несомненная удача фирмы. Замечательный диск, еще раз доказывающий, что «Аукцион» — одна из самых интересных и необычных групп на нашей рок-сцене. Очень трудно характеризовать, к кому именно направлению начинает тяготеть музыка ленинградских музыкантов. Да, конечно, это рок, но с очень яркими элементами джаза (особенно такие песни, как «Немой», «Боюсь»), современной импровизационной музыки. Причем с элементами не внешними, чем иногда грешит, например, Стинг, а с каким-то внутренним ощущением, делающим их произведения необыкновенно богатыми и насыщенными.

К сожалению, не все любители смогут пойти и купить диски «ЭРИО». Во-первых, потому что некуда пойти. У фирмы еще нет своей торговой базы. А во-вторых, тиражи пластинок ограничены двадцатью тысячами (что немного даже при цене 8–12 руб.). И хотя, по заявлению директора фирмы В.Лаврова, «ЭРИО» специально выпускает диски для профессионалов и коллекционеров, может быть,

в будущем, с выходом на новые мощности, ситуация изменится.

В планах фирмы также — классика, современная академическая музыка, джаз, импорт зарубежных пластинок и компакт-дисков.

Я рад за ребят из «ЭРИО» и завидую им — они сделали то, о чем мы долго и безуспешно мечтали. Я рад за фирму «Мелодия» — у нее наконец-то появился конкурент, и, может быть, хоть это подстегнет ее, выведет из состояния нервно-коммерческой лентаргии, в которой она пребывает в последнее время. Я рад за музыкантов, редакторов, продюсеров, которые раньше по разным причинам не шли на контакт с «Мелодией», — теперь у них есть выход.

И я рад за всех нас, потому что у нас теперь есть возможность выбора. И даже если (не дай Бог!) у «ЭРИО» в конечном итоге ничего не получится — я очень надеюсь, что получится, — нам очередной раз показали, что можно не довольствоваться на всех одной газетой, одной идеологией, одним вкусом, одной фирмой грамзаписи. А в обстановке, когда нас всех снова хотят заставить ходить строем, это очень важно.

Андрей ГАВРИЛОВ

Дневник Ч.

ТАК ЛИ СТРАШЕН ЧЕРТ?

«НОЧНОЙ ПОРТЬЕ»
Италия—США, реж. Л.
Кавани

Великая картина Лукино Висконти «Гибель богов» (1969) породила множество фильмов-спутников, фильмов-последователей, каждый из которых по-своему замечателен. Это и «Конформист» Б. Бертолуччи, и «Сало» П.-П. Пазолини, и отчасти «Кабаре» Б. Фосса, и во многом «Мефисто» И. Сабо. Из монументального многообразия «Гибели богов» последователи, как правило, выбирали одну-единственную тему: связку фашизма и небанальной эротики. Всех откровенее и по-женски непосредственнее эту связку выразила Лилиана Кавани в фильме «Ночной портье», прихватив заодно с темой Висконти и его актеров — Дирика Богарда и Шарлотту Рэмплинг. Между их героями — охраником и узницей фашистского лагеря — разыгрывается апофеоз садомазохистской страсти. Показ этой страсти — сладостной, отвратительной и щемяще-нежной — был рассчитан на скандал и его вызвал. Скандал на Западе длился недолго и, украсив картину, отошел в небытие: фильм Лилианы Кавани повсеместно признан классикой. Скандал в СССР длился почти двадцать лет, прошедших после выхода картины: «Ночной портье» оказался под запретом. Двадцать лет подряд Лилиана Кавани, ставшая у нас чуть ли не главным чертом эзападного кинематографа, кормила советских киноведов: они наперебой возмущались ее безнравственностью, в последние годы на перестроенный лад. Ассоциация совместных киноинициатив, приобретшая картину для широкого показа в СССР, положила конец запрету и — будем надеяться — скандалу. Во всяком случае, теперь наши зрители сами решат, так ли страшен черт, как его малют.

Александр
ТИМОФЕЕВСКИЙ

ГЕНИАЛЬНЫЕ ЗАПИСИ

«МАРИЯ ЮДИНА. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ЗАПИСЕЙ». ВЫПУСК III.

Диск фирмы «Мелодия»

У пластинок, по крайней мере в нашей стране, — принципиально иная судьба, чем у книг. Они до сих пор находятся где-то на периферии общественного сознания. Сколько было написано, например, о трехтомнике Цветаевой! Причем совершенно оправданно и заслуженно. Но вот то, что у нас выходит полное собрание записей Давида Ойстраха, осталось вне поля зрения прессы.

Такая же участь постигла и полное собрание записей гениальной пианистки Марии Юдиной, третий выпуск которого недавно появился в магазинах. Весь комплект посвящен Францу Шуберту, юдинские интерпретации которого всегда вызывали пристальный интерес профессионалов и любителей музыки. Комплект прекрасно составлен и отреставрирован, он, конечно же, как и первые два выпуска, исчезнет с прилавков очень быстро. За последние годы как-то так получилось, что на «Мелодии» вышло несколько вариантов знаменитого шубертовского «Фореллен-квинтета» — можно сказать, на любой вкус. Но теперь мы можем сравнить их с трактовкой М.Юдиной, Д.Цыганова, В.Борисовского, С.Ширинского, В.Хоменко. Этот квинтет, завершающий комплект из трех пластинок, становится спокойным, радостным финалом тревожного, порой сумрачного, нередко трагического — как жизнь самой Марии Вениаминовны — альбома.

А. Г.

ЗАГОВОР ДОВЕРИЯ

«МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Театр-студия «У Никантовых ворот», реж. М.Розовской

Неподалеку, на этом же бульваре, — дом, где провел последние дни Гоголь. А здесь, в переполненном зальчике театра-студии, Александр Филиппенко читает «Мертвые души». Позму, отданную на откуп школьной программе, а следовательно, скучную для обычного зрителя и нелюбимую им. Впрочем, «читает» — неточное слово. Это полноценный театр, но спектакль, в котором одна роль.

В течение двух с половиной часов Филиппенко «держит» зрительный зал — такое по нынешним временам удается немногим. Тем более, что авторы спектакля оставляют в стороне «образы помещиков» — наиболее выигрышные для демонстрации таланта перевоплощения актера. Они высвечивают своим вниманием последние главы первого тома и отрывки из второго, начиная почти на полуслове и вслед за автором обрывая на середине фразы.

Актер не торопится убедить зал в прямолинейной современности гоголевского текста, но и не пренебрегает возможностью понимающие хитро подмигнуть зрителю. То, что происходит в этом театре, можно назвать заговором доверия Гоголю, и к этому

заговору, подчиняясь обаянию и мастерству Филиппенко, нельзя не присоединиться.

Неожиданно не победоносно, не заносчиво, а, скорее, — недоуменно, почти испуганно, звучат слова о птице-тройке, которой несет невесту куда Россия, никак не находя в себе сил остановиться и зажить по-человечески. И вопрос «...Русь, куда ж несешься ты?..», как и у Гоголя, остается без ответа.

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

КУНСТКАМЕРА МУТИРОВАВШЕГО САМИЗДАТА

ВЫСТАВКА ART-BOOK В РИГЕ

Андерсеновская Русалочка, как известно, должна была умереть при первых лучах солнца. После нее оставалась лишь розовая пена. Нечто похожее произошло с нашим самиздатом. Правда, былой самиздат-диссидент при первых лучах свободы не умер, а лишь слился воедино с официальной прессой. Но

розовая пена все-таки осталась: это новый, мутировавший самиздат, который ныне представляет собой не подрывную антикоммунистическую литературу, а рафинированную культуру книжного искусства. Уникальные, созданные в единственном экземпляре и сознательно не предназначенные к тиражированию авторские книги стали второй крайностью после подделоватых копий наших бытых конспираций.

Экспозиция «розовой пены» была устроена на родном для Андерсена берегу Балтики, в мягкой Риге. Устроитель выставки, Юлия ф. Кизин, сама мастерица сочинять книжки в жанре «Подношений». Участники — все именитые художники: П. Пепперштайн, В. Сулягин, Л. Тишков, И. Кабаков, К. Звездочетов, В. Овчинников (СПб). Из рижских экспонатов обращали на себя внимание периодический журнал «ИБО» и книжный сервис для столверчения Ж. Шитова (фарфор).

Теперь выставка ожидается в Москве, и несравненно лучше укомплектованной.

Г.С.

«ВЕЧЕР В ПОДВАЛЕ «БРОДЯЧЕЙ СОБАКИ»

Молодежный театр
«Паладин», реж. Г. Вельская
и Н. Крутиков

Нас ничем не, нас ничем не,
нас ничем не удивишь! —
тврдить такие речи стало

модным со временем Екклезиаста, но слышать сей гимн «Бродячей собаки» в ее подвале, что переместился с Михайловской площади Петербурга, 5, на московскую Полянку, 45, и из года 1912 в год 1991, право же, удивительно, и удивительно приятно.

Мальчишки 90-х, которым впору спорить о Прибалтике, ловко перевоплощаются в Гумилева, Шершеневича, Маяковского и, изрядно волнясь, читают стихи... Они не смешны, потому что артистичны, они не современны, потому что изящны, они неловки, потому что безнадежно молоды, и, кажется, всего лишь эстетствуют (ибо время такое: ретроспекций, реминисценций, комментариев)... и кажется, что страшно далеки они... и что нет ничего, кроме этого полутемного уютного зала с небрежным наигрышем пианино... — но они так увлечены, так правдивы, что хватаясь за голову — Боже, неужели и нам, как тем, из «Серебряного века», пять лет всего осталось?

Николай МАЛИНИН

P.S. : видео

Ведет Андрей
Гаврилов

ПОЖАЛЕЙТЕ СЕБЯ!

«ЯНВАРСКИЙ УБИЙЦА»
США, реж. П.О Коннор

Какое созвездие актеров — Кервин Клейн, Сьюзан Сарандон, Харви Кейтель, Род Стайгер, Дэнни Айелло! Какие продюсеры — Норман Джусон и Эзра Свердлов! Какой композитор — Марвин Хэмлиш! И, Господи, ну какая мура! Два-три смешных момента, две-три реалии, которых, может быть, мы не знали по другим полицейским лентам. И все это — около двух часов! В кошмарном бреду не привидится такой сюжет, такой любовный многогранник и такая развязка, как в ленте О Коннора. Пожалейте себя — не смотрите.

НА ПУСТОМ МЕСТЕ

«РЕНЕГАТЫ»
США, реж. Дж. Шоулдер

Джек Шоулдер известен у нас прежде всего как режиссер, поставивший несколько мистически ужасных лент типа «Скрытый враг» или «Кошмар на улице Вязов-2». На этот раз мы увидим его боевик. Надо признать, что ужасы у него получались лучше. На протяжении всего фильма Л.Д. Филлипс и К. Сазерленд гоняются за злодеями, которые не только торгуют наркотиками и убивают, но еще и (и в этом их главная ошибка) похищают ритуальное индейское копье. Стрельба, погони, красотки, заклинания, продажная полиция — все это варево, конечно, смотрится. Но замешено оно на таком пустом месте, что оторопь берет. И еще: ну почему их фильмы ни о чем смотреть можно, а наши — даже если они тоже ни о чем — хоть убей, сил нет?

Дневник У.

ВНИМАНИЮ СОВЕТСКИХ
ЧИТАТЕЛЕЙ

ЕСЛИ ВЫ ЕЩЕ НЕ ПОДПИСАЛИСЬ НА «СТОЛИЦУ»,

ВЫ МОЖЕТЕ ЭТО СДЕЛАТЬ
В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ.

Наш индекс: 73746.

Стоимость годовой подписки: 49р. 40к.

Подписка на полгода: 24р. 70к.

Подписка на 3 месяца: 12р. 35к.

Это дешевле, чем покупать журнал в розницу.

— ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ —
ЧИТАТЕЛЕЙ —

«СТОЛИЦА» —

ЕДИНСТВЕННЫЙ СОВЕТСКИЙ ЖУРНАЛ, КОТОРЫЙ ПРИХОДИТ ЗАРУБЕЖНЫМ
ПОДПИСЧИКАМ В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, ЧТО И СОВЕТСКИМ!

По вопросам подписки на наш журнал обращайтесь по адресу:

ECONEWS
BOX535
1001 LAUSANNE
SWITZERLAND

TEL. 41.21-311.45.05

FAX. 41.21-311.45.11

ЦЕНА НОМЕРА В РОЗНИЦУ:

Швейцария	4,90 шв.фр.
Франция	20 фр.фр.
Германия	5,60 н.марок
Великобритания	1,90 ф.ст.
Другие европейские страны	3,80 ам.долл.
Израиль	5,15 шек.
США	4,25 ам.долл.
Канада	4,85 кан.долл.
Другие страны	4,25 ам.долл.

ЦЕНА НОМЕРА ПО ПОДПИСКЕ:

3,43 шв.фр.
14 фр.фр.
3,94 н.марок
1,34 ф.ст.
2,68 ам.долл.
3,60 шек.
2,98 ам.долл.
3,40 кан.долл.
2,98 ам.долл.

Initials	Family name
Mr./Ms.	
Address	
Postcode	Town/City
Country	
Please charge: Access/Mastercard/Eurocard ☐ Visa ☐ Diners Club ☐ American Express ☐	
Please bill me later ☐	
Card No.	Card expiry date
Signature	

В стоимость подписки
включена доставка
авиапочтой.

- 72 Weeks
52 Weeks
36 Weeks
26 Weeks

Please send this coupon to ECONEWS Box535 Lausanne 1001 SWITZERLAND.

ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

НЕ ПОМОГУТ И ЛЯГУШКИ

Кризис в Персидском заливе грозит внести в «Красную книгу» новые виды исчезающих животных. Республика Бангладеш, будучи одной из беднейших стран на планете, не в состоянии покупать нефть по заметно выросшим после кувейтского кризиса ценам. Кроме того, в ее казну перестали поступать отчисления из зарплаток бангладешцев, работающих в странах бассейна Персидского залива.

Какая связь между экономикой Бангладеш и «Красной книгой»? Самая прямая: стремясь поправить пошатнувшееся финансовое положение, власти республики отменили запрет на экспорт лягушачьих лапок. Введенный в 1988 году, он «стоил» стране 15 миллиардов долларов ежегодно.

Однако, отмечают специалисты, даже разрешение экспорта лягушачьих лапок не спасет экономику Бангладеш: эти деньги — лишь ничтожная часть той суммы, которую переводили на финансовый счет государства трудолюбивые и непрятязательные бангладешцы-гастробайтеры.

«Наша страна», Израиль

ВОЕННЫЕ МУНДИРЫ С ДЕЗОДОРАНТОМ

Забрезжила надежда для потягивающих в пустыне подмышек американских солдат. В США изобретена специальная сетчатая тенниска из нейлона со встроенным «поторегулятором».

Противопотовая нижняя рубашка успешно прошла испытания в американских войсках, находящихся в Саудовской Аравии. Она оправдала все ожидания солдат.

«Де фри актуэльт», Дания

ТОЛЬКО ДЛЯ ЖЕНЩИН

Некая Габриэлла Бернард открыла недавно в центре Берлина отель под несколько романтическим названием «Артемизия». И в этом не было бы ничего удивительного, если бы не одна деталь: это отель исключительно для женщин. Роскошные апартаменты, великолепное обслуживание и непреклонная охрана у подъезда, задача которой — не допустить внутрь представителей другой половины человечества.

С какой целью придуман этот сексуальный апартейд? Владелица отеля считает, что существует множество женщин, которые просто мечтают хоть немного отдохнуть от бесконечного приставания мужчин.

«Донна модерна», Италия

САМАЯ НЕПРЕСТИЖНАЯ ПРОФЕССИЯ

Одновременно с восстановлением во многих американских штатах смертной казни, у тюремных властей появилась новая проблема — дефицит палачей. На сегодняшний день в американских тюрьмах сидят и ждут своего последнего часа 2400 приговоренных к смерти.

В законе говорится, что казнь должна осуществляться быстро, эффективно, с минимумом мучений для осужденного. Смертная казнь существует сейчас в 15 штатах и по меньшей мере еще в 23 готовы ее узаконить. Но из-за отсутствия профессиональных палачей в прошлом году во время казней разыгрывались кошмарные сцены. Так, в мае во Флориде из головы казненного вырвалось пламя из-за того, что электрический стул не функционировал, как ему следовало. Не лучше обстоит дело и с другими видами казни. В штате Техас приговоренный к смерти 40 ми-

нут вынужден был сидеть и ждать, пока палач отщет на его руке вену и сделает ему смертельный укол.

«Афтонбладет», Швеция

ПРОМИСКУИТЕТ В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

Сексуальные привычки животных вызвали ученых шок. Согласно последним исследованиям, они, подобно людям, регулярно прелюбодействуют и даже не чужды гомосексуализма. Как обнаружилось, три особи птицы-завишки участвовали в своего рода оргиях. Лоси, кролики и белки могут в течение дня поменять несколько половых партнеров. Треть птиц, согласно исследованиям, является неверными супругами.

«Дейли стар», Великобритания

МАУГЛИ В СОБАЧЬЕЙ КОНУРЕ

Полиция Йоханнесбурга вызволила двухлетнего мальчика, который умеет только лаять и скулить: большую часть жизни родители держали его в конуре вместе с собакой. Полицейские обнаружили сидящего в конуре голого мальчика после того, как соседи пожаловались на громкий лай у одного из домов. Ребенок и собака, по-видимому, лаяли в унисон.

Мальчик, который находится сейчас в больнице, не умеет ходить. Его руки искривлены на манер собачьих лап, а вес составляет лишь половину нормального веса малыша его возраста. Отметины на его шее говорят о том, что ему приходилось носить ошейник. Он усвоил почти все повадки собаки и настолько страдает от разлуки со своим другом, что администрация больницы подумывает о том, чтобы привести собаку в больничную палату.

По мнению медиков, шансы на восстановление способностей ребенка невелики; он почти определенно останется умственно отсталым. Мальчик, возможно, и не выжил бы, если бы не собака.

Родители мальчика навестили его в больнице, они принесли ему кусок сущеного мяса и потребовали у администрации возвратить им сына, правда, безуспешно. Им пока не предъявлено никаких обвинений в плохом обращении с ребенком.

«Окланд стар», Новая Зеландия

Виталий ЕРЕНКОВ

«НАШИ» И ХУСЕЙН

«Эту войну, одну из последних войн этого тысячелетия, можно смело назвать битвой за передел мира. При всей «агрессивности» Ирака (во многом, кстати, преувеличенной и надуманной) речь идет о занятии Соединенными Штатами одного из важнейших регионов мира, который во многом будет определять международную политику в начале следующего тысячелетия...»

Газета «День», № 2, февраль 1991.

Главный редактор А.Проханов

Плох тот генерал, который не хочет стать генералиссимусом. Былая мода — на И.В.Сталина — вернулась в нашу страну в разгар конфликта в Персидском заливе. Так часто бывает в этом мире: те или иные фасоны вновь становятся популярными — та же линия, тот же стиль, только детали другие. Линия и стиль сталинизма известны. Что же до деталей, то на них оказали влияние традиции нового мышления, а именно: большая любовь к иностранцам. Итак, гвоздь сезона, новый ориентир любителей ретро — Саддам Хусейн.

Популярность иракского диктатора в массах трудового народа, конечно, невелика, но вот что касается масс российских писателей, высокопоставленных военных, а также гвардии политиков старого образца, то нежности их чувств к Саддаму позавидовал бы сам Платон. И если когда-то каждый начальник был более или менее удачной иконкой с образа отца Иосифа, то сегодня у все тех же борцов с американским империализмом снова в моде густые восточные усы и приталенные френчи. Кто скажет, что это преувеличение, ошибается. Юмор — тем более.

Несмотря на то, что относительно число тех, кто открыто (или не очень) поддерживает режим Хусейна, невелико, игнорировать эту проблему нельзя, ибо состоит она не в количестве сторонников Ирака, а в ка-

честве. Ведь многие из них непосредственно участвуют в формировании внешней и внутренней политики союзного руководства.

В чем же состоят аргументы сторонников диктатуры? Начнем с того, что диктатура, по их утверждению, была как раз в ныне освобожденном Кувейте, а также и в других государствах Арабского залива, как сами арабы именуют Персидский залив. Действительно, Кувейт — конституционная монархия. Ирак — парламентская республика. Это официально. Но монархия, как мы знаем на примере Голландии, Швеции, Великобритании, Испании, Японии, — это еще не диктатура. В то же время парламентская республика, скажем, Германия времен фашизма, расистской ЮАР, Корея времен Ким Ир Сена, да и не только эти страны, к сожалению, — это не всегда свобода и демократия.

Как же обстоят дела со свободой и демократией в Кувейте (довоенном) и Ираке? Если взять за основу западные стандарты демократии, то Кувейт был гораздо ближе к ним, чем Ирак. В то время когда иракская оппозиция жесточайшим образом подавляется режимом, когда страна наводнена агентами спецслужб, а люди боятся не то что критиковать политику руководства — просто высказать свое мнение, когда в стране существует культ личности Саддама Хусейна, — в Кувейте любой человек, который не согласен с политикой руководства, не только не подвергался преследованиям, но и в любой момент мог уехать за границу, а самым большим наказанием являлась высылка из страны (тюрьмы же практически пустовали). Парламент Кувейта, который был распущен эмиром в 1986 году, после восстановления независимости страны (по обещаниям ее законных руководителей) будет восстановлен, а полномочия его будут расширены. Иракский же парламент — Национальный совет — мало чем отличается от сталинско-брежневского Верховного Совета.

Ну а сравнение жизненного уровня в этих двух странах может стать лучшим козырем в руках наших монархистов. Сказать, что в довоенном Кувейте жили хорошо, — это значит ничего не сказать. Пока режим Саддама изводил нефтедоллары на вооружение (по западным подсчетам 50 миллиардов долларов), Кувейт вкладывал не менее значительные суммы в развитие страны, мирное хозяйство и даже фонд будущих поколений, неприкосновенный до тех пор, пока не истощатся нефтяные ресурсы страны. Таким образом, очевидны принципиальные различия политического курса.

Даже неискушенный читатель может заметить, что иракский режим по сути своей мало чем отличается от советского государства в сталинском его варианте. Поэтому Хусейн для некоторых — это не внутреннее дело Ирака, иные наши соотечественники восприняли оккупацию Кувейта как сигнал к действию, как лозунг: «Хусейны всех стран, соединяйтесь!», ибо в единстве их сила, на каком бы языке они ни говорили, где бы ни обитали — в Корее или Румынии, Москве или Вильнюсе, на Кубе или в Парагвае.

Для тех, кого не убедят тезис о политической правоте Ирака, у наших хусейнов припасен другой — о выгодном экономическом партнерстве между нашими странами. Складывается впечатление, что ради сохранения этого партнерства они готовы пожертвовать отношениями со всем миром. Что ж, посмотрим, может быть, и вправду оно того стоит; речь все-таки идет о миллиардах долларов. Возьмем хотя бы те шесть миллиардов долларов долга, которые Советский Союз, скорее всего, никогда не получит. Сразу Ирак никогда нам не платил: у друзей все на доверии. Главное — он обеспечивал значительную часть заказа военно-промышленному комплексу. Кстати, чтобы произвести, скажем, танки, которые можно продать за доллары, многие детали, компоненты, обору-

дование, а также продукты и прочие товары для работников отрасли приходится закупать за те же доллары — так что выгода была скорее не экономическая, а политическая. Что же касается упомянутых миллиардов, то шансы на их получение были чрезвычайно малы, так как у Ирака не так уж много наличной валюты — все уходило на вооружение. И это тоже не секрет, ведь в основном все свои предыдущие расчеты с советской стороной Ирак вел в нефти. Поэтому недалеко видно было сейчас делать ставку на дальнейшее экономическое сотрудничество с этой страной даже из сугубо прагматических соображений.

Гораздо больший интерес представляют как раз те страны Залива, которым Ирак сегодня противостоит. Это и сам Кувейт, и Объединенные Арабские Эмираты, и Саудовская Аравия, а также Катар и Оман. Это либо выгодные партнеры со стажем сегодня (Кувейт, ОАЭ), либо заинтересованные в подобных отношениях страны. Платят они хорошо, сразу и в долларах. Кстати, поскольку своей военной промышленности у них практически нет, они могли бы стать и потенциальными клиентами советского ВПК, который вместо одного липового партнера получил бы несколько настоящих. Но, повторю, вопрос здесь не столько экономический, сколько политический.

Последний, но далеко не второсте-

пенный довод наших хусейнов — мусульманский фактор. Негоже, дескать, игнорировать мнение десятков миллионов мусульман Советского Союза, которые видят в войне в Заливе агрессию неверных против исламского мира. Игнорировать, действительно, нехорошо. Но давайте разберемся, корректно ли придавать этой войне религиозную окраску?

Первый вопрос: кто начал агрессию против мирного мусульманского государства Кувейт?

Второй вопрос: где были защитники мусульман, когда Советская Армия оккупировала мусульманское государство Афghanistan и вело войну против его народа?

Третий вопрос: почему никого не интересовало, что думают мусульмане СССР по поводу политики геноцида, которую на протяжении многих лет проводил иракский режим против курдов-мусульман?

За ответом лучше обращаться к певцу афганской войны, а ныне радетелю ислама писателю А.Проханову и тем, кто за ним стоит.

Что же до рассуждений о том, будто Америка рвется к нефтяным богатствам и хочет контролировать 50 процентов их добычи, то те, кто их выдвигает, видимо, полагают, что гораздо лучше, если эту нефть будет контролировать Саддам Хусейн. Именно для того, чтобы этого не произошло, мировое сообщество (а не одни Соединенные Штаты) объедини-

лось в антииракскую коалицию. Трудно представить себе, что кто-то мог призвать Советский Союз и другие страны антифашистского блока бороться с нацизмом мирными средствами, особенно после 1939 и 1941 годов. Главное, что сегодня Америка, выполняя решение Совета Безопасности ООН, вместе с большинством других стран объективно отстаивает не только свои собственные интересы, но и интересы будущего человечества.

Если же в результате маловероятного (но все-таки возможного) развития событий СССР и хусейновский Ирак вновь станут друзьями, то последствия этого для страны могут оказаться равными Чернобылю, антиалкогольному закону, Тбилиси, Баку, Вильнюсу и Риге, вместе взятым. Будут перечеркнуты достижения советской дипломатии в международных делах, а вместе с ними и реноме всего государства. Тогда уж не только о зонах свободного предпринимательства и совместных предприятиях придется надолго забыть, но и о простой продовольственной и медицинской помощи голодным и больным. Называя такой шаг аналогичным, надо понимать, что для наших хусейнов, которые мечтают об установлении диктатуры типа сталинской (или хусейновской) этот шаг вполне логичен, ибо их не пугает ни изоляция от мира, ни нищета народа, ни тем более суд истории. Просто они по-другому умеют и не хотят.

От редакции:

Эта статья уже была сдана в набор, когда закончилась война в Персидском заливе. У нас была возможность в самый последний момент снять ее с номера, но мы этого не сделали. И вот почему. Редакция надеется, что читатель поймет: речь в статье идет не столько о Хусейне как таковом, сколько о хусейновщине, той страшной базилле, которая способна заразить весь мир.

Солдаты США уже дома

«ХОМО СОВЕТИКУС»

БЕЗ ПЕРЕСТРОЕК И ГЛАСНОСТЕЙ

Снова говорят о смелости в искусстве.

Получается, нужно быть очень смелым человеком, чтобы в наше время вообще ставить спектакли, снимать кино, писать картины или книги. Слишком долго искусство тайно занималось тем, что сегодня явно и совершенно спокойно делает любой газетчик. И теперь всякий, пытающийся вспомнить, чем же оно должно заниматься в свободном обществе, вправе считать себя мужественным человеком.

Александр Жабинский принадлежит к тем художникам, которые, столкнувшись с необходимостью в разное время выяснить отношения с газетной действительностью, решали вопрос в пользу искусства. То есть в свою пользу. Как они это понимали.

Он начинал в сказочные семидесятые, когда выставки так называемых молодых напоминали фотовитрины ТАСС и АПН, где в самых разнообразных манерах — от дважды замазанного импрессионизма до сурового и бесстрастного фотореализма — изображался все тот же советский человек: свершающий, строящий, поддерживающий и одобряющий, какой жил в то время в газетах и какого никогда не было в жизни.

Если ты хотел в своих работах заниматься нормальным живым человеком, какой ты есть сам и каких видишь вокруг, ты должен был забыть о газетах, а значит, о выставочных залах и публике. Для этого необходимы были и смелость, и терпение, но почему-то в то время такой шаг не наводил на мысли только о мужестве или сумасшествии. Когда же на газетных страницах в наше время стал появляться живой, хотя и не всегда приятный человек и по привычке двинулся с них на экран, сцену и полотна, все вдруг заговорили о необходимости смелости в искусстве.

Потому что, узнав и приняв нового газетного человека, публика стала требовать от художника «такого же», и оказалось, что диктат публики, начавшейся нынешних газет, ничем не лучше диктата выставок, начавшихся газет прежних.

«Хомо советикус» встал в полный рост лишь тогда, когда разрешили говорить обратное. Критика социализма стала неотъемлемой чертой советского образа жизни. Вторая и темная половина правды через отделы газетных новостей выглеснулась в выставочные залы. Соцреализм во спевающий сменился соцреализмом ниспровержающим, причем рядом оказались те, кто открыл для себя подвалы, когда разрешили это сделать, и те, кто в подвалах вырос.

Появление сегодня в выставочных залах работ тех, кто к газетной действительности никогда отношения не имел, в сущности, вполне случайно. Работы Жабинского из цикла «В наше время», выставленные в Манеже, могли попасть туда по чисто формальному признаку. И не уверен, что так они там и не воспринимались. Его странноватые в городском интерьере герои могут сойти за проститутку, наркоманов и сутенеров, хотя никогда ими не были. И вообще не в этом суть.

— Мои картины — это история моего поколения, — утверждает сам Жабинский. — Главное в них не люди. Главное в них — время. И еще что-то о поколении внутренней эмиграции и неоднозначном искусстве для интеллектуалов. Впрочем, упаси бог прислушиваться к тому, что в словах пытаются выразить художник. Даже если он и в самом деле убежден, что пишет портрет поколения. Даже если он и в самом деле его пишет.

Мне же кажется, что в серии Жабинского «В наше время», во всех этих «Только для мужчин-2», «Похмелье-1», «Не задавай вопросов» или «Да здравствует свобода» умеющему видеть открываются вполне неожиданные и вполне закономерные мысли и о поколении семидесятых, и о нашем времени, и о поколении семидесятых в наше время. Как мы его встретили, как вошли в него и как живем. О чем подумать в общем-то сегодня вовсе не лишне.

Переход совершился так быстро, что мы толком и не поняли, что же произошло. Например, как это вообще возможно, что не просто активной, а государственной деятельностью занялись люди, никогда себя к

этому не готовившие, из принципиальных соображений отказавшиеся от каких бы то ни было перспектив. Когда Жабинский начал писать свое поколение в наше время, оказалось, например, что время изменилось. А поколение осталось тем же.

Странно видеть на фоне соцобязательств не то проститутку, не то пэтессу. И тот же образ рядом с преуспевающим бизнесменом или совсем уже на площади. Пришествие свободы для Жабинского — подросток, грустно приплясывающий на фоне международного торгового центра с карточной шестеркой в руке. И всюду отсутствующий, холодноватый снаружи, погруженный в себя взгляд. И у автора. И у той, которая кажется проституткой. И у того, который представляется бизнесменом. Потому что и проститутка, и бизнесмен сегодня иные. Жабинский пишет историю другого поколения. Того, о котором задолго до его появления Андрей Битов написал: «Один человек плюс один человек равняется два одинчеловека». Связь поколения и времени — штука сложная и непрямая.

В работах Жабинского нет реальных примет именно сегодняшнего времени — митингов, шествий, столкновений. Той среды, в которую вдруг оказались брошенны рефлексирующие, готовившие себя к внутренней духовной работе один-человеки. Поэтому что они так в эту среду и не попали.

У каждого свой метод. И художник предлагает нам попытаться понять, что происходит в нас и с нами. Во вчера, в наше время, в завтра, во всегда. Ну а там уж как получится.

Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ

Александр
ЖАБИНСКИЙ
из серии
«В наше время».

«Не задавайте
вопросов». →

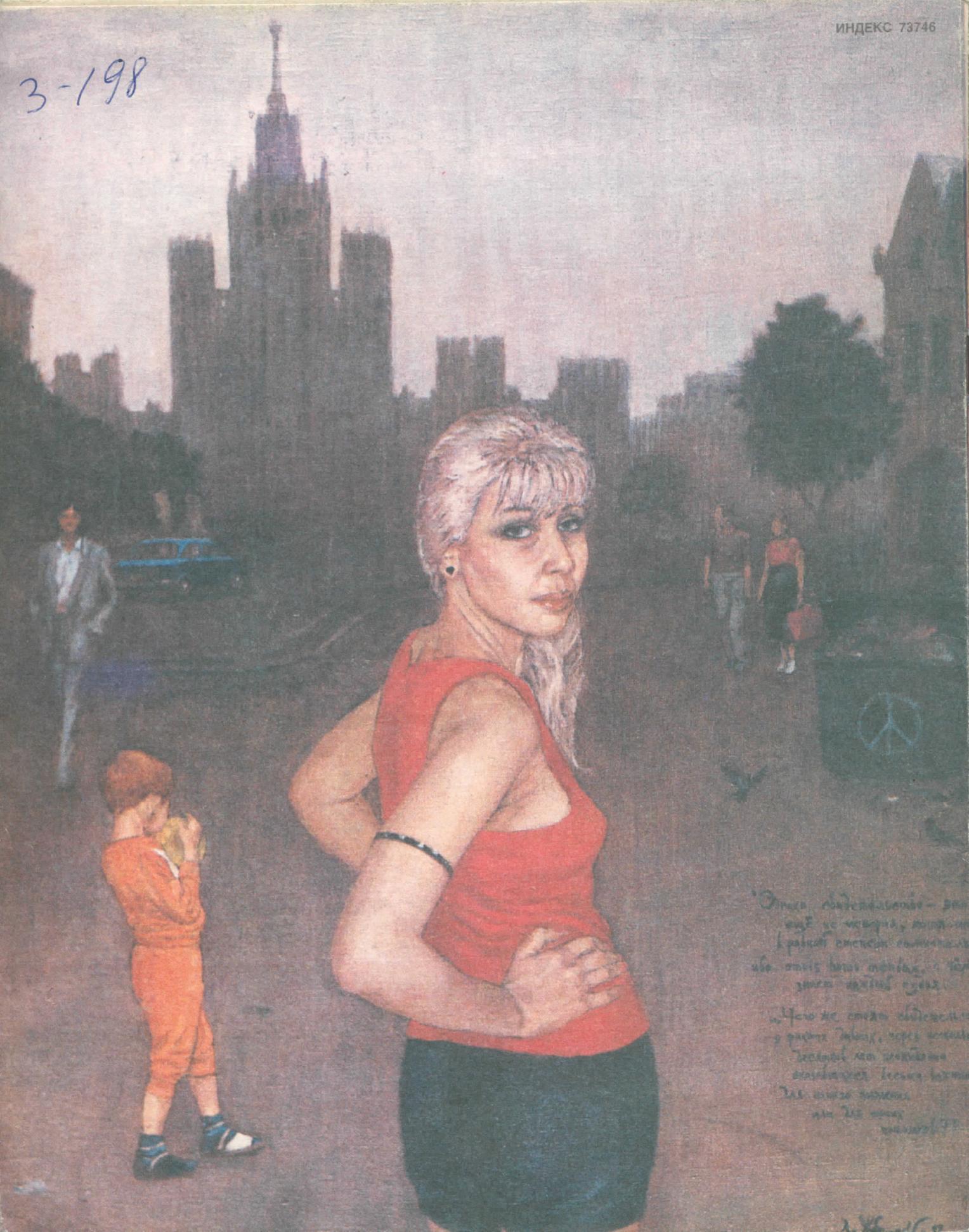
«Для мужчин—3»

«Похмелье—1»

3р.

3-198

Она же подделавши — это
еще не хуже, что вон
такой смесью сомнитель-
но-злочестной
штукой народу
занесла

Что же тогда подделали
в рамках Пакта, кроме штук
такой же склонной
к подделкам, касающейся
таких же злонамерен-
ных лиц других